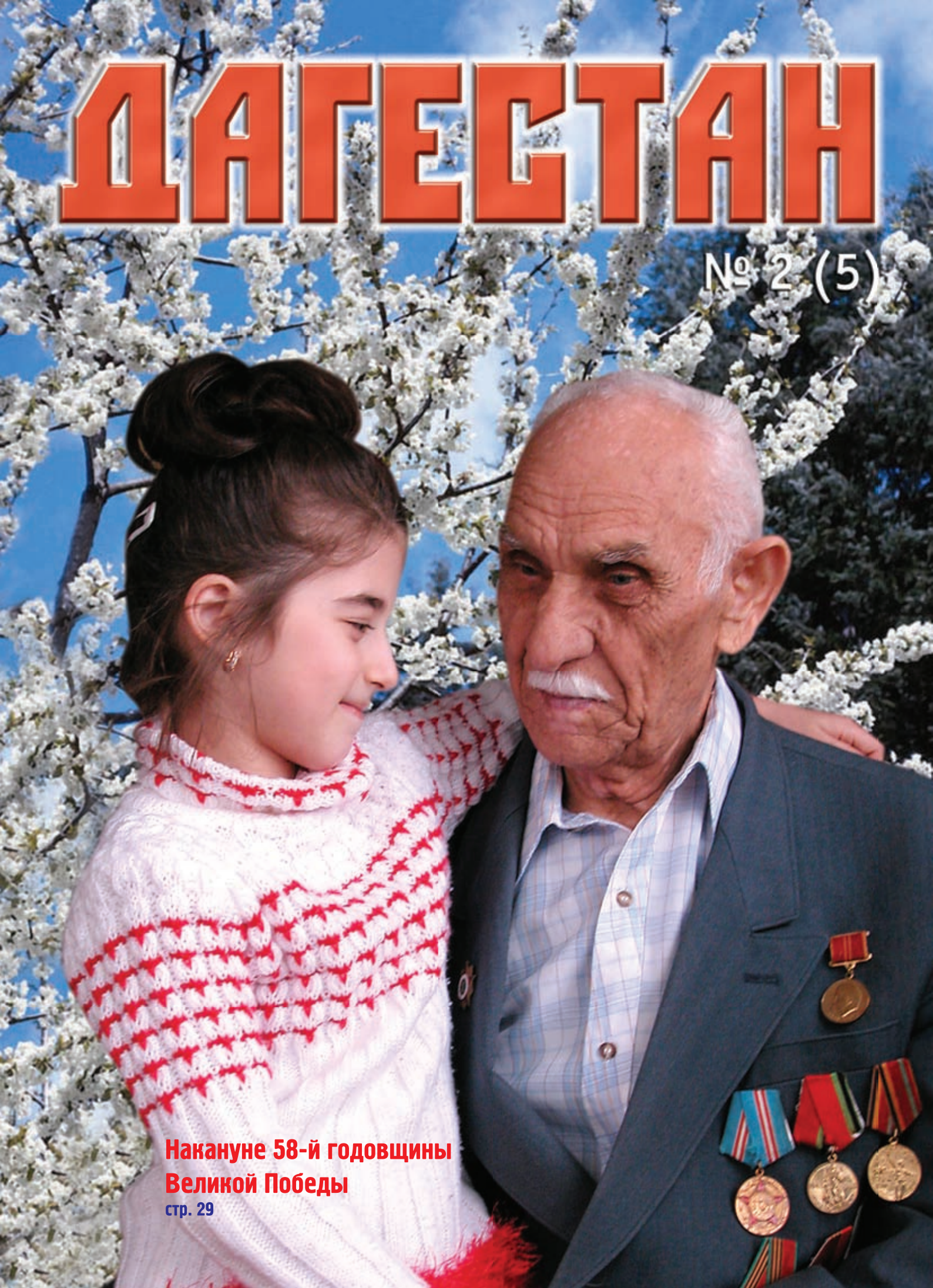
ДАГЕСТАН

№ 2 (5)



Накануне 58-й годовщины Великой Победы

стр. 29

Недавний визит в республику аксакала российской политики Евгения Примакова не мог обойтись без посещения дома аксакала дагестанской литературы Расула Гамзатова.

Фото Х.-М. ЗУРГАЛОВА

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2(5)

ДАГЕСТАН

март/ апрель 2003

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана
Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
литературовед
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО
Константин ЗАЧЕСОВ_____политология
Измена: добро и зло. Предатель: друг и враг. 2
Джамал РАБАДАНОВ_____экономика
Олимп Музакира Шихсаидова. 3
С.-А. МУРОВ_____экология
Крик о помощи. 6
Умар ТЕЙМУРОВ_____мораль
Цена страха и бесстрашия. 8
Абдулгамид АЛИЕВ_____наука и практика
Что выгодно Центру, то полезно республике. 9
Бийке КУЛУНЧАКОВА_____память
Все вспоминаю друга. 11
Зулейха МАГОМЕДОВА_____пресса
Феномен новой публицистики. 12
Мурад АХМЕДОВ_____искусство
Мир символов Ибрагима Супьянова. 14
Наши земляки_____альпинизм
На вершинах мира. 16

ЛИТЕРАТУРА
Абдула ДАГАНОВ_____к юбилею поэта
Читаю Гамзатова. 17
Расул сказал. 18
Камиль СУЛТАНОВ_____наследие
Воспоминания. 20
Арбен КАРДАШ_____наследие
«Аристократ духа». 22
Нурмагомед ГАДЖИАХМЕДОВ_____наследие
Слово об Ахмедхане Абу-Бакаре. 23
Ахмедхан АБУ-БАКАР_____проза
Белый инжир. 24
Вагит АТАЕВ_____поэзия
Верю, что сумею я. 25
Хадижа_____проза
Рассказы. 27
Судьба_____фото на обложке
Всем смертям назло!. 29
Руслан ИСАЕВ_____полемика
Что есть что, и кто есть кто. 30
Гаджикурбан РАСУЛОВ_____полемика
Божьей милостью, или Божьей милостыней. 32
Абдурахман УМАХАНОВ_____критика
Открытие поэта. 34
Магомед ЮСУПОВ_____сатира и юмор
Миниатюры. 34
Байрам САЛИМОВ_____сатира и юмор
Стихи. 36
Яхья Яхьялов_____сатира и юмор
Стихи. 36
Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ_____здоровье
Бальзам. 37
Кроссворд. 40

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала, К/с 30101810500000000882, БИК: 048209882, ИНН: 0562053040 КПП 056201001 ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии. Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

Усл. п. л. – 5. **Тираж – 1500 экз.**
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

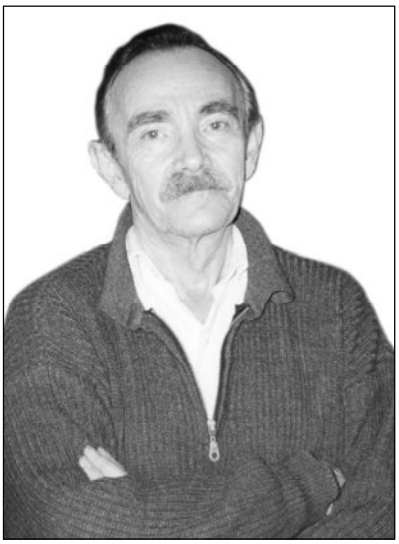
Цена номера в киосках «Роспечати» – 15 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТОЛОГИЯ

Измена: добро и зло Предатель: друг и враг

Только глупцы и покойники никогда не меняют своих мнений (Д.Р.Лоуэлл).



Константин ЗАЧЕСОВ, кандидат философских наук

Когда-то, много лет назад, я, едва закончивший среднюю школу, на комсомольской конференции в крошечном городке на Волге, где тогда жил, был внезапно избран 1-м секретарем нештатного (т. е. неоплачиваемого) горкома ВЛКСМ. Будучи, в сущности, мальчишкой, я обрадовался: мне казалось, что, заняв такую «солидную» должность, я смогу сделать что-то дельное для жителей этого городка. И кое-что действительно получилось. Как практически все мы в те годы, я ничуть не сомневался в великой правоте марксистско-ленинской идеологии.

Потом были институт, аспирантура, преподавание философии в вузах СССР и за рубежом. И моя уверенность в абсолютной истинности марксизма-ленинизма ничуть не была поколеблена, я верил в нее, как христианин в Библию или мусульманин в Коран.

Понадобились годы и годы, чтобы эта моя вера ослабла, а затем обернулась полным разочарованием, если не больше. Это был мучительный процесс, но для думающего человека тех лет, полагаю, неизбежный. Нынешней молодежи это может показаться странным, но многие мои ровесники, вероятно, грустно улыбнутся, читая эти строки и вспоминая себя в тот период с его катаклизмами. Однако никуда не денешься: если определенная социальная система терпит крах, то и та идеология, которой она руководствовалась – тоже.

Но если это так, то в чем ее ошибочность?

Не один десяток лет назад здесь, в Дагестане, на кафедре философии (естественно, марксистско-ленинской, ибо иные тогда просто не признавались), которой я заведовал, наш зав. кабинетом, человек пожилой и уважаемый, полковник в отставке, убежденнейший коммунист, буквально задыхаясь от негодования, сказал мне:

– Вы представляете, до чего докатились эти демократы?! Они сравнили коммунистов с фашистами!!!

– А знаете, полковник, – задумчиво ответил я, – быть может, в этом и есть зерно правды…

Мой собеседник глянул на меня, онемев, широко открытыми глазами и вышел, не прощаясь. Я не обиделся. По-своему он был прав. Так же, как были по-своему правы инквизиторы, сжигая Джордано Бруно, или наши борцы против генетики, кибернетики или «музыки толстых», то есть – джаза. По-своему правы и нынешние марксисты-ленинцы, нынешние, хотя и видоизменившиеся, коммунисты.

Переход от мировоззрения к мировоззрению всегда фантастически тяжел. И тем, кто предлагает новое мировоззрение, обычно бывает несладко. Дело в том, что тот, кто предлагает что-то новое, всегда и неизбежно изменяет старому. Так, Коперник изменил Птолемею, Дарвин – Кювье, Эйнштейн – Ньютону, Маркс – Гегелю, Ленин – Марксу.

Таким образом, есть измена и измена. Не каждый изменник – Иуда. Не каждый наш сегодняшний или вчерашний эмигрант – предатель. Не каждый вчерашний член ВЛКСМ или КПСС, являющийся сегодня «вольнодумцем» – продажная шлюха.

И это надо понять.

Да, люди были коммунистами. Искренне были. Разумеется, и в их среде были карьеристы, мздоимцы, чинуши (а где их нет?). Но в массе своей рядовые коммунисты были честными… верующими. Верующими настолько, что даже не замечали действительного сходства коммунизма с фашизмом, хотя и с искренним ужасом отшатывались (до поры до времени) от последнего.

В самом деле: на что опирается идеологически фашизм? На «исключительность» некоей нации. В чем же его цель? Добиться для этой нации мирового господства. Какой ценой? Любой, включая кровь.

А на что опирается идеологически коммунизм? На «исключительность» некоего класса. В чем его цель? Добиться для этого класса мирового господства. Какой ценой? Любой, включая кровь.

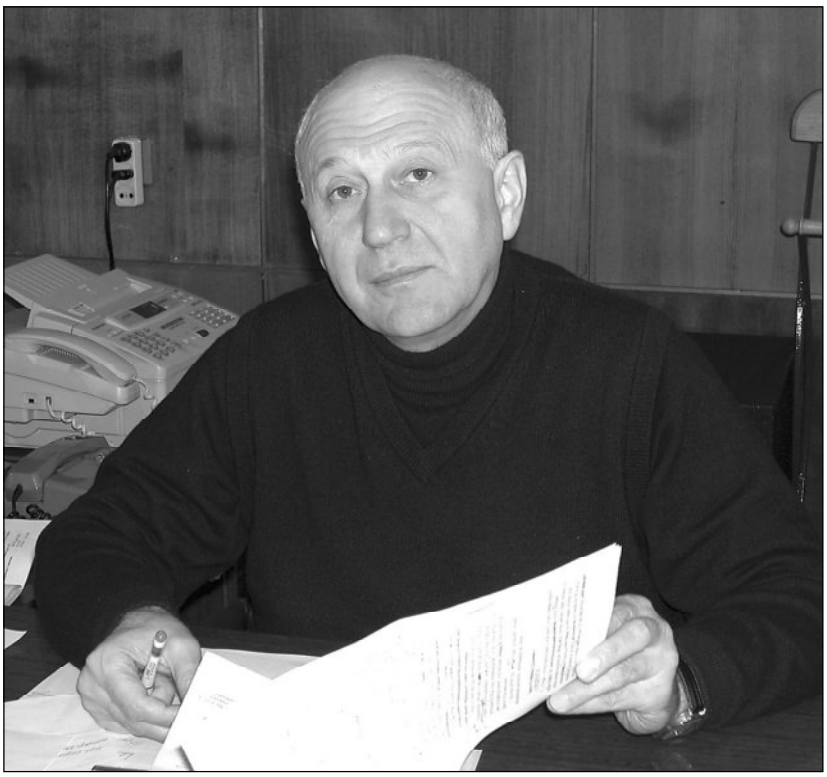
Явное сходство – налицо. В чем оно состоит? В признании приоритета определенной социальной массы над личностью. В чем между ними разница? Лишь в том, что в роли приоритетных выступают разные социальные массы. В одном случае – национальная, в другом – классовая. Вот и все! А живой, конкретный человек, его жизнь и личные свободы и в том и в другом случае остаются в тени, чем-то вроде песчинки в Сахаре или снежинки на Северном полюсе.

И не случайно, видимо, сегодня наши доморощенные фашисты и коммунисты… столковались, нашли общий язык. Даже своеобразную единую национал-большевистскую партию образовали – НБП. Не думаю, впрочем, чтобы сей альянс оказался прочным. Ведь это брак не по любви, а по расчету. Дело в том, что фашисты и коммунисты опираются на разные социальные массы, и связали они себя узами Гименея не из нежных чувств друг к другу, а из-за жажды государственной власти. И стоит им ее добиться – тут же их первая брачная ночь перерастет в ночь «хрустальную» или в «ночь длинных ножей», так что одна из этих партий неизбежно окажется «партией расстрелянных». А может быть, и обе. В любом случае при таком варианте развития событий гражданской войны не избежать. Как и гибели ни в чем не повинных людей…

Итак, я изменил коммунизму. И не жалею об этом. Всеобщее счастье через кровь недостижимо. Это все равно, как стучаться во врата рая, предъявляя в качестве пропуска… свои грехи.

Да, бывают измены. Но среди них есть и такие, перед которыми снимают головные уборы. Измена измене рознь. И если измена совершена во имя жизни Человека, его личных прав и свобод – честь и хвала такой измене!

Можно изменить «массе». Национальной или классовой. Нельзя изменять самому себе – человеку.



Олимп Музакира Шихсаидова

Года два назад, будучи в командировке в Пятигорске, решил пива местного попробовать. Присел за столиком открытого кафе, заказал. Принесли мне его в большом одноразовом стакане. Оценил я эту пластиковую тару: индивидуальна, не в пример бокалам из махачкалинских пивбаров, и вместительна – не то что крохотные цветные стаканчики, из которых очень неудобно пить. Почему, думаю, у нас такой продукции нет. А когда допил, долго удивлялся, обнаружив на донышке надпись «ОАО «Дагтелекомс»…

Новостью для меня стало и то, что есть, оказывается, в Махачкале филиал Московского государственного университета сервиса. Казалось бы, ну какой сервис может быть в Дагестане, и кому из выпускников школ он понадобится…

А совсем недавно узнал, что и ОАО «Дагтелекомс» и филиал МГУСа возглавляет один и тот же человек – доктор физико-математических наук, академик Академии технологических наук РФ – Музакир Шихсаидович Шихсаидов.

Родился он в 1949 году в селении Буглен в семье известного государственного и общественного деятеля Ш. Шихсаидова. После окончания 13-й махачкалинской школы поступил на физический факультет Даггосуниверситета. На пятом курсе поехал на практику в Институт физики твердого тела Академии наук СССР, где и остался работать. В этом институте, находящемся в научном городке Черноголовка, он прошел путь от лаборанта до доктора физико-математических наук. Выступая на международных конференциях и симпозиумах с докладами, объездил полмира.

И тут (в начале 90-х) от председателя правительства РД А. Мирзабекова поступило заманчивое предложение – открыть филиал академического института в Махачкале. Его долго отговаривал от этой затеи академик Юрий Андреевич Осипьян, его шеф, и все же Музакир Шихсаидович принял решение, которое до сих пор многих приводит в недоумение – возвращаюсь в Дагестан. Но… планы не сбылись, и он попал в сложную ситуацию, оставшись без работы. Однако черная полоса жизни прошла, и вот он тот, каким мы его знаем сегодня.

У входа в его кабинет висит такое предупреждение: «Нельзя входить к руководителю с проблемой, не имея варианта ее решения. Вам платят за то, чтобы вы думали, а не за то, чтобы вы жаловались». Сам кабинет, судя по стенам, покрытым актуальными лет двадцать назад деревянными панелями, и потолку в грязно-желтых подтеках, давно не подвергался ремонту. Более чем скромно. Интерьер не впечатляет, разве что стулья новехонькие.

Над столом портрет отца. А за столом Музакир Шихсаидович – человек интеллигентной внешности с обезоруживающей вас улыбкой…

О ПРЕДПРИЯТИИ

– Стулья? А это продукция входящей в состав нашего холдинга производственной фирмы «Принц». Вот буклет с образцами мебели, которую мы производим. Между прочим, мирового уровня и безопасна для здоровья, хотя изготовлена на оборудовании, которому более двадцати лет. Заказчиков не так много, но и жаловаться грех, если зал заседаний Госсовета обставлен нашей мебелью. Это как знак качества. Если бы у нас были энергичные молодые маркетологи, продукция «Принца» пользовалась бы успехом и за рубежом: по дизайну и прочности она ни в чем не уступает импортной, а по цене – гораздо дешевле.

– Но «Дагтелекомс» – это не только мебель…

– Нет, конечно. Это посуда одноразового использования, это пропиленовые мешки. Производим магнитолы и радиоприемники – как-никак бывший завод радиотоваров, сварочные аппараты, защитные блоки для бытовых приборов, стабилизаторы напряжения, пользующиеся большим спросом. Обеспечиваем своей продукцией не только Дагестан, но и Краснодарский, Ставропольский края, Волгоградскую область. Создали совместное с американцами предприятие «Интерконвекс» для производства пластмассовых изделий. А кроме того, «Дагтелекомс» – компаньон известной в Европе фирмы «Vac Vem

International», производящей колпачки для бутылок, закаточные машинки и оборудование для их производства. О качестве этой продукции говорит тот факт, что ее приобрели сами испанцы. Недавно к нам приезжал директор итальянской фирмы «Lovato», известной производством кресел. Мы договорились о том, что наш завод будет их производить. Но при всем этом вроде бы благополучии завод переживает не самые лучшие времена.

– Почему?

– Он достался мне с большими долгами. Долг за электроэнергию составлял к моменту моего назначения 2,5 млн рублей. С этим долгом я полностью расплатился. Погасили долг Пенсионному фонду – миллион с лишком. Тяжким грузом висят еще долги по налогам: завод занимает непомерно огромную площадь, за которую нужно платить.

– Но ведь и похвастать можно…

– Не люблю выпячивать наружу достижения, тем более что все проблемы еще не решены. Но если языком цифр… Я пришел на завод радиотоваров директором в 1998 году. Тогда общий объем выпускаемой продукции составлял 334 тысячи рублей, проще говоря, завод фактически простаивал. Но в следующем году мы достигли цифры 2 миллиона 800 тысяч. В 2000-м – 9 миллионов 400 тысяч, в 2001-м – 17 миллионов. А в прошлом году выпустили продукции более чем на 20 миллионов рублей. Из существующих в республике заводов наш в 98-м занимал предпоследнее место. Сейчас входим в десятку первых и ставим задачу преодолеть планку в 50 миллионов рублей. И это реально.

– Как это удалось?

– Вопрос предполагает нескромный ответ, но раз уж он поставлен… Было два варианта выхода из кризисного состояния. Один – взять деньги из бюджета и достичь за год цифры в 200 миллионов рублей. Но я выбрал другой путь: достичь максимума, пусть и за более длительный срок, но без помощи извне. Поэтому говорить о том, что завод твердо стоит на ногах, считаю, еще рано. Не хочу следовать расхожему правилу, когда из бюджета берут деньги, вкладывают неведомо во что, редко получая должный результат. А потом разводят руками, что, как правило, таким руководителям сходит с рук.

– Вас это удивляет?

– Да. 25 лет, что я прожил в Подмосковье, оставили свой след в образе мышления. С трудом выношу неподдающиеся разумному объяснению, неадекватные с точки зрения нормального цивилизованного человека решения. Меня поражает отсутствие в менталитете дагестанца хоть какого-то намека на практичность и рационализм. Вот мы на 90 с лишним процентов живем за счет дотаций из федерального центра. А когда их получаем, тут же закупаем в России нужную нам продукцию: сами мы мало что производим. Ведь разумнее было, если бы эти деньги оставались в республике. Пора когда-то и за ум взяться, поднимать производство! Например, мебель, которую мы производим, стоит вдвое дешевле импортной и, уверяю вас, ни в чем ей не уступает. Но наши люди тем не менее приобретают импортную, которая, может быть, и не из дерева, и опасна для здоровья. В нашем деревообрабатывающем цехе делают прекрасные школьные парты, мебель для больниц, библиотек, других учреждений, однако и школы и библиотеки обставляют привозной мебелью. Вроде бы договариваемся о поставке нашей мебели, изготавливаем несколько образцов, отправляем, устанавливаем за свой счет. А в итоге закупают импортную мебель.

– Так и не привыкли к особенностям национального характера?..

– Не могу закрывать глаза на явную глупость! Вот другой пример. Видите эти колпачки? Ежегодно на покупку таких колпачков для винно-водочной продукции за пределы республики уходят 50 миллионов рублей. Казалось бы, колпачок – мелочь, а цифра внушительная. Я человек достаточно аполитичный, но считаю большим достижением то, что Магомедали Магомедов смог, что называется, «выцарапать» для наших предприятий оборонки в центре договор о поставке в Россию производимого здесь вооружения. Это – для сравнения – ежегодно 200 миллионов в республику. Так вот, можно сохранить в республике и те пятьдесят, производя здесь эти самые колпачки. Это «Дагтелекомс» и пытается сделать, договариваясь с кизлярским, дербентским и махачкалинским заводами.

– У вас есть конкретные предложения по поднятию нашей промышленности?

– Мониторинг, проведенный в Ростовской области, где около 80% предприятий находились на грани банкротства, позволил выработать первоочередные меры по поднятию производства. Прежде всего предприятиям предоставили льготы по налогам и дали время на покрытие долгов. Сегодня уровень рентабельности предприятий Ростовской области – самый высокий по Южному федеральному округу, а годовая прибыль составляет 3 млрд рублей… На мой взгляд, республике необходима концепция развития производства и, в первую очередь, создание центра наукоемких технологий. Но это невозможно без переворота в сознании людей. Реформы в Китае были успешны благодаря проводимой политике, главным принципом которой стали слова Дэн Сяопина: «Не делать ничего, грозящего государству».

– Почему вы отказывались от присуждаемых вам международных и российских премий и наград?

– Потому что считал, что еще не время получать награды. Но вот буквально на днях я получил уведомление, что наше предприятие выдвинуто на соискание премии «Российский Национальный Олимп» в номинации «Выдающееся предприятие малого и среднего бизнеса», и подумал: а почему бы и нет?.. Церемония вручения премии будет проходить 10 и 11 мая в Кремле и культурно-спортивном комплексе «Олимпийский». Среди лауреатов премии такие известные лица, как Михаил Горбачев, Борис Ельцин, Алексий II, Жорес Алферов, Михаил Калашников, Алексей Леонов, а в числе лауреатов-предприятий – Научно-производственный космический центр им. Хруничева, Внешторгбанк, МГУ, фабрика «Рот-Фронт».

– Вы верите, что Дагестан из «паразитирующего» региона превратится в «доходное место»?

– Признаюсь, я очень скоро пожалел, что вернулся на родину. Но раз взялся за дело, не успокоюсь, пока не доведу его до конца. Без развития промышленности у Дагестана нет будущего. Да, есть аграрный сектор, но он требует внушительных капиталовложений. У нас есть большая сырьевая база: нефть, газ. Какие же новые технологии мы используем в последние десять лет? Практически никаких! Какие заводы у нас сейчас работают? Загибайте пальцы, одной руки вам хватит: «Авиаагрегат», «Дагдизель», КЭМЗ, ну, те же коньяки Кизляра и Дербента и… все! Мы, «Дагтелекомс», пытаемся привлечь сюда иностранцев не потому, что пресмыкаемся перед ними, просто у них есть средства, технологии, и они трезво мыслят… Всего не расскажешь, есть много подводных течений, которые не дают нашему предприятию нормально работать. Замечена такая тенденция: если я ничего не делаю и спокойно смотрю, как остальные ничего не делают – то я для всех хороший, но стоит мне начать что-то делать – я становлюсь несносным.

– И какой вывод?

– Не могу я так. Потому что детям моим, внукам здесь жить. Дети нам спасибо не скажут за то, что мы ничего не делаем. Поэтому пора что-то менять, и начинать надо с ценностей. Тащить нас на своем горбу Россия когда-нибудь устанет. Да и стыдно должно быть: вроде бы кичимся, что мы – дагестанцы – народ гордый, а сами с протянутой рукой живем. И ведь не пустыня какая-нибудь

вокруг, а богатый ресурсами чудесный уголок земли. Если бы ко всему этому подойти с умом – от туристов отбоя бы не было.

О ВУЗЕ

– Кстати о туризме… Вы возглавляете филиал Московского государственного университета сервиса, а сервис, как известно, имеет непосредственное отношение к туризму…

– Да, причем махачкалинский филиал – один из самых крупных. Всего таких филиалов по стране восемнадцать. В некоторых городах, таких как Тольятти, Уфа, филиалы сформировались в отдельные вузы. Постановление о том, чтобы на базе махачкалинского филиала был создан Дагестанский технологический институт сервиса и туризма, уже принято, но я не хочу пока его форсировать.

– Почему?

– Не секрет, что «местные» дипломы не очень-то котируются за пределами Дагестана. И на то есть объективные причины. А мы, будучи филиалом, выдаем дипломы государственного образца МГУСа. Готовим специалистов по социально-культурному сервису и туризму, финансам и кредиту, государственному и муниципальному управлению, менеджменту, экономике и управлению на предприятии, бухгалтерскому учету и аудиту. Вот-вот получим лицензию на специальность «Юриспруденция».

– Вы собирались открыть филиалы и в других городах республики…

– Сегодня уже функционируют отделения в Хасавюрте, Кизилюрте и Избербаше. Скоро появится еще одно – в Манасценте. Однако я хочу свернуть работу по расширению географии МГУСа в Дагестане. Нам сначала надо здесь, в Махачкале, все подтянуть, навести порядок, а потом увеличивать количество филиалов.

– Согласитесь, что к филиалам отношение скорее негативное. «Спрос» нынче больше на старые добрые «классические» вузы…

– Это есть, но это несправедливо. Жизнь покажет: имеет право какой-то филиал на существование или нет. Безусловно, когда в одном только Дербенте более 30 «разношерстных» филиалов – это нонсенс, но… Посмотрите на это с другой стороны. Известный менеджер Ли Якокка, который поднял компанию «Форд», а потом, не поладив с Генри Фордом, ушел в «Крайслер», выдвинул эту фирму, оказавшуюся на грани банкротства, на первые позиции за очень короткий срок. Он вспоминает в своей книге, что, когда во время второй мировой войны многие студенты были отправлены на фронт, оставшиеся 5-10 негодных к службе получали гораздо больше знаний, чем прежде. Я хочу сказать, что когда в аудитории сидит добрая сотня человек, преподаватель с меньшей эффективностью проводит лекцию, чем в том случае, когда студентов набирается едва ли с десяток. Вот она, оборотная сторона медали филиалов с их немногочисленным контингентом. Понимаете?

– Понимаю. Но если преподаватель – взяточник, то и в том и в другом случае эффект будет близким к нулю.

– Коррупция в вузах Дагестана, безусловно, имеет место. Но нужно учесть, что она – лишь часть общей картины. И если уж пенять, то на всю систему: ведь у нас, как в шекспировском датском королевстве, все прогнило. Были, чего греха таить, случаи взяточничества и в нашем вузе. Первых двоих уличенных я уволил с занимаемой должности. Теперь все знают, что нечистым на руку людям здесь места нет. Правда, это приводит к большой текучести кадров, но что поделаешь… Есть несколько преподавателей, которым я всецело доверяю, на которых могу положиться. И есть люди, не учившиеся у нас, но имеющие диплом МГУСа. Как они его получили – остается только догадываться. В общем, грязи достаточно, ее надо выметать.

«Цивилизованная дикость — самая худшая из всех дикостей»

К. Вебер

– Как вы относитесь к переходу на единый госэкзамен?

– Тут я настроен скептически. В наших условиях переход на ЕГЭ невозможен. Для этого нужна техническая база, автоматизация процесса. В конечном итоге родители все равно найдут пути обхода этого «недоразумения», не вписывающегося в концепцию поступления в вуз обычного дагестанского недоросля. Хотя, возможно, какой-то порядок наведен будет.

– Имеете ли вы контакты с другими вузами, с кем вы вообще сотрудничаете?

– Из местных организаций могу назвать лишь Министерство по делам молодежи и туризму. Есть у нас специальность «Сервис на автозаправках». Хотим выйти на «Газпром» – предложить им опеку. Уже вышли на «Шанс» – предприятие по пошиву одежды: на его базе будет открыт факультет. Что касается головного вуза, то недавно у нас побывали его представители, проводили встречи со студентами. Посетили они и филиалы в других городах республики… Что еще? Еще есть Институт туризма в испанском городе Кастильон. Сейчас мы договариваемся с его руководством, чтобы каждый год отправлять к ним старшекурсников на стажировку. Для чего? Наверно, это будет привлекать в МГУС молодежь, придавать стимул учебе. Хочу, чтобы и испанские студенты приезжали к нам. Хотя вряд ли они на это решатся.

– И их можно понять… Вы верите, что Дагестан станет приманкой для туристов? Ведь наш пресловутый менталитет не располагает к обслуживанию…

– А вы знаете, что около 70 процентов населения многих высокоразвитых европейских стран занято в сфере сервиса и туризма? Что около 50 процентов поступлений в бюджет некоторых стран – доходы из этой области? Например, та же Испания, которая, пожалуй, за счет туризма и живет…

– Так там тепло…

– У нас климат не хуже. И у нас есть потенциал для развития этой отрасли, но пока, увы. Когда возвращаюсь на родину из заграничной поездки, уже в аэропорту чувствую, что очутился в другом мире, гораздо хуже того, откуда прибыл. Правильнее будет сказать так: сфера услуг у нас все же есть, сервиса – нет. Но время все расставит по своим местам.

– А пока довольствуемся тем, что имеем – несметное количество юристов, экономистов и врачей?

– Не пойму, зачем Дагестану такое количество врачей, например? Хотя в той же Испании их на душу населения по статистике больше…

– Поэтому вернее: зачем нам столько непрофессиональных врачей?

– Уверен, что возникшая «мода» на эти профессии преходяща, стереотипы скоро отойдут в прошлое, и настанет время, когда модно будет именно учиться, быть специалистом в той или иной области, а не протирать брюки на занятиях. Кстати, о брюках. Приведу вам житейский пример. В юности я очень просил маму привезти мне из загранкомандировки джинсы. Но в ту эпоху серьезным молодым людям, живущим в советской стране, не рекомендовалось ходить в этой «капиталистической» одежде, и мама неизменно привозила брюки. А сейчас посмотрите: джинсы уверенно завоевали себе у нас место. Я вот на работу сегодня, видите, пришел в джинсах, потому что считаю, что в них гораздо удобнее. Так и отношение к знаниям изменится в лучшую сторону, уверяю вас.

– Что ж, будем на это надеяться.

Беседовал Джамал РАБАДАНОВ

ЭКОЛОГИЯ

Крик о помощи

Дагестанская пресса не первый год бьет тревогу в защиту Самурского леса. О проблемах сохранения чуда природы – природного комплекса с реликтовой растительностью – много писали и другие российские средства массовой информации. Но призывы общественности в течение десятков лет к государственным чиновникам, руководителям соответствующих министерств и комитетов, администрации Магарамкентского района воздействие не возымели. За эти годы в регионе побывали десятки различных комиссий, исписаны кипы бумаги, но действенных мер для борьбы с экологической катастрофой так и не предпринимается. Безумное, беспощадное уничтожение уникального дара природы продолжается.

«В низовьях Самура есть замечательный уголок природы, – писал в 1987 году профессор ДГУ П. Львов, – где растут леса, богатые лианами, редкими реликтами и эндемиками, часть которых вошла в «Красную книгу». Одних только деревьев и кустарников в этих лесах около 70 видов». «Знаменитые самурские лиановые джунгли – живое наглядное пособие для школьников и ученого люда. Самурский лес – это памятник природы третичного периода. Собрание редчайших представителей флоры. Диковинный зеленый островок, не задетый ледниковым нашествием тьму веков назад. Но вот ведь как получается: не задела слепая стихия, задел человек. И довольно основательно. Сегодня от реликтового леса осталось меньше половины. Да и то, надо сказать, вида скорбного. Хотя Самурский массив официально и объявлен памятником природы, национальным парком, идет целенаправленное его уничтожение. Сюда день за днем прибывает население. Разбиваются огороды и виноградники. Захватываются лесные угодья и берег моря. Строятся роскошные особняки и виллы. Скот жует и топчет редкую растительность. Не слышно птичьих оркестров – исчезают не только редкие птицы, но и в целом животный мир Присамурья, его богатство – лес, цены практически не имеющий. И это в Дагестане – одной из самых малолесных республик, где деревья занимают всего шесть процентов территории. Хочется верить, откликнется человек на зов несказанно прекрасной здесь земли о помощи, поймет, как обеднеет она, утратив хотя бы малую частицу себя», – писал еще в 1987 году московский журналист В. Прохоров.

> ***«Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность»***
>
> *Махатма Ганди*

В защиту Самурского леса, его родников, уникальной природы с реликтовой растительностью, животным миром и водоплавающими редких видов, занесенных в «Красную книгу» (барсук, енотовидная собака, мраморный чирок, черный аист, султанка, колпица, пеликаны розовый и кудрявый, краснобокая казарка, фламинго, скопа, савка и другие), много писали и говорили. Будет, наверное, немало еще выступлений. Но, как мы убеждаемся, наступление на лес, на реку, на природу продолжается. И все увещевания и слова в их защиту больше напоминают траурную музыку у изголовья обреченного.

И вот парадокс: чем активнее пресса, общественность, ученые выступают в защиту Самурского леса, тем агрессивнее те, кто его уничтожает, тем пассивнее попустительствующие этому чиновники.

В 1992 году здесь был официально образован государственный природный национальный парк, в котором не разрешается вести никакой рубки. Но, увы, это не решило проблему. С тех пор, на протяжении всех этих десяти лет, на территории национального парка все так же продолжалась заготовка древесины, захват земли лесного фонда. И не выборочная санитарная рубка в целях профилактики. И не населением этого региона (для него рубка на дрова и даже сбор валежника в лесу строго запрещены). А теми, кто не нуждается в топливе на зиму, не мерзнет в холодных домах. Эти люди валят лес, самовольно захватывают земли под частное строительство неограниченно и безнаказанно. И никакой национальный парк иль госзаказник, ни постановления Минприроды иль правительства РД типа «О дополнительных мерах по сохранению Самурского леса и стабилизации экологического состояния в бассейне водосбора реки Самур» им не преграда.

11 марта 2002 года в «Дагправде» был опубликован материал «Приморск шлет SOS», где подробно рассказывалось о бедах поселка Приморск и Самурского леса в целом. Прошел почти год, а ситуация остается прежней, острота проблемы – критической. 23 мая того же года в той же газете сотрудница Комитета природных ресурсов РД Наталья Ушакова в статье «Самурский национальный парк можно защитить» подтвердила: «То, что творится в этом небольшом поселке, перешло все мыслимые и немыслимые границы». И далее: «Указанные факты послужили основанием для возбуждения ряда уголовных дел в прокуратуре Магарамкентского района». Но ни слова, по каким конкретным фактам возбуждены дела и каковы их результаты. И не удивительно: эти «дела» такие же, какой была и сама проверка, которая, как пишет Н. Ушакова, производилась с участием главы Бильбильской сельской администрации и директора Самурского природного парка, то есть лиц, непосредственно ответственных за сохранность леса, а потому проверяющие и не увидели в лесу ни пеньков вырубленных деревь-

ев, ни самовольно захваченной земли лесного фонда, ни других нарушений. Соответственно и выводы: проверка не выявила вырубки ценных пород деревьев, самовольного захвата земель местного фонда, мол, эти вопросы находятся под повседневным контролем руководства парка. Вот так-то!

А между тем при таком «повседневном контроле» произошла сплошная вырубка леса в 2 гектара при въезде в поселок Приморск и в 3 гектара выше «Дома лесника», где рос лес смешанной породы деревьев. А еще планомерный захват леса у дороги напротив школы. И то, что вблизи Приморска все вырублено, не отрицает и сам глава сельской администрации: «Действительно, в поселке все свободные ранее места (пашни, сады, виноградники) отведены решениями Бильбильской сельской администрации для строительства жилых домов, кафе и магазинов. При этом вырубались деревья пирамидальных тополей, акации белой и плодородных пород, произрастающих на этих землях…» Дополню: только с 1995 года в Приморске земельные участки розданы 114 гражданам. Только 26 из них – местные. Сколько же надо высвободить земли в крохотном поселке, где коренных жителей остались единицы, чтобы удовлетворить запросы всех желающих иметь загородные виллы на территории государственного национального парка, на морском берегу Присамурья?!

Резонен и другой вопрос: кто проживает за высокими заборами? Кому принадлежат затаившиеся в лесу теремки и расплодившиеся вдоль моря особняки? Тайна сия наверняка известна главе администрации. «Освоение» территории лесного фонда Самурского лесхоза в границах поселка Приморск, распродажа и самозахват продолжаются. И ныне экскаваторы роют землю под строительство; вдоль речки Буровки вырублены все ольховые деревья; с землей сравняли зеленые насаждения, а на месте посадок ясеня вырос в лесу дом. Под частное строительство захвачена территория поселка вдоль моря до самой границы с Азербайджаном, где выстроилась целая улица «таможенников», на которой никто пока не проживает. «Камазами» вывозят из Самурского леса в Махачкалу и Дербент дубовые поленья на дрова для каминов по 300 рублей за куб.

Произвол с распродажей и самозахватом земель лесного фонда происходит не только в Приморске (хотя этот лакомый кусочек приобрел особую цену после проведения туда асфальтовой дороги и газа). Подобное происходит и в соседнем Бильбиле, других селах Самурской долины с молчаливого согласия местных властей. На гектаре земли вырублены деревья и возведена крепостная стена на территории Национального парка при въезде в Бильбиль. Рубка леса идет в кварталах с 11-го по 46-й, особенно активно – в 36-м, где вырубается отборный многолетний дуб, возле 12-й заставы в/ч 2087, несмотря на закрытую зону и проволочное ограждение, вдоль границы с Азербайджаном (20, 29, 36, 46 кварталы). А также по реке Самур на границе с Дербентским районом, в окрестностях станции Самур, у селения Азадоглы (здесь вырублены дубы диаметром 50-80 см, а пеньки засыпаны землей). И это не все. Чтоб убедиться в этих и других фактах, необходимо не формально, а ответственно и честно провести ревизию состояния лесоземельного фонда Присамурья. Комитету природных ресурсов и органам прокуратуры следовало бы не ограничиваться направлением друг другу копий материалов по фактам нарушений Лесного кодекса РФ, а реально принимать по каждому факту законные меры с оглаской их результатов в прессе. Иначе, как убедилась сама Н.Ушакова, «через 10-15 лет от Самурского леса останутся одни воспоминания».

В свое время так уничтожался в Самурском лесу и его животный мир, где теперь стали редкостью косули, зайцы, волки, кабаны; изведены ценные породы рыбы: лосось, форель, кета, осетр и даже кутум, изобиловавший еще пару лет назад в здешних водоемах (косяками шел на нерест). Не осталось мест для гнездования перелетных и зимующих птиц. Раньше после многотрудного перелета по «международной птичьей трассе» здесь находило пристанище великое множество пернатых, в том числе, фламинго розовый, султанская курочка, белые лебеди… Всех постигла одна участь: разорение и уничтожение вследствие человеческой жестокости и безответственности.

«Уникальный по своему богатству и красоте реликтовый Самурский лес разоряется и уничтожается, – писал в «Дагправде» 30 марта 1989 года тогдашний районный инспектор Южной инспекции рыбоохраны управления «Запкаспрыбвод» Ш. Шихгасанов. – Надо трубить во все трубы, создавать общественное мнение и призывать к ответу виновных. Иначе мы лишимся не только кутума». Трубили. Не услышали. Воистину: люди возмущаются, начальство безмолвствует, а экологическая катастрофа надвигается.

Судьбу Самурского леса доктор биологических наук профессор МГУ А. Владычинский сравнил с судьбой шагреневой кожи из известного философского романа. А вот что говорит глава Магарамкентской райадминистрации М. Велимурадов: «Самурский лес – это огромная группа проблем, одна из важнейших – социальная. Правительство Республики Дагестан с пониманием относится к этой проблеме, но решить ее не так просто. Сейчас здесь восемь населенных пунктов, где проживает 15 тысяч человек. И вдобавок безработица и необеспечение топливом…»

Согласимся. И заметим, что перенаселенность Магарамкентского района постоянно растет, особенно в Самурском регионе, социально-бытовые проблемы действительно создают большие трудности. Но ведь кто-то и когда-то должен их решать!

«Проблема Самурского леса и реки, львиная доля которой уходит в Азербайджан, тем самым создавая остроту водоснабжения в Присамурье, – писал 10 лет назад народный депутат РД Н.Гаджиев, – не региональная, от нее зависит и наше будущее, и будущее следующего поколения. В зависимости от практических действий по сохранению Самурского леса потомки скажут о нас, кем мы были: грамотными, цивилизованными хозяевами родной земли или дикарями на бульдозерах». По тому, что происходит в Присамурье сейчас, как и десять лет назад, мы ближе к последним: иначе как дикарским наше отношение к природе не назовешь.

Свидетельством тому еще один факт. Недалеко от Приморска, в 20-м квадрате леса, есть известное в народе святое место «пьир». Там под старым дубом выросла горка из камней, которые бросают люди проходя мимо. Здесь, на макушке белолиски, на высоте 40 метров, гнездо орлана-белохвоста. И за ним, единственным, оставшимся в этих местах, вот уже второй год охотится ради чучела для высокого чиновника лесник, ранее уже привлекавшийся к уголовной ответственности за отстрел лебедей.

…Некогда в устье реки Самур находилось село Фергат, которое все называли «разбитое селение». Мальчишки любили совершать туда походы, лазить по развалинам домов и оставшимся фруктовым деревьям, играть в войну, в «казаки-разбойники». И не задумывались, что случилось с селом, располагавшимся в таком живописном месте: вокруг лес, река, родники, море, золотистые песчаные дюны. Для детей того, послевоенного, времени все разрушения ассоциировались с войной. Но что случилось на самом деле с Фергат-хъюром, они не знали. История «разбитого селения» остается для них загадкой и поныне.

Теперь, спустя десятилетия, когда я приезжаю в Приморск, что всего в паре километров от «разбитого селения», отмечаю, как с каждым днем становятся все более неузнаваемыми эти некогда прекрасные места, как все вокруг рушится и уничтожается. И в голову мне приходит крамольная мысль: «Не ожидает ли и Приморск участь Фергат-хъюра, «разбитого селения»?». Эта грустная мысль усиливает тревогу всякий раз, когда по дороге в Приморск, у «святого места», слышу одинокий крик птицы. То орлан, гордая птица, словно взывает о помощи…

С.-А. МУРОВ

МОРАЛЬ

Умар ТЕЙМУРОВ

Цена страха и бесстрашия

Во время Великой Отечественной войны маршал Конев при встрече с Мариэттой Шагинян посетовал, что при танковой атаке противника молодые необстрелянные солдаты не выдерживают и бегут. Писательница побывала в окопах передовой и написала небольшой очерк во фронтовую газету. К удивлению маршала, очерк возымел исключительное морально-психологическое воздействие на солдат его армии. Этот достойный изучения факт говорит о том, что как бы сильным не был страх, но это все же преодолимый барьер.

Был случай, когда у катапультировавшегося летчика, несмотря на его многократные попытки, не раскрылся парашют. В таких случаях человек часто погибает еще в воздухе от разрыва сердца. Но в этот раз летчика не обуял страх. Он оказался человеком феноменального хладнокровия и мужества. И случилось чудо: упав на склон горы с обледеневшей коркой снега, он скатился по склону вниз и остался жив, хотя и не обошлось без нервного потрясения и многочисленных ушибов. Таковой может быть цена бесстрашия.

В шестидесятых годах прошлого века французский врач Бобар, добровольно, 40 дней, без пищи и воды дрейфовал на плоту в океане. Это был эксперимент на выживаемость в условиях кораблекрушения. По итогам эксперимента была написана книга «За бортом по своей воле», которую автор начинал словами: «Жертвы легендарных кораблекрушений! Вы погибли не от моря, голода или жажды. Под жалобные крики чаек вы погибли от страха». В ходе эксперимента Бобар много потерял в весе и нанес значительный ущерб своему здоровью, но остался жив и вскоре восстановил утраченное, доказав таким образом, что возможность выживания в открытом море есть. При кораблекрушениях большинство людей, как установлено, погибают в первые два часа, в то время когда, как доказал Бобар, взяв себя в руки и не поддавшись страху, они могли бы продержаться на воде гораздо больше и дождаться спасателей. Вот плата за страх.

Исключительный случай произошел в открытом океане, в сотне миль от Канарских островов. Глубокой ночью, никем не замеченный, упал за борт теплохода англичанин Уильям Хонивилл. Несущийся на мощных двигателях теплоход быстро исчез в черной ночи. Ситуация одна из самых жутких. Никакого шанса на спасение. В подобных случаях человек погибает и идет ко дну сразу же от одного только эмоционального шока. Но не таков был 28-летний портовый грузчик из Плимута. Несмотря на толщу океанской пучины под собой и отчаянное положение в безбрежном ночном океане, он 9 часов «маячил», оставаясь на плаву. Спасенный Уильям сказал: «Какой прекрасный день сегодня» – и обессиленный упал на палубу спасшего его судна…

В центральной печати, под заголовком «Ну, жулик, погоди…» описывался случай, как старая худенькая женщина семидесяти пяти лет, возвратившись из магазина с покупками и застав в своей квартире двух воров, не растерялась. С воинственным воплем – «Вон отсюда, шпана!» – она отчаянно бросилась на них, успев ударить каблуком одного в пах, да так, что такому удару позавидовал бы обладатель высшего дана в каратэ. Растерявшись от неожиданного отпора, грабители бросились наутек. Но разъяренная женщина, вдохновившись лихим началом и войдя в раж, устремилась в погоню и неотступно гнала незадачливых грабителей еще целых два квартала. «Упустила… – виновато заявила она подоспевшим стражам порядка. – В следующий раз они от меня не уйдут». Вот что делает бесстрашие даже старой тщедушной женщины. Это и забавный и классический пример для малодушных.

А вот курьезный случай, происшедший на флоте в наши дни. Тысячная команда американского военного крейсера была деморализована, увидев шлюпку с черным пиратским флагом с изображением черепа и скрещенных костей. Даже один-единственный выстрел крейсера мог бы разнести в щепки эту шлюпку. Но люди из-за своей психологической неустойчивости растерялись. Вывод: физическая мощь ничто, если нет мощи духовной.

Хорошо использовал фактор страха полководец Чингисхан. Впереди наступающей орды запускались в города юродивые, которые распространяли жуткие слухи о надвигающейся опасности. Среди населения нагнеталась паника, и оно оказывалось неспособным к какому-либо сопротивлению. Психологический расчет всегда имел неизменный успех.

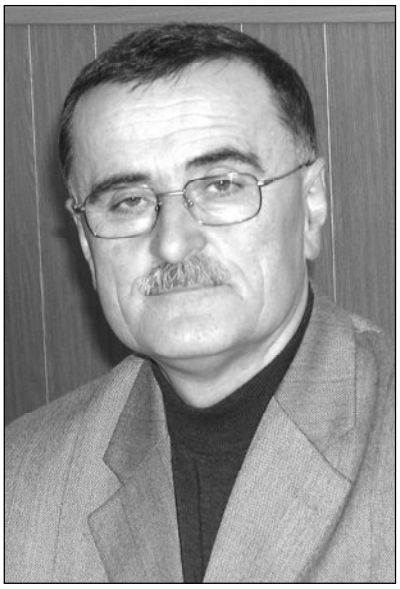
Во все времена преступники делали ставку на страх, на то, что их испугаются и не окажут сопротивления. Но сила одолевается силой. В этом мире мы все не вечны. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. И потому нельзя уклоняться, уходить от опасностей, а нужно идти навстречу им, настроившись на беспощадную борьбу. Лучше сразиться с врагом в жестокой схватке, чем дать запугать себя. Лучше смерть в противостоянии, чем вечное рабство. «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Франклин Рузвельт сказал: «Ничего не нужно бояться, кроме самой боязни, и ничто не должно быть страшным, кроме самого страха».

Безволие противника вдохновляет агрессора, возбуждает звериные инстинкты, разжигает жестокость. Зверь еще более звереет, когда видит слабого. Тигра возбуждает блеяние овцы, ибо он чувствует легкую добычу. Проявляя страх, мы тем самым стимулируем противника и усугубляем свое положение в критической ситуации. Но абсолютно безнадежных положений не бывает. Перед волей человека отступает все. Когда не боитесь вы, тогда боятся вас. Инициативу нужно держать в своих руках. При любых обстоятельствах нужно суметь самоорганизоваться на сопротивление и победу. И нередко обстоятельства и необходимость делают даже робких храбрыми, потому что, когда бьют смертным боем, приходится драться насмерть. На агрессивные действия других нужно отвечать противодействием, подавляющим их агрессивность. Не следует думать, что другие обладают большим достоинством, чем вы. «Герои» таковыми себя чувствуют, пока перед ними слабый. Но как только они почувствуют силу, способную покарать их, от их геройства ничего не остается, и они превращаются в паршивых крыс. Каждая шпана «выпендривается» только в куче себе подобных, но, оставшись наедине, превращается в жалкую тварь.

Страх – это самое худшее, что может поразить человека. Именно страх, а не отсутствие условий для продолжения жизни, часто убивает человека в чрезвычайных ситуациях. Никогда нельзя терять надежду на лучшее. Потеряв надежду, человек теряет все. В том числе и шанс на выживание. Нельзя зацикливаться на своих проблемах. Сравните их с проблемой того летчика, у которого не раскрылся парашют, и ваши проблемы сразу окажутся ничтожными и глупыми.

Каждое явление, будучи изученным в какой-то мере, перестает быть источником страха. Я собрал из разных источников все вышеприведенные факты, чтобы еще раз подчеркнуть: как бы ни были тяжелы в Дагестане для кого-либо нынешние условия, нам нельзя хныкать. Нельзя забывать: наша судьба – в наших собственных руках.

Абдулгамид АЛИЕВ:
«Что выгодно Центру, то полезно республике»



В октябре прошлого года в Каспийске был открыт Дагестанский центр микрохирургии глаза. Здание для него строилось не один год, пресса время от времени писала об ожидающих дагестанцев перспективах, и вот – наконец – свершилось. В прошлом номере журнала (№1, 2003 г.) на второй странице обложки были опубликованы фотографии, сделанные в Центре, и обещание редакции вернуться к более полному о нем рассказу. Выполняем его, публикуя интервью Далгата Ахмедханова с директором Центра доктором медицинских наук, профессором Абдулгамидом АЛИЕВЫМ.

– Вряд ли нужно объяснять, насколько важно появление такого Центра в Дагестане. Тысячи людей со всех концов страны раньше ездили и ездят теперь за медицинской помощью в Москву. И вот центры, подобные московскому, созданному Святославом Федоровым, стали появляться в регионах. Вот и у нас теперь он есть. И пациенты невольно отождествляют его с московским. Вас это не смущает? Вас не страшит ответственность руководителя совершенно новой для республики структуры? Ведь непроизвольно человеком, ожидающим помощи, проводится аналогия…

– Нет, не страшит. Сегодня появляются руководители совершенно иного, чем прежде, типа. К таким новым я без ложной скромности причисляю и себя. Вспоминаю школьного учителя, который ставил двойки подряд всем, кто не мог подтянуться на турнике и сделать переворот вокруг перекладины, в том числе и девочкам. Хотя сам этого сделать не мог. Почему-то это считалось в порядке вещей. Аналогия грубая, но суть выражает. И сегодня еще многие руководители, в том числе и медицинских учреждений, главные врачи не знают нового оборудования, не умеют им пользоваться. Они его просто боятся. В моем случае ситуация принципиально иная: я прошел путь от медбрата до профессора и директора и знаю все проблемы изнутри. И мне должность директора нужна для разработки и внедрения новой операционной технологии. Хочу, чтобы я и мои коллеги ни в чем не отставали от американского, японского или московского хирурга. Хорошо и профессионально работающий медицинский персонал достоин высокой оплаты своего труда, но свои деньги он должен и будет у нас зарабатывать легально – благодаря высокому уровню оказываемых пациентам медицинских услуг. Только так, и никак иначе.

– Все-таки, наверно, при выборе руководителя Центра рассматривалась не только ваша кандидатура…

– Разумеется. Но прежде чем выбор пал на меня, сам я давно решил, что им должен быть именно я. А почему нет? Когда Центр только начинал строиться, я был уже доктором наук, профессором, и никто лучше меня в республике не знал, каким этот Центр должен быть. Достаточно сказать, что бизнес-план по строительству и работе Центра я составлял, и каждый год обновлял его начиная с 1994 года, и представлял его правительству. При хождениях по инстанциям выдвигались требования времени. Потому что все, что необходимо обществу, является предметом именно требований, а не просьб. Для этого у меня были все основания.

– Основания могут быть у каждого, но не каждый предъявляет требования. Откуда такая уверенность?

– А почему бы ей не быть! Я защищал кандидатскую диссертацию в Одессе, в институте имени Филатова, докторскую – в Москве, в институте имени Гельмгольца, нигде больше защищаться не хотел, общался и со Святославом Федоровым в его Центре микрохирургии глаза – у меня были очень хорошие учителя. И я понял, что способности – это данное Богом, а возможности зависят уже только от самого человека. Как я ими распоряжусь – это моя личная проблема. И каждый должен ее решать по собственному разумению. Поняв это, я, что называется, засучил рукава. В конце концов, почему дагестанский врач должен чем-то отличаться по своему уровню от специалистов мирового класса? Если и должен, то только превосходством. Я восхищаюсь Святославом Николаевичем Федоровым. За две недели до своей гибели он написал предисловие к моей монографии, и я этим очень дорожу.

– А как все начиналось?

– После окончания нашего мединститута я работал в Грозном. А когда вернулся в Махачкалу, стал ординатором в офтальмологическом отделении 2-й городской больницы. Много оперировал, кстати, я защитил обе диссертации, не отрываясь от операционного стола, будучи соискателем. Но работой в больнице не был удовлетворен, хотелось заняться наукой, открывать ее новые горизонты. И меня они ожидали – в этом я был твердо убежден – буквально за углом. Я отправился в мединститут на кафедру глазных болезней к профессору Сергиенко, показал ему свои наработки из опыта работы в Грозном. Он отнесся к ним довольно скептически и предложил мне поработать в области оптики глаза. Если есть способность мыслить, то бумага и карандаш всегда найдутся, сказал он. А пациенты… Даже у здоровых людей есть проблемы с оптикой глаза, добавил он. Профессор дал мне прибор, попросил изучить, насколько он пригоден при исследовании косоглазия и попросил зайти через месяца два. Когда я принес ему свои записи, он прочел их без особого энтузиазма и… предложил мне работать у него старшим лаборантом. Я согласился, поняв, что выдержал предложенный мне тест. Мое решение повергло моих коллег в шок: как можно, будучи ординатором, пойти в лаборанты. Но я был одержим наукой. И, как показала практика, оказался прав.

– При защите диссертаций в таких признанных во всем мире институтах, как им. Филатова и Гельмгольца, ощущался ли со стороны оппонентов взгляд на вас, как на врача с национальной окраины?

– Нет. Я его не чувствовал. Все познается в сравнении. Раньше я думал, что в таких научных центрах работают какие-то особенные люди. Оказалось, что особенность эта заключается в том, что человек просто отшлифовал данный ему талант. Специалист должен не лениться, работать изо всех сил. А мы, дагестанцы,

трудолюбивые люди, и у нас все должно быть ни в чем не хуже, чем где бы то ни было. Мне многое дало общение с Федоровым: он сам работал как вол, и требовал того же от других. Я очень жалею, что не успел выполнить свое обещание подарить ему кавказское седло, он ведь очень любил лошадей. А что касается национальной окраины… Однажды, выступая с трибуны на одной научной конференции, я сказал, что во мне можно разглядеть три недостатка: я – дагестанец, аварец, чохинец. Но это как посмотреть. Я считаю, что у меня есть три бесспорных достоинства: я – дагестанец, аварец и я из аула Чох. Эти слова были встречены смехом и аплодисментами. Так вот: что – недостаток, а что – преимущество – это еще вопрос. Кстати, могу похвастать: мною создано новое направление, которое можно охарактеризовать как «клиническая аберралогия оптической системы глаза человека». Я его первооткрыватель, первый в мире. Мне хочется, чтобы Дагестан выходил во всем на первые рубежи. Утверждая так, сознательно сжигая за собой мосты, психологически легче ставить перед собой новые задачи и методически их решать.

– Но при нынешних условиях приема в вузы…

– Это временно. Все войдет в нормальную колею. Дать знания человеку насильно, против его воли, невозможно. Поэтому лентяям и тупицам двери в вузы, тем более – в медицинский, должны быть закрыты. На этой земле всем найдется занятие, не зря ведь Бог создал и лентяев, и тупиц. Но пусть каждый занимает свое место и не вредит обществу. Хороший врач, впрочем, как и любой хороший специалист – это пот, кровь и слезы. Тащить за уши двоечников в науку – это нарушение прав человека – ни больше ни меньше. В нашем Центре, надеюсь, у врачей будет новая идеология, все они должны уметь пользоваться новейшим медицинским оборудованием, их труд должен достойно оплачиваться, а не так, как сегодня, когда, получая 2 тысячи рублей, врач вынужден искать дополнительные источники доходов. Хороший специалист стоит хороших денег, но денег, повторяю, легальных. И ему нужно оказывать поддержку не только материальную, но и моральную. У Святослава Федорова была теория пирога – так он ее называл. Мысль в том, чтобы весь коллектив врачей работал хорошо, зарабатывая себе все больший и больший пирог. Тогда каждому будет доставаться все большая его часть. Сейчас же большинство старается ухватить какую-то часть общего пирога, а каким он будет завтра – никого не интересует.

– Если сравнить технические и творческие возможности института Федорова в Москве и вашего Центра, то… Что окажется?

– Для меня эталоном является не институт Федорова, а его идеология. Святослав Николаевич создавал свой институт при прежней системе, и у него не было другого выхода, чтобы получить достойное финансирование, кроме как создать супергигант. Но такие громоздкие структуры не очень эффективны. Сегодня Федоров создал бы более мобильную систему. Вот у нас, например, всего 50 коек. Но отчитываться мы будем не по их количеству, а по количеству вылеченных, реабилитированных больных. Пока наша проектная мощность – свыше тысячи операций в год. Чтобы уменьшить срок пребывания больного в стационаре, надо иметь хорошую поликлиническую сеть, готовить на периферии специалистов, и мы будем сами готовить такие кадры. Я ведь не только директор научно-производственного объединения, но и заведующий кафедрой в Дагмедакадемии. Сосредоточение этих функций в одних руках позволяет с максимальной эффективностью решать самые сложные проблемы. А что будет полезно нашему Центру, будет полезно и Дагестану. Как говорил Форд, впервые вводя конвейер в автомобилестроении: что полезно мне, то полезно Америке.

– Кстати, о конвейере: Федоров ввел у себя для диагностического обследования так называемую «ромашку» – пациент проходил по кругу сразу нескольких узких специалистов…

– У нас то же самое, только пациент будет «двигаться» не по кругу, а если пользоваться такой терминологией, по продольной дорожке. В этом году мы получим еще оборудования на полтора-два миллиона долларов. Тогда, имея аргоновый и эксимерный лазеры, будем оснащены по последнему слову техники и готовы встретить любую болезнь во всеоружии. Первые полгода мы работаем, проводя лечение бесплатно. Но потом будем вынуждены зарабатывать и сами, чтобы иметь возможность постоянно обновлять оборудование, улучшать условия пребывания в стационаре, посылать своих врачей на стажировку в другие города страны и за рубеж. По подсчетам, бюджетное финансирование сможет покрывать только половину расходов Центра, а остальные средства нужно находить самим. Но плата будет взиматься, конечно, не со всех больных.

– Расшифруйте, пожалуйста, это важное положение подробней.

– Самое главное, что лечиться у нас можно будет с таким же успехом, как, скажем, в Москве, но обойдется это намного дешевле. Во-первых, исключаются расходы на проезд и оплату жилья, а во-вторых, и плата за лечение меньше, хотя его качество столь же высоко. В Москве рядового пациента оперирует ведь вовсе не профессор, его внимание там стоит дороже. Причем надо иметь в виду, что хирург, оперируя любого больного (за плату или без нее), выкладывается максимально, на пределе своих возможностей – он не может работать иначе. Тогда есть ли разница в отношениях между врачом и пациентом в Москве и в регионе? Она, несомненно, есть. Ведь помимо профессионального долга работа хирурга зависит и от его нравственных качеств, характера конкретного человека. Если попытаться обобщить проблему, то в действиях некоего усредненного врача на периферии больше души, человеческого участия, чем у усредненного столичного медика, что прибавляет качества работе врач на родине пациента. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов и этот компонент лечебной практики. Я уверен, что лечиться дома лучше для здоровья и выгодней материально. Но ветераны войны и труда, пенсионеры, все категории населения, которые имеют право на льготы, всегда будут лечиться бесплатно. И к платному лечению будем идти не торопясь, постепенно, опираясь на бюджетную поддержку.

– Итак, глядя на это большое и благоустроенное здание, на отличное оборудование, на эти бахилы, что ради чистоты надевают посетители на обувь, входя в помещение, вы довольны?

– Конечно, доволен. Но, как говорил Расул Гамзатов: «Сижу в президиуме, а счастья нет». Так и я. Вот кончаются у меня искусственные хрусталики американского производства – и что тогда делать? Где и на какие деньги их находить? Долго ли выдержат врачи зарплату в две тысячи? В общем, забот у меня достаточно. Сейчас мы помогаем пациентам, как можем, а должны помогать, как надо. Разница между «могу» и «надо» еще есть. Надеюсь изжить ее за год.

– Сколько у вас сотрудников?

– Коллектив насчитывает 153 человека. Открыли для себя недавно кафе, обедаем вместе, пьем чай, если выдается свободная минута. Большинство врачей приезжает из Махачкалы, их привозит и увозит вахтовая автомашина. Собираемся оборудовать для персонала тренажерный зал.

– Судя по тому, что можно увидеть даже при первом посещении Центра, все у вас должно получиться. И такой вопрос, последний: меняется ли ваш пациент? Спрошу даже шире: меняется ли вообще менталитет дагестанца?

– В позапрошлом году я ездил в США, на научную конференцию. И не мог не побывать на могиле нашего замечательного земляка из Чоха, художника Халилбека Мусаясул. Поехал специально в Нью-Джерси, положил букетик цветов. Видел его вдову, ей было уже 93 года. И тогда я решил отремонтировать в Чохе дом родителей, у нас общая стена с домом художника. Я сделал это для своих детей, ибо ничто так не сохраняет память, преемственность в нравственных устоях между прошлым и настоящим, как дом. Я стараюсь уберечь своих детей от кризиса ментальности. Способствую, по мере своих сил, тому же и в отношениях между людьми, и в своей повседневной работе.

ПАМЯТЬ

Все вспоминаю друга...

Не могу похвастать, что знала этого человека очень хорошо. Ведь есть такие стороны жизни, которые даже для друзей неведомы. Все же осмелюсь заявить, что хоть немного я его знала. Благодарна судьбе, что через это немногое познала много хорошего, что свойственно человеческой натуре.

Наверное, идеальным быть невозможно. Да и скучное это занятие, тем более что живем меньше ста лет. А узнать человека, который в момент знакомства производит приятное впечатление и потом не разочаровывает, а со временем укрепляет желание общаться с ним – уже подарок судьбы. Вот таким подарком могу назвать знакомство с Магомедом Садыковичем (мы называли его так, не подозревая, что укорачиваем ему отчество), который работал заведующим отделом культуры Дагестанского обкома партии в 70-80-х годах уже прошлого столетия.

Мое знакомство с ним состоялось в 1982 году во время Дней литературы Дагестана в Таджикистане. Мы ездили вместе по селам и городам братской республики. Сдержанность М. С. Магомедова в сочетании с завидной начитанностью, природная тактичность, которая помогала ему не замечать какие-то неловкости в поведении беспокойной творческой группы, простота в общении, умение в то же время соблюдать незримую, но необходимую дистанцию производили удивительно приятное впечатление. Можно подумать, что, мол, в этом удивительного: если человек отвечает в республике за культуру, он и должен быть образцом для подражания. Оно-то так! Но все дело в том, что он как нельзя лучше подходил на эту роль. Кто-то из мудрецов сказал, что жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы ее чувствовать. Человек, не чувствующий жизнь сердцем, не мог бы работать на этом посту, потому что не понимал бы людей искусства. Магомед Садыкович понимал. И особенно понимал очень ранимую психологию творческого человека. Именно это понимание позволяло ему быть ответственным за нужды культуры.

Увлеченный работой, он не находил ни времени, ни денег на благоустройство своего жилья. Зато был активным ходатаем по решению проблем окружающих его людей. Работая в Союзе писателей Дагестана с 1983 года, я часто видела Магомедова на наших собраниях, юбилейных торжествах, декадах литературы. Мы замечали, что Расула Гамзатова и Магомеда Садыковича связывали не только интересы работы, но и крепкая дружба. Гамзатов советовался с Магомедовым, считался с его доводами в спорных вопросах, держал с ним постоянную связь, будучи не только в Москве, но и за границей. А ведь это было время, когда Расул Гамзатов был членом Президиума Верховного Совета СССР, его окружало много влиятельных людей. Тем не менее он очень дорожил дружбой с Магомедом Садыковичем.

В долгое отсутствие нашего председателя мы не чувствовали себя обделенными, забота и внимание заведующего отделом культуры обкома партии во многом нам помогали. «Не разочаровать людей, обращающихся к нему с проблемами» – вот что его волновало, потому что он понимал: расхожая фраза «быт заел» имеет вполне конкретное и опасное значение, невозможно жить после жизни или откладывать жизнь на лучшие времена.

Повезло ему и со спутницей жизни. Асият Ибадуллаевна, работавшая в те годы учительницей в одной из школ Махачкалы, успевала и своих детей воспитывать, и мужу быть опорой, и гостей встречать по-дагестански, хлебосольно. В семье Магомедовых царили взаимопонимание, счастье и уют.

Магомед Садыкович и сегодня стоит перед глазами как живой: курит, внимательно и задумчиво смотрит, слушает не перебивая. Я приходила к нему несколько раз с чужими проблемами. Он хорошо разбирался в людях и сразу понимал: истинно ли человек хочет кому-то помочь или ищет выгоду на чужой беде. Во времена перестройки творческие люди сильно пострадали. Первая половина 90-х годов многих ввергла в смятение и депрессию. Магомед Садыкович воспринимал беду людей как личную трагедию.

Легко прощаясь с надоевшими вещами, я очень трудно расстаюсь с друзьями, если они куда-то переезжают или я меняю место жительства. А уход друзей в мир иной для меня огромная трагедия. Как и для всех, конечно, если дружба была преданной. Всё вспоминаю их, анализирую прошлое, раскаиваюсь, что не хватало времени на общение. В последний раз я видела Магомеда Садыковича, когда он заглянул ко мне на работу и сказал, что прочел в газете недавно мое стихотворение «Стамбул» и что оно ему очень понравилось. Я, конечно, обрадовалась его отзыву, потому что знала о его разборчивости. И не могла предположить, что это была наша последняя встреча. Можно вернуть друга, даже ставшего тебе почему-либо на время врагом, но как вернуть друзей, ушедших навсегда?

Много людей уходит из этого мира, все они кому-то дороги. Но есть люди, которые уносят с собой не просто жизнь. Общество становится уязвимым и бедным, когда уходят такие люди. К ним относится и Магомедов Магомед Садыкович. Грустно, что время забирает всех подряд. Но о хороших людях непременно остается память.

Бийке КУЛУНЧАКОВА,
народный писатель РД

ПРЕССА

Феномен новой публицистики

Надо заметить, что предлагаемая читателю статья «Феномен новой публицистики» тоже является в некотором роде феноменом. До сих пор в республиканских изданиях не появлялось (или почти не появлялось) серьезных публикаций о современной дагестанской журналистике. Гаджи Абашилову с этой точки зрения повезло, он естественно оказался в поле зрения нашего автора. Остается только добавить, что этот материал является только частью обширного исследования дагестанской публицистики.

Он пришел в журналистику в период, когда границы новой публицистики только устанавливались. Ключевым было слово «гласность», а к середине 90-х годов речь шла уже о свободе слова. Смена приоритетов в обществе означала перемену стиля его мышления. Далеко не всем даже весьма опытным журналистам удавалось разобраться в том, каков основной формирующий принцип новой публицистики. Профессиональное сознание большинства было еще закомплексованным.

Публицисты «новой волны», среди которых был и Гаджи Абашилов, сразу же реализовали свои творческие возможности, не оглядываясь на традиции прошлых лет с их многочисленными фигурами умолчания и хорошо разработанной системой иносказаний. Новой публицистике требовалась другая динамика, иной род активности в подаче материала, и не каждый профессионал мог или хотел отойти от наработанных схем. Если же это происходило, и чем скорее происходило, тем быстрее журналист ориентировался в новой ситуации. Смелость при наличии таланта – вот главные составные успеха в системе СМИ пореформенного периода.

Трезвость мышления, склонность к анализу, умение просчитывать варианты вместе с достаточной долей дерзости и дипломатического дара позволили журналистам «новой волны» сразу оказаться в авангарде республиканских СМИ, маркируя своим появлением границы нового подхода к профессиональным задачам. Это была уже другая публицистика, не имевшая аналогов на протяжении многих десятилетий. И Гаджи Абашилов стал одним из тех, кто в силу субъективных и объективных факторов оказался «в нужное время в нужном месте». Он не был профессиональным журналистом, но имел за плечами богатый жизненный опыт. Только так и могла сформироваться активная и волевая личность.

До прихода в газету «Молодежь Дагестана» («Комсомолец Дагестана») в конце 1990 года Абашилов работал секретарем обкома комсомола, курируя международные связи, прессу, туризм, молодежные объединения. А до того он окончил английское отделение ФИЯ ДГУ, был победителем республиканского студенческого конкурса по переводу на английский и с английского. Три года работал в студенческих строительных отрядах, получил медаль «За трудовую доблесть», а после вуза служил офицером на советско-турецкой границе в Армении. Сегодня он полковник запаса, вице-президент Федерации шахмат Дагестана и лауреат всероссийской премии «Лучшие перья России» за 2000 год, а в республиканском конкурсе журналистов стал победителем в номинации «Политика».

Будучи человеком тонким, глубоко чувствующим природу причинно-следственных связей, Абашилов легко ориентируется в общественной жизни, что очень важно для человека, имеющего дело с оперативной информацией. Тем не менее, его очерки, статьи в достаточной мере насыщены элементами художественности и философского характера, что делает его публицистику динамичной и многотемной. Эти черты определяют творческую манеру Абашилова. Его острый, неизменно угадываемый почерк, задевающий за живое, сделал еженедельную колонку редактора газеты «Молодежь Дагестана» популярной. Упругость текста, предельная информативность, насыщенные, лаконичные формулировки, живая доверительная интонация, умелое осложнение сюжета, нетривиальность в размышлениях наглядно иллюстрируют характер его публицистического дарования. Он умеет найти деталь, способную вызвать у читателя нужные автору ассоциации, провести исторические аналогии, и все это дополняет многоцветной гаммой социально-политических настроений и личных эмоций. В этом можно убедиться, раскрыв на любой странице сборники его статей, очерков и эссе «Караван» (1998), «Экспансия» (1999), «Выбор» (2000), «Рубежи» (2002). В них Абашилов сумел дать если не полную картину жизни республики, то наиболее выразительные ее черты. Автор вводит читателя в круг важнейших вопросов современной политики, культуры. Он делает это, уважая своего читателя, говоря с ним открыто и искренне. Даже тогда, когда резок в своих высказываниях, но в его интонации нет и тени высокомерия.

Газетная публицистика – жанр особенный, предполагающий активное участие журналиста в освещении всех, даже самых скользких тем. В этом Абашилов почти всегда бывает первым, часто неся определенные для себя издержки. Множество его публикаций посвящено как людям, действующим во власти, так и «теневым» авторитетам. В редактируемой им газете он бесстрашно публикует многофигурные сюжеты внутриреспубликанских кадровых раскладов. Надо думать, это дается Абашилову непросто. Некоторые его материалы напоминают проход по минному полю, в них привлекает взрывная смесь документальности со свободно-ассоциативными аналогиями всех времен («Посягательство», «Присягая Дагестану», «Дети могут не простить…»).

Как и в любой национальной республике, в Дагестане порой назревают конфликтные ситуации локального характера, которые можно без особого труда обойти молчанием. Большинство журналистов в таких ситуациях так и поступает. Абашилов же публикует статьи, вызывающие в обществе дискуссии, и принимает огонь на себя с обеих сторон баррикад. Но делает это без бравады, полагаясь на выверенность авторской позиции, хотя прекрасно осознает чреватость подобных писаний. Он и сам говорит об этом: «Писать о политике в наше время – дело неблагодарное. О выборах – тем более. Всегда есть риск задеть чьи-либо затаенные или даже публично заявленные интересы. Можно кого-то просто обидеть. Ты этого и не помышлял, а вот поняли превратно. Ты, может быть, хотел показать истинное положение вещей, а твой анализ, оценки восприняли как вмешательство в чьи-то внутренние дела».

При всех достоинствах, интеллектуальных и художественных, публикации Абашилова зачастую провоцируют нешуточные страсти. Люди, ценящие его талант, смелость, эрудицию, признают, что он дает слишком много поводов для критики в свой адрес. Заслуживает внимания и даже более радикальная точка зрения. Суть ее в следующем: Абашилов дерзок, амбициозен. Такое мнение базируется на том, что его выступления в печати являются полемичными, затрагивают устоявшиеся каноны общественного сознания. Есть и другие при-

чины подобных претензий. Порой он, как полагают некоторые, забывает о корпоративной этике и тогда политическая полемика перерастает в личную вражду, а личная вражда порождает политическую полемику. Он и сам говорит об этом в одной из статей: «…неловко признаться самому себе в том, что бываю резковат и категоричен, хотя и отходчив».

Претензии к Абашилову-политику также вполне объяснимы. Для его идейных построений характерна непрекращаемая, иногда прямая, чаще подспудная, полемика с приверженцами прошлого. Он являет собою для многих радикальную оппозицию, четко проговаривая на страницах своей газеты вещи, заведомо обреченные на неприятие большинством старшего поколения. Некоторые его статьи – это, в сущности, ответы на проявление пресловутой старой идеологии. Ответы эти порой резки по форме. Но он же объявляет главным приоритетом человеческую личность, ценит возможность для нее свободы выбора. Его занимает вопрос: «Как сделать человека свободным, не обрубая национальные и религиозные корни?».

Бесспорной заслугой Абашилова является умение выслушать мнения людей независимо от их идейно-политической и религиозной ориентации. Может быть, поэтому в редактируемой им газете довольно мирно сосуществуют статьи, авторы которых занимают полярные позиции мировоззренческого характера. При этом соблюдается относительное равновесие, чтобы эти выступления не превратились в объект этнической или социальной мести. Ведь не секрет, что в маленькой полиэтнической республике, каждое слово, сказанное сгоряча публично, отдается эхом в самых дальних уголках гор. Абашилов прекрасно осведомлен о процессах, вызревающих в недрах общества, и его главная цель – не дать им зайти далеко, ограничив рамками дискуссий, в которые сам журналист активно включается. И это во многом удающаяся попытка дать объективный портрет дагестанского общества, которое весьма многослойно.

Можно как угодно относиться к взглядам Абашилова, но никто не сможет опровергнуть, что он прекрасно образован, достаточно компетентен в вопросах политики, культуры, истории. У него нет недостатка в интересных мыслях, он без усилий прокомментирует любое событие местного или мирового масштаба. В его статьях очевидно стремление к выходу за тесные рамки национальной ограниченности, неприятие местнических тенденций во всех сферах общественной жизни. Мало кто до него так радикально отошел от канонов: как газетного официоза, так и традиционного подхода ко многим явлениям национальной жизни.

У Абашилова есть свои политические предпочтения, он разделяет либеральные настроения интеллектуальной элиты страны. В качестве политической платформы он выбрал внерелигиозный правоцентристский вариант. В этом нет ничего исключительного. Автор выражает мнение определенной части общества, ориентированной на демократические ценности. Вроде бы в условиях нашей республики было бы благоразумнее отказаться от попыток сформулировать некую модель нового «обустройства общества». Но Абашилов не желает расставаться со своей концепцией либерально-демократического миропорядка в отдельно взятой республике. Спорить с подобной позицией можно, но пусть это делают специалисты. Мне же хотелось бы отметить явное противоречие его теоретических выкладок и практических действий. Честность и объективность гражданина своей республики и России, трезвого политика приводят его к иным берегам. И тогда вырисовывается другая картина действительности, которая отражена в его статьях «Флажок может упасть», «Если бы…», «Старт марафону дан», «Кто правит бал?» и других.

Во многих публикациях Абашилова объективная реальность превалирует над субъективизмом его взглядов, которые, разумеется, имеют полное право и на существование, и на манифестацию в газетных статьях. Когда Абашилов говорит о возможности экономического развития республики посредством глубоко «продуманной экономической программы, некой модели обустройства общества», он тут же признается, что это «архисложная задача». Модель, которая «обеспечивала бы гармонию интересов государства и граждан» на данном этапе развития общества, на мой взгляд, еще большая химера, чем любая из идей, столь порицаемых публицистом.

Умозрительные либерально-демократические ценности вызывают если не отторжение, то неприятие у рядовых сограждан. Но Абашилов искренне верит в конечную победу демократических принципов и строит свои концептуальные доказательства, опираясь на опыт развития демократии в европейских странах. Редкий случай социального оптимизма, следы которого заметны во многих публикациях. Чем еще объяснить упорное стремление автора внедрить идею либерализации в жизнь? По мысли Абашилова, стране и республике, в частности, нужна идеология свободного человека, имеющего возможность реализовать способности во всех сферах бытия. Достаточно распространенная мировоззренческая установка, однако, как я считаю, на деле она остается нежизнеспособной, поскольку реальность с жестокой наглядностью это доказывает.

Гораздо более убедительно звучат для дагестанцев статьи Абашилова, посвященные вопросам геостратегии и национальной безопасности. В них гражданские эмоции и движения души автора совпадают и находят адекватный отклик у читателя. В основном это статьи, в которых затрагиваются проблемы социального неравенства, формирования единого гражданского идеала для многонационального общества. Немало места в творчестве Абашилова занимают проблемы морали. Особую популярность получили статьи Абашилова, написанные им в августе-сентябре 1999 года, объединенные позже в сборник «Экспансия», его сражение с идеологами сепаратизма по обеим сторонам дагестанской границы. Еще до этих событий он прямо указывал на грядущую опасность. И сегодня мы вынуждены признать, что в Дагестане есть национал-предатели и их приспешники. Именно они образуют пятую колонну, которая всячески подрывает основы благополучия и мира в нашей республике. С позиций сегодняшнего дня нам понятен пафос публициста-патриота, который неоднократно предупреждал и предупреждает в своих выступлениях об опасностях, грозящих республике. Аналитическим даром, помноженным на широту политических знаний, озабоченность судьбами народов Дагестана, объясняются провидческие высказывания в его политических материалах.

В соответствии со своей теорией развития общества Абашилов часто пишет о правах отдельно взятого человека, о главенстве этих прав над любыми другими аспектами социально-политического бытия. Но сколь часто права человека и стратегические интересы общества пребывают в трагическом противоречии? В этом драматизм нашего времени, его противоречивость. Альтернативность мышления Абашилова заключается в том, что он зачастую объединяет в своем творчестве достаточно противоречивые социально-политические феномены, но при этом неизменно соотносит их с главенствующей доминантой своих размышлений – патриотической их направленностью. Неоднократно провозглашая себя интернационалистом, публицист формирует в одной из своих статей главную для него мысль: «Грош цена интернационализму, если в жертву приносится патриотизм. Эту истину по ту сторону Самурского и Герзельского мостов очень хорошо и раньше нас освоили азербайджанцы и чеченцы».

Говоря о творчестве Гаджи Абашилова, нельзя не отметить, что он является автором рельефных, отлично выполненных путевых очерков, объединенных в разделе «Пилигрим» (сборник «Караван»). Здесь собраны публикации совершенно иного рода, но не менее любопытные информативно. В них автор демонстрирует умение ориентироваться в разноплановом инонациональном культурном пространстве.

За сравнительно небольшой отрезок времени Гаджи Абашилов написал целый ряд ярких, экспрессивных, а главное информационно-насыщенных очерков, эссе, обзорных статей. Являясь порождением нового исторического этапа, его публицистика сформировалась в самостоятельную разножанровую систему и представляет собой значительный культурно-политический феномен. Совсем не случайно творчество Гаджи Абашилова стало объектом изучения в дагестанском научном центре Российской академии наук.

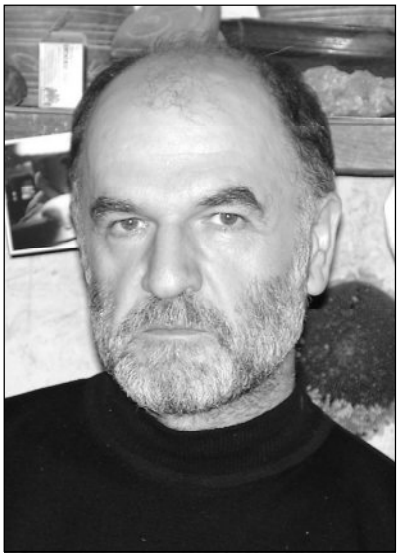
Зулейха МАГОМЕДОВА,
старший научный сотрудник
отдела литературы ИЯЛИ ДНЦ РАН

Мир символов Ибрагима Супьянова

Супьянов Ибрагимхалил Камилович. Член Союза художников СССР. Заслуженный художник Дагестана. Родился в 1951 г. в сел. Каранай Буйнакского района Дагестанской АССР. В 1971 г. закончил Дагестанское художественное училище им. Джемала. Один из ведущих театральных художников республики. Им оформлены десятки спектаклей в Русском, Аварском, Кумыкском, Лакском, Даргинском и Лезгинском театрах. Среди наиболее крупных сценографических работ — опера Г. Гасанова «Хочбар», опера Н. Дагирова «Ирчи Казак», спектакли Лакского театра «Парту-Патима», Аварского — «Хаджи-Мурат», Русского — «Ханума» и др.

И. Супьянов участник более 50 выставок, в том числе трех Международных выставок театральных художников в Праге (1983, 1987, 1991 гг.), выставок в Париже (1985 г.), Ольденбурге и Бланкенхайме (ФРГ, 1991 г.), Стамбуле (1991 г.), Швейцарии (1991 г.), США (1997, 2000 гг.), Азербайджане (1999, 2000, 2001 гг.), в Москве (галерея А-3, 1996 г.; Музей народов Востока, 1997 г.; Арт-салон, 2000 г.)

В Дагестане И. Супьянов — участник практически всех крупных выставок последних 20 лет. Персональные выставки в 1989 г. (СХ РД), совместно с А. Магомедовым в 1995 г. (СХ РД), акция «Бумага» (Первая галерея, РД, 2001 г.)



18 февраля с. г. в Дагестанском музее изобразительных искусств состоялось открытие персональной выставки известного дагестанского художника Ибрагимхалила Супьянова. Предлагаем вниманию читателей интервью с ним.

— Персональная выставка художника — определенная веха в его творчестве. Что она означает для вас?

— Персональная выставка всегда немного пугает. Ведь она является определенной заявкой художника, выражаясь старой терминологией, отчетом о проделанной работе. Но искусство — это подражание природе и вечности, и его нельзя разделить на этапы.

То, что было представлено на выставке — ретроспектива всех моих работ. Сначала я планировал выставить только новые работы, но потом получилось всего понемногу — и живопись, и скульптура, и инсталляция. Специально для выставки я сделал скульптуру «Спираль». Думаю, что эта работа мне удалась.

— Когда вы ощутили, что хотите быть художником?

— С детства. Я всегда с восхищением смотрел на картины. У меня в голове не укладывалось, что такое чудо могут творить человеческие руки, казалось, будто картины — результат труда какой-то диковинной машины. Не могу сказать, что был так наивен, чтобы верить в это, но, во всяком случае, так мне казалось. Как-то в магазине я тщательно разглядывал картину и обнаружил, что мазки краски на ней сделаны человеческими руками, а не кистью. С тех пор я и почувствовал, что картина несет тепло человеческих рук, и нашел силы попробовать себя в живописи.

«Начинающего художника понимают лишь несколько человек. Знаменитого — еще меньше»

П. Пикассо

— Как вы относитесь к тому, что многие люди не понимают новых изобразительных форм в искусстве и вовсе не приемлют современную абстракцию, считая ее неоправданным уходом от реальности?

— Мы живем в мире абстракции, в мире знаков и символов. Буква из бессмысленного знака благодаря абстракции превращается в носитель звука. Арабские буквы человеку, не знающему их, кажутся диковинными. Существует язык жестов. То же самое можно сказать и о языке краски, фактуры, материала. Термин «абстракционизм» стал уже с легкой руки некоторых знатоков искусства чем-то ругательным. Но именно благодаря развитому абстрактному мышлению наш мир отличается от мира братьев наших меньших. В конце концов, даже наши дальние предки были абстракционистами. Возьмите, наскальные рисунки, каменные изваяния древности, кубачинский или унцукульский орнамент.

Современные художники ничего не придумывают. Если живопись нефигуративна – не значит, что она безыдейна. Даже знаменитый «Черный квадрат» Малевича за сотни лет до этого существовал в образе Каабы. Художники лишь списывают у природы какие-то символы и знаки, и если их образы неузнаваемы, это вовсе не значит, что их поиски лишены смысла.

Все, что происходит в мире и внутри человека, нельзя описать лишь красивыми картинками. Ведь в мире не все зримо и узнаваемо, поэтому я считаю, что путь, по которому идут современные художники, оправдан.

Что касается критических оценок, которые даются творчеству некоторых современных художников, то они, на мой взгляд, вызваны косностью мышления и неготовностью к чему-то новому, устоявшимися стереотипами. Да ведь худож-

ники и не требуют, чтобы их все понимали однозначно. Разные люди, читая одно и то же стихотворение, могут увидеть в нем что-то свое. То же и с картинами.

— А может ли вообще быть цель у искусства?

— Искусство всей своей созидательной природой обращает человека к добру и любви. Но цели у него, на мой взгляд, быть не может. Художник должен дать себе самому возможность раскрыться. Нельзя ограничивать себя, строить самому себе барьеры, думая: «это не поймут, а это поймут». Риск быть не понятым есть всегда. Чем больше задач и целей заранее ставит перед собой художник, тем меньше порой у него получается. Картины, перефразируя поэта, как и стихи, не пишутся, а случаются.

В поэзии есть Пушкин и Лермонтов, но есть и Маяковский, и Рождественский. Классическая форма восприятия мира у одних и новаторство у других не мешает им всем быть великими поэтами. То же самое и в живописи.

Все в мире развивается, и поэтому нельзя все время требовать от искусства одного и того же. Мы спокойно относимся к тому, что завиткам стиля барокко в архитектуре пришли на смену угловатые формы современных небоскребов.

У меня есть картина «Зикр», которая символизирует один из исламских ритуалов, и выполнена она, согласно, если можно так выразиться, с техникой самого ритуала — краски втоптаны в холст босыми ногами. Кто-то скажет: «А зачем?» Это примитивный подход, ведь то же самое можно сказать и вообще об искусстве.

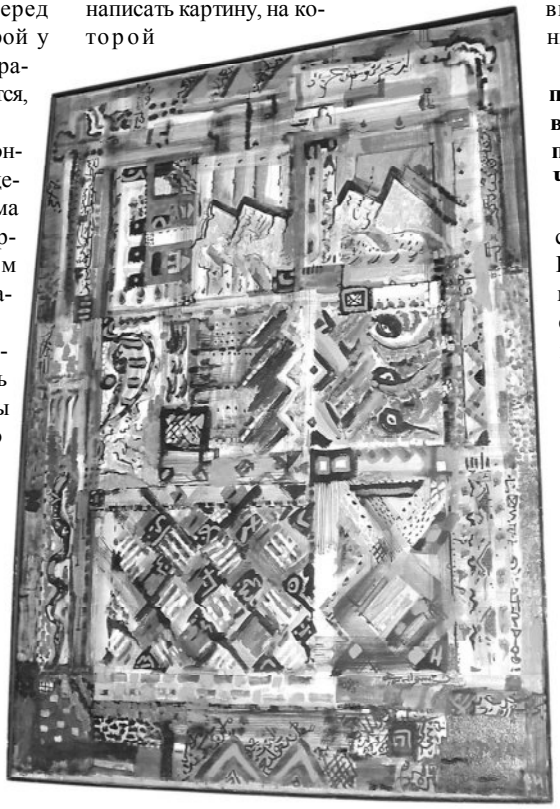
— Вы известны не только как живописец, но и, пожалуй, более как театральный художник. Что, по-вашему, прежде всего отличает эту область от других?

— В театре художник работает не один. Он и его декорации должны играть пьесу вместе с актерами. Декорации создают атмосферу спектакля, ту ауру, в которой разворачивается само действо. От того, насколько будет силен зрительный эффект, зависит очень многое. Кроме того, творческая свобода художника здесь должна уживаться с режиссерским замыслом. Только при гармоничном сочетании всех составляющих можно рассчитывать на успех постановки.

Я рад, что в театральном искусстве мое мировоззрение оказалось востребованным. Ведь декорации — это тоже система знаков, а не какой-то безликий фон.

— Когда вы почувствовали, что реалистичных средств для выражения того, что вы хотите сказать и показать, не хватает?

— Реализм реализму рознь. Раньше у нас был соцреализм. Сейчас, наверное, есть капреализм. На смену портретам вождей пришли портреты-оды, поющие на холсте хвалу хозяевам жизни. Далеки от совершенства ширпотребные натюрморты или пейзажи. И не понимаю я, как за две недели можно написать картину, на которой



сотня людей, сотня человеческих образов, сотни глаз. Сотни глаз за две недели изобразить невозможно. Это не реализм.

Я не отрицаю реализм. Но мне кажется, что если в реалистической работе нет какого-то скрытого подтекста, таинственности, неразгаданности — это просто слепок с реальности, но еще не сама реальность. Изобразить реальность не так просто, как кажется, ведь реалистическая картина должна быть пропитана энергией жизни, она должна дышать.

То, что рождается внутри художника, нельзя объяснить стандартным набором фраз. Это ведь не лубочная картинка. Если бы все в искусстве было объяснимо, оно бы стало похожим на математику. Меня всегда тянуло к тому, что находится за реальным, но вовсе не потому, что я хотел что-то усложнить и искусственно придать картинам некий особый смысл. Просто мне хотелось абстрактно высказаться о знакомом, реальном. Вообще, в человеке ведь соседствует абстрактное и реальное, материальное и духовное. В этом единстве заключается наше бытие.

Не надо воспринимать абстрактные композиции как некий ребус, который непременно нужно разгадать. Человек, видя картину, испытывает что-то только ему ведомое — это самое главное. А о вкусах, как говорится, не спорят. Речь даже не о картинах. Кому-то не нравится красный цвет, а кому-то синий. Кто скажет почему?

— На вашей выставке были продемонстрированы такие непривычные для дагестанского глаза произведения, как инсталляции. Что навевает вам их?

— В инсталляциях соединяется, казалось бы, несоединяемое. Кажущееся бессмысленным нагромождение предметов обретает смысл. Не это ли мы видим сегодня и в жизни? Изображение на картине существует в двухмерном пространстве. Инсталляции же вовлекают зрителя в трехмерное пространство, то пространство, в котором мы живем, а, следовательно, более ощутимое.

— Над чем вы сейчас работаете?

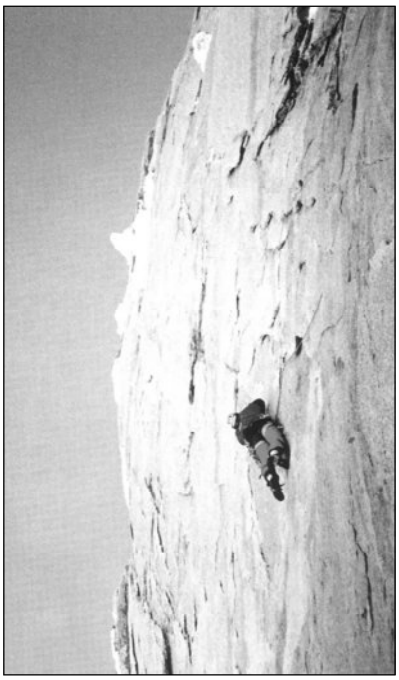
— Готовлюсь к юбилейной выставке, посвященной творчеству Расула Гамзатова. Работаю над композицией на тему его новой поэмы «Черный ящик». Считаю, что найденный поэтом образ является уникальным и очень емко отображает суть нашего времени и бытия. Я попытался представить свое видение этой темы. Наше прошлое — это зашифрованное послание настоящему, а настоящее — будущему. Вся наша история — это и есть тот самописец, который призваны расшифровать потомки, чтобы узнать причину несчастий и бед и избежать ошибок. Поэтому Гамзатов в моей композиции становится современником Шекспира и Хайяма, и наших далеких потомков через тысячи лет.

В кукольном театре я работаю над куклами и декорациями к постановке новой интерпретации любимой всеми сказки «Дюймовочка». Кроме того, занимаюсь декорациями к спектаклю «Дядя Ваня» и опере «Горянка».

Беседовал Мурад АХМЕДОВ

АЛЬПИНИЗМ

На вершинах мира



Автодорожники старшего поколения, наверняка, хорошо помнят Энвера Абидиновича Ахмедханова, который строил в нашей республике дороги, мосты, руководил разными стройками; кстати, это он в свое время строил в Махачкале нынешнее здание МВД. Был начальником строительных управлений, много лет руководил в Махачкале автодорожным техникумом.

Его сын Камиль тоже окончил автодорожный институт в Москве, работал в Дагестане, Кабардино–Балкарии. Последние годы он работал в Москве и все свободное время отдавал «бездорожью». И проводил это время в родной республике, которую исходил пешком почти всю вдоль и поперек, и преимущественно – по горам. Кажется, нет ни одной мало-мальски высокой вершины, на которой он не побывал. Смысл его жизни – горный туризм и альпинизм. У него много разных спортивных званий, его перу принадлежат четыре книги о Дагестане с описанием туристических маршрутов и прочих дагестанских прелестей. К нему со всех сторон необъятной России обращаются за консультацией все, кто хочет побывать в нашей республике, пройти по ее заповедным местам, взобраться на ее горные вершины. И все получают исчерпывающую информацию – вплоть до расстояния в метрах, где и куда ведет тот или иной поворот, где что растет, где и что бегает и летает, где и что течет, откуда вытекая и куда впадая. В прошлом году Камилю Ахмедханову присвоено очень редкое звание «Заслуженный путешественник России».

В свои походы Камиль нередко брал подрастающего сына Тимура. Такое воспитание вылилось уже не в просто страстное увлечение «бездорожьем», а в нечто гораздо большее, что сделало Тимура почти профессиональным спортсменом. Сегодня Тимур Ахмедханов входит в десятку сильнейших альпинистов России, он мастер спорта международного класса, покорил многие высочайшие вершины в стране и за рубежом, будучи в составе российских экспедиций альпинистов на разных континентах. В 2001 году он в составе четверки друзей стал чемпионом России в скальном классе, пройдя маршрут высшей категории сложности на вершину «Эль–Кап» в Калифорнии (США). А в прошлом году Тимур Ахмедханов, Александр Ласточкин и Аркадий Серегин стали призерами чемпионата России в скально–техническом классе и первыми россиянами, прошедшими легендарную отвесную стену горы Сьерро Торре в южной Аргентине. Тимур очень хотел совершить это восхождение 27 января, в день рождения отца, но помешала непогода. В тот сезон природа отпустила альпинистам, обычно приезжающим сюда со всех концов света, для которых Сьерро Торре и окружающие вершины являются профессиональной Меккой, всего 12 часов погоды, позволяющей осуществить задуманное. Их тройка поднялась на вершину 31 января. Дул ураганный ветер, трещал мороз, и одежда превращалась в ледяной панцирь. Отчет об этом восхождении опубликован в журнале «Риск Онлайн» – журнале о горах, экспедициях, проектах, людях.

Такая вот династия.

А в Москве Тимур Ахмедханов и его друзья–альпинисты, помимо основной работы, занимаются еще так называемым промышленным альпинизмом: заделывают швы в стенах, моют на огромной высоте окна в домах-небоскребах, свисая с крыши на веревках. Надо же подработать, чтобы совершить очередную экспедицию. Ближайший проект – восхождение на высочайшие вершины в горах Пакистана…

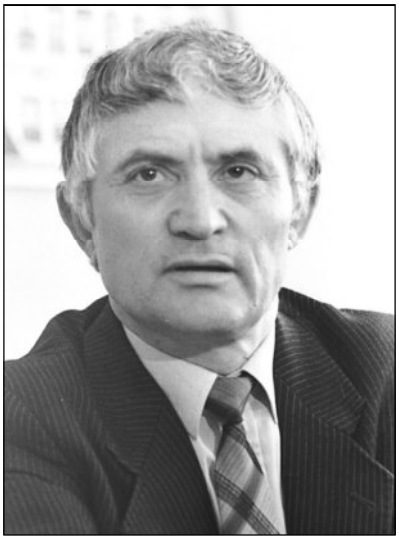
На снимках: **Тимур Ахмедханов на отвесной аргентинской стене; на фоне панорамы южноамериканских гор; на четвертой странице обложки – дагестанец и вершина Сьерро Торре.**

ЛИТЕРАТУРА

К ЮБИЛЕЮ ПОЭТА

Абдула ДАГАНОВ, народный поэт Дагестана

Читаю Гамзатова



Подобно природе обновляется и сердце человека. Мы чувствуем себя в объятиях неожиданного счастья. Душа ликует. Небеса, гремящие в ожидании дождя, молния, вспыхнувшая меж облаками, ветер, дожди, утоляющие жажду земли, наше дыхание, идущее из страстной груди, истинное чувство – все это поэзия.

Жизненной страстью стало для меня знакомство с поэзией Расула Гамзатова. Было это давно, когда мальчишкой я брал в руки школьные учебники родного аварского языка. Потом на годекане я слышал, как аульские мужчины говорили, мол, сын народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы – Расул Гамзатов тоже пишет стихи. А я все думал, какой он из себя, автор этих стихов, посвященных Родине, родному аулу, его людям.

Много разных произведений создал Расул Гамзатов с тех пор. А когда я брал карандаш, чтобы попробовать себя на трудной тропе поэзии, то вспоминал народную мудрость: «Если ты сядешь на коня, то кто-то должен держать уздечку, пока не привыкнешь к седлу». Но Пегас поэзии оказался совсем иного характера: «Садись и сам пускайся в путь!». Пришлось самому седлать коня и отправляться в путь.

В 1961 году я впервые принимал участие в совещании молодых писателей Дагестана. Расул Гамзатов страстно говорил о дагестанской литературе, о молодых дарованиях и задачах, стоящих перед ними. Я ловил каждое слово большого поэта. В частности, он говорил: «Как можно оценить прошедший день, если солнце еще не погасло, подытожить дела зимы, когда еще идет снег, дать окончательно приговор весне, когда весна в разгаре? Поэт всегда в пути, дни и ночи застают его в постоянном движении, и, чтобы оглянуться на ту часть пути, которая осталась за ним, он должен на время остановить своего коня посреди дороги…»

Поэт по этой мысли должен быть поэтом своего дня, своего века, поэтом всей страны. Каждому народу дана возможность внести свою лепту в прогресс человечества. Одна мелодия никак не заглушает другую. Мы поем новые песни, но не отрекаемся от старых, которые слышали с колыбели.

С того дня мы – дагестанские писатели – находимся вместе с ним в одном писательском союзе, как он сам выражается, мы – члены одной семьи. Сколько раз он мне, как и другим, протягивал крепкую руку помощи.

Расул Гамзатов всегда в окружении людей. Они ждут от великого поэта ответов на вопросы, волнующие их сердца. Они знают, что слово поэта – это дыхание времени и облегчение души. Его сердце всегда в беспокойстве за них, его читателей.

ЧИТАЮ ГАМЗАТОВА

Салам, рожденные на скалах,
Под сенью пиков величавых!
Салам! Я не был здесь давно.
Везде бывал, краям родимым
Не изменял, был верным сыном –
Ведь сердце у меня одно.
Читаю Гамзатова.

Земля – как будто мой ребенок,
Я думаю о ней спросонок,
Я вижу степь, лес, океан,
Саванну, льды, пустынь просторы,
Людей в заботах, вижу горы.
Спешу – я вижу Дагестан!
Читаю Гамзатова.

Весна, как девушка, румяна,
Пришла. И солнце неустанно.
И дождь к крестьянину пришел.
Труд вечен, как сама природа.
Труд – радость, нынче утро года.
Я слышу, слышу песни пчел.
Читаю Гамзатова.

Путь сердца к сердцу неизведан.
А у крыльца уж конь оседлан,
И парень только ночи ждет.
Да, страсть любви всего сильнее.
Где милая?
Он мчит за нею,
Достигнет он любых высот!
Читаю Гамзатова.

Гуляет ветер возле сакли,
Деревья голые озябли.
Зима пришла, и ночь темна.
Светильник на гвозде у входа
Дрожит.
Печалится природа,
Как сердце, ранена она.
Читаю Гамзатова.

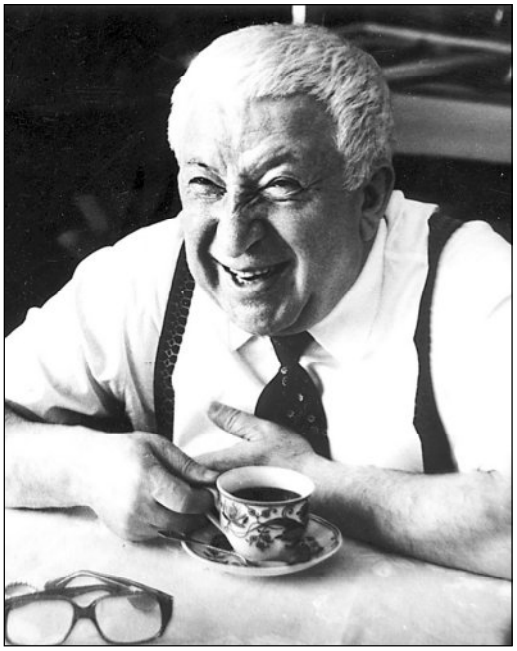
Кинжалов треск. Глухие стоны.
Спор, жаркой кровью обагренный.
И жертвы, жертвы… Их не счесть.
Рыданья женщин и проклятья.
И черные платки и платья.
И – хоть через столетье – месть.
Читаю Гамзатова.

Мать молча смотрит на дорогу.
Стихает ветер понемногу.
Мать плачет – сыновья ушли.
Их путь пролег сквозь слезы эти,
Как, впрочем, все пути на свете –
Сквозь слезы матерей земли.
Читаю Гамзатова.

Кто я? Что для людей я значу?
И не напрасно ль силы трачу?
Держать ответ пришел черед.
Служить отчизне – вот призванье.
Мой разум, воля и дыханье –
Твои навеки, мой народ.
…Читаю Гамзатова.

(Перевод с аварского)

Расул сказал...



«Расул сказал...» Сколько раз мы слышали эти слова. Однажды услышанное шутливо-меткое выражение Расула Гамзатова навсегда остается в памяти. Особое впечатление производит живая речь Расула, человека с удивительным характером, по-детски чистым сердцем, открытым доброжелательным взглядом, от которого радостно замираешь. А какой у него заразительный смех! Неужели это Расул, солидный, седоголовый? Кажется, из самых сокровенных глубин души поэт достает горячие, как пламя, крепкие, как сталь, нежные и ласковые, как весенний ветер, слова. И они превращаются в поэзию, созвучную нашей душе.

Сегодня мы привыкли к словам: «Расул сказал...». Нет возможности собрать воедино все, что сказал поэт, хотя сказанное Расулом передается из уст в уста. Я попытался его записывать. Увы... Мне не удалось собрать россыпи его замечательных высказываний по тому или иному поводу. Но все же хотя бы малая их толика у меня собралась. Предлагаю вашему вниманию некоторые выдержки из собранного.

* * *

«Аварцам, живущим в Турции, я сказал, что они похожи на камни, не подошедшие для стены в дагестанской сакле».

* * *

В Финляндии ее премьер-министр спросил поэта:

– Как вам, представителю такого малочисленного народа, удалось взлететь на такую высоту?

– Я родился в высоких горах, – ответил Расул Гамзатов, – а уж оттуда спустился к людям.

* * *

В Англии Расула спросили:

– Что вам – представителю малой народности – дала советская власть?

Расул ответил:

– Если до революции в моем Дагестане проживал один миллион человек, то сегодня я являюсь поэтом 270-миллионного народа.

* * *

«В молодости я ловил каждое слово аксакалов, зная, что они дадут дельный совет, а нынче молодежь сама изощряется, стремясь удивить старших».

* * *

«Сердце поэта такое же ранимое, как сердце матери: где бы не стреляли, пуля попадает в его сердце».

* * *

«Есть множество крикливых поэтов, которые очень любят хвалу. Но талантливы произведения почему-то у куда более скромных».

* * *

«Поэт и начальник – понятия несовместимые. Если поэт становится начальником, он перестает писать хорошие стихи».

* * *

«Начальников сменяют, но никто не в силах лишить поэта таланта».

* * *

«Проблемы войны и мира, всего происходящего вокруг легко решаются вокруг винной бутылки людьми, считающими себя в этот миг самыми умными на свете».

* * *

Столетие со дня рождения народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского отмечалось в Касумкенте. После ужина многие приглашали Расула Гамзатова к себе на ночлег. А он отвечал: «Горец никогда не меняет кунаков отца. Извините, я должен гостить у Сулеймана Стальского». И он зашел в его дом-музей.

* * *

Говоря о межнациональных браках, Расул сказал: «Жена другой национальности похожа на переведенное стихотворение».

* * *

В Союзе писателей Расулу хвалили поэта, говоря, что он хороший человек. Расул ответил: «У меня нет такой штатной должности – «хороший человек».

* * *

Писатели обсуждали какую-то проблему, когда к ним присоединился еще один, изрядно выпивший, и Расул сказал: «Появился луч поэзии в темном царстве прозы».

* * *

Известный советский композитор Ян Френкель был высокого роста. Стоя рядом с ним, Расул сказал: «Ты, дорогой Ян Абрамович, являешься высотой нашей культуры, а я – ее широтой».

* * *

Вместе с известным таджикским поэтом Мирзо Турсун-Заде Расул Гамзатов принимал участие в большом поэтическом вечере в Тегеране. Пока тот очень долго и красноречиво говорил о себе, Расул получил из зала записку: «Ваш товарищ говорит о себе, а мы хотели бы узнать, кто вы?».

Расул встает, подходит к трибуне и говорит: «Я приехал в ваш прекрасный город вместе с выдающимся поэтом Таджикистана, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда, Председателем ассоциации писателей стран Азии и Африки, депутатом Верховного Совета СССР Мирзо Турсун-Заде. Раз такой величины человека со мной послали в качестве моего переводчика, то вы, наверное, поймете, кто я!».

* * *

На Кубе при встрече с Фиделем Кастро Расул Гамзатов преподнес ему в качестве подарка дагестанскую бурку. Осмотрев ее, удивленный Фидель спросил:

– А почему у нее нет пуговиц?

– Чтобы при встрече с врагом – легко сбросить ее с плеч, а при встрече с любимой женщиной – накинуть ей на плечи.

* * *

Даря предводителю палестинского народного движения Ясиру Арафату белую бурку, Расул Гамзатов сказал: «Белый конь в бою может покориться пуле, а бурка пули не пропустит».

* * *

Одного из друзей назначили директором ресторана в Махачкале, и Расул вместе с друзьями пошел к нему обедать. На кухне, как говорится, ни огня, ни дыма, а директор читает официант-

кам лекцию о культурном обслуживании.

«Пока его не назначили директором, – сказал Расул, – он не вспоминал о культуре, но теперь учит тому, о чем понятия не имеет».

* * *

При встрече друзья справляются о его здоровье: «Как самочувствие, Расул?». На что он отвечает:

– Непорядочно быть здоровым в этом больном мире.

* * *

Как-то в Москве на улице к Расулу подошла незнакомая женщина: «Позвольте, Расул Гамзатович, выразить вам сердечную благодарность за ваши проникновенные стихи в честь женщины-матери». Расул Гамзатов смущенно ответил: «Благодарить нужно вас, женщин, за вашу человечность, за то, что вы терпите нас, таких несносных мужчин».

* * *

Однажды в аэропорту Ташкента к Расулу Гамзатову подошел корреспондент Узбекского радиовещания и, протянув микрофон, попросил сказать пару слов об Узбекистане. Расул тут же ответил:

– Раньше Узбекистан встречал меня шашлыками, пловом и объятиями друзей. Времени прошло немного, но, видно, забыли меня: теперь встречают микрофоном.

* * *

В Ташкенте узбекский поэт Сайар подошел к Расулу с журналом «Юность», где были напечатаны стихи и Расула, и Сайара с портретами авторов. Сайар хвастался, как, мол, он красиво вышел. Расул ответил:

– Да, Сайар у тебя портрет хороший, а у меня стихи.

* * *

Будучи студентом Литературного института в Москве, на лекции профессора Расул чем-то увлекся. Заметив это, лектор спросил:

– Вам не нравится моя лекция?

– Что вы! Напротив! Настолько, что я вдруг стал писать стихи.

– Продолжайте, – сказал, улыбаясь, профессор.

* * *

У Расула и Патимат три дочери и четыре внучки. Когда речь заходит о семье, он в шутливой форме говорит: «В нашем доме один поэт, а все остальные критики».

* * *

Патимат не разрешала Расулу уходить из дома к друзьям, рекомендовала, мол, лучше писать стихи. Однажды он позвал жену и сказал:

– Дорогая, вот тебе бумага и карандаш, заверши то, что я не успел. А я должен пойти к друзьям, они, наверно, заждались.

* * *

В столичном ресторане есть оркестр, состоящий из женщин. Обедать сюда часто приходил Расул со своим другом, таджикским поэтом Мирзо Турсун-Заде. Тот всегда просил играть таджикские мелодии. После смерти друга, бывая в этом ресторане, Расул тоже просил играть таджикские мелодии, вспоминая покойного друга.

* * *

Один кумыкский писатель пожаловался Расулу, что с ним не здоровается критик Камиль Султанов. Расул ему ответил: «Если бы я не был председателем правления Союза писателей Дагестана, то тоже с тобой не здоровался бы, зная, что ты любишь жаловаться».

* * *

Расула часто навещал давний друг его отца, народный поэт Дагестана – Абуталиб Гафуров. И всегда приходил с зурной. Пока он играл на зурне, Патимат накрывала на стол. Как-то, не увидев на столе водки, он спросил:

– Расул, что-то горло просохло у зурны, нет ли у тебя чего-нибудь, чтобы его промочить?

– Абуталиб, дорогой, все зависит от того, насколько Патимат нравится твоя зурна, – ответил Расул.

* * *

В поздний час ночи один дагестанский поэт позвонил Расулу Гамзатову домой и попросил вызволить его из вытрезвителя. Расул ему ответил: «Давай, дорогой, поменяемся ролями: ты приедешь ко мне домой и завершишь начатую мной поэму, а я отбуду там твое наказание».

* * *

«Теперь не свидание с любимой модно, а телефонный разговор с ней и поцелуй в трубке».

* * *

В отдаленном горном ауле Расул поцеловал красивую горянку. На следующий день, позвонив по телефону в Махачкалу, он сказал об этом Патимат.

– Почему ты рассказал жене? – спросили его товарищи.

– А потому, – ответил он, – что до моего возвращения ей уже станет об этом известно. Ее разведка работает сильнее, чем ЦРУ. Лучше я сам расскажу…

* * *

В Союз писателей к Расулу Гамзатову подошел один городской чиновник со связкой книг и попросил каждую из них подписать – дать автограф, и положил перед Расулом список имен, кому надо было их подарить. Расул в верхнем углу написал: «Бух. оплатить!».

* * *

«Мы ругаем слабое художественное произведение, вместо того чтобы ругать его автора».

* * *

«У поэта всего три наставника, – сказал Расул, – первый – земля, на которой он родился, второй – природа, третий – умная книга».

* * *

Расул Гамзатов не обходит вниманием ни одно изданное произведение дагестанских писателей. И по достоинству оценивает их: «Наши писатели любят носить модные шляпы, туфли, однако в их произведениях попрежнему господствуют бурки, папахи и давно забытые башлыки».

* * *

Расулу Гамзатову один писатель стал докладывать, что происходило в Союзе писателей во время его отсутствия. Расул послушал его и, улыбнувшись, сказал:

– Ты лучше расскажи, как поживают красивые девушки.

* * *

После очередного авторского вечера в Москве Расула Гамзатова окружили туристы из Латинской Америки. Неожиданно, прорвав их кольцо, перед ним очутился молодой человек и, протягивая книгу, сказал:

– Расул Гамзатович, дайте и мне автограф, я из Хунзаха.

– Если ты из Хунзаха, проси у меня автограф там, в горах, а здесь не мешай говорить с друзьями с другого континента.

* * *

«Люди меня часто спрашивают, какую из моих книг любит Патимат? Я им в шутку отвечаю, что больше всех книжек она любит сберегательную».

* * *

«У мужчин должны быть две любимые женщины: первая – это жена, вторая – все остальные женщины».

* * *

Сидя в кругу друзей в Гунибе, Расул сказал: «Если вы не позволите мне поднять тост за вас, мотивируя тем, что Патимат рядом и не разрешает мне выпить вина, то я, попросив политическое убежище, сейчас же направлюсь к своим друзьям в Чароду».

Публикуем окончание воспоминаний замечательного дагестанского писателя и критика Камиля Султанова, печатать которые мы начали в прошлом номере.

Камиль СУЛТАНОВ

Воспоминания

(Из неопубликованной книги)

ОБ ЭФФЕНДИ КАПИЕВЕ

Среднего роста плечистый крепыш, Эффенди казался выкроенным из цельного горного камня. Его красивые волнистые волосы издали походили на черную каракулевую папаху. Нельзя было не обратить внимания на широкие, густые брови, которые придавали его лицу серьезность, даже суровость. Большие карие глаза Эффенди всегда были задумчивы. Они свидетельствовали о мечтателе, человеке мыслящем.

Эффенди Капиев обладал удивительным умением слушать. Некоторые молодые писатели его возраста – да и не только молодые! – горячо говорили о своем и совершенно не вслушивались в слова собеседника. А Капиев весь превращался во внимание, когда слушал других.

Впрочем, когда Капиев слушал, у него, как всегда, был серьезный, испытывающий взгляд, и нелегко было что-то рассказывать ему – всегда хотелось проследить: как бы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Если рассказанное заинтересовывало Капиева, в нем вспыхивала буря эмоций. Он заставлял собеседника повторять особенно понравившееся. Если же он выслушивал рассказ спокойно, это означало, что он ему не очень понравился или даже совсем не понравился. Он не умел скрывать своего душевного состояния.

Беседовал Эффенди сравнительно тихим голосом. Не то было, когда он поднимался на трибуну. Тогда изменялись и голос, и манера речи, и даже взгляд. Превосходный оратор, он говорил громко и сильно, с истинным вдохновением.

Капиев никогда не жестикулировал, говорил спокойно, не рассчитывая на внешний эффект, но всегда выражая твердую уверенность в своей правоте. Эта уверенность с особой силой проявлялась, когда он отвечал на неожиданно поданную реплику. Всегда удачно ее парируя, Капиев блистал своим умением сделать исторический экскурс, если это было кстати; моментально, ясно и четко, сформулировать свою мысль, не оставляя у слушателей малейшего сомнения в правильности высказанных им аргументов. В таких случаях казалось, что оратор заранее знал, когда и какая реплика прозвучит, и тщательно готовился к ее отражению – настолько силен был Капиев в дискуссии.

Эффенди располагал к себе прежде всего искренностью. Он придерживался мнения, что дипломатия хороша

между государствами, а не между товарищами и друзьями. Со своими товарищами по перу Эффенди откровенно говорил обо всем. Подкупающая искренность Капиева обезоруживала даже тех, кто обижался на него за отрицательную оценку их произведений.

Через несколько дней после первого знакомства с Капиевым, а оно состоялось в 1931 году, я попросил его послушать мои стихи на кумыкском языке. Он умолял отложить чтение, говоря, что у него сильно болит голова.

– От чего же она болит? Может, простудился? Надо полежать денька два.

– Нет, нет, голова болит не от простуды, а от стихов, прочитанных мною вчерашней ночью.

Я понял и после этого никогда не приставал к Капиеву с предложением послушать стихи.

Будучи тонким ценителем поэзии, Капиев не переносил посредственных стихов. Говоря о плохих стихах, Эффенди часто употреблял такие, например, выражения: «вьюга слов», «словесная лавина», «мощный поток пустых слов» и т.п.

В те годы Капиев с большим увлечением работал над переводами лирических и эпических произведений горского фольклора. Надо было видеть, с каким проникновением в образ героя читал Эффенди свой перевод аварской народной песни о бунтаре, восставшем против феодальной верхушки, Хочбаре. В высоких тонах заканчивал Капиев последние слова песни, с потрясающей силой описывающие героическую смерть Хочбара, сгоревшего в огне, но так и не подчинившегося злой воле феодального владыки.

Как-то я спросил Капиева:

– Не мешают ли переводы собственному творчеству?

Ему не понравились слова: «собственное творчество». И он дал мне товарищеский совет: по возможности избегать слова «творчество». Лучше сказать «работа». Отвечая на мой вопрос по существу, Эффенди сказал:

– Лучше переводить хорошие стихи, чем писать плохие.

– Но ты ведь не будешь писать плохих вещей.

– Никому не дано знать, как он пишет.

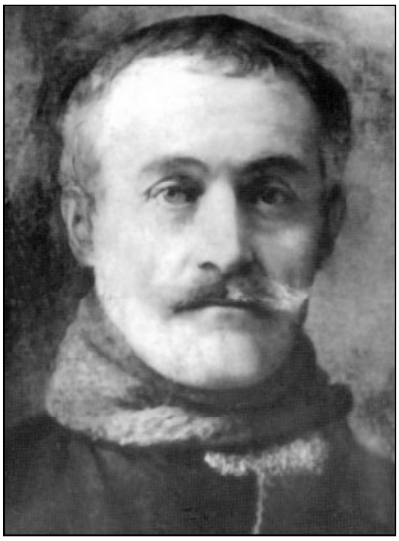
Ни одна встреча с Капиевым не проходила без серьезного разговора на литературные темы. Ныне, слушая некоторых писателей, говорящих только об издательских планах и гонораре, я вспоминаю Эффенди Капиева, всегда озабоченного положением дел на литературном фронте, качеством изданных и издаваемых произведений дагестанских писателей.

В своем главном литературном труде – книге «Поэт» – Капиев писал: «Поэт! Стремись всегда вперед! Пусть ты один и не знаешь дороги: тому, кто впереди видит город, не нужен проводник! Не беда, что за каждым углом тебя будет подстерегать смерть, не беда, что позади остаются лакомства и уют: ты будешь львом! Не оглядывайся! Пусть каждая капля твоей крови рвется вперед. Только вперед!».

С таким девизом жил и трудился

Эффенди Капиев – слава и гордость многонациональной литературы Дагестана.

О ТЕМИР-БОЛАТЕ БЕЙБОЛАТОВЕ



В 1931 году, когда я впервые увидел Темир-Болата Бейболатова, он был уже убелен сединами, но сохранял юношеский задор и военную выправку. Бывший офицер дагестанского кавалерийского полка, деятель культуры, заложивший основы театрального и музыкального искусства кумыков, Бейболатов впервые перевел на кумыкский язык «Интернационал» и «Марсельезу», стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова. Он писал удивительно музыкальные стихи. Музыку он не отделял от поэзии, а поэзию от музыки.

Такой человек, как он, не был способен кривить душой. Хорошим стихам он радовался от чистого сердца, а плохие называл своими именами. Прочитав мои первые критические статьи, Темир-Болат спросил: «Почему ты хвалишь явно посредственные стишки?» Я пытался доказать свою правоту. Беседа наша, носившая характер принципиального спора, продолжалась довольно долго. В конце его мой собеседник облегченно вздохнул и после некоторой паузы сказал: «Я убедился, что плохие стишки ты хвалишь только по невежеству. Бывают причины и похуже, хотя и невежество не имеет оправдания!».

Так строил Бейболатов свои отношения с литераторами независимо от их возраста и положения. Его откровенность была удивительной.

В 1936 году на одном из заседаний кумыкской секции Союза писателей Дагестана Темир-Болат Бейболатов выступил по какому-то творческому вопросу. Когда он закончил свою содержательную речь, кто-то из неисправимых демагогов бросил:

– Это совершенно неверно!

Темир-Болат добродушно спросил:

– Хотелось бы узнать, в чем моя ошибка. Объясните, пожалуйста. Прошу вас!

Участники заседания засмеялись, зная, что Темир-Болат никакой ошибки не допустил, а автор реплики не в состоянии и двух слов связать грамотно. Такие демагоги отравляли жизнь Темир-Болату, но он держался стойко, ни на шаг не отступая от тех идейных и творческих позиций, в правильности которых не сомневался.

В то время он был самым образованным кумыкским писателем. Он изучал творчество Шекспира, с блеском перевел на кумыкский язык «Ромео и Джульетту» и «Отелло». Знаток творчества Пушкина и Лермонтова, он предъявлял к поэтическому искусству высокие требования. Как сегодня помню его одухотворенное лицо, когда он взволнованно говорил с трибуны I съезда писателей Дагестана: «Я, товарищи, сам начал писать с 1910 года и, откровенно говоря, думал, что это очень просто… Когда работал в редакции заведующим отделом художественной литературы, пришел к заключению, что… поэты тоже думают, что писать стихи очень легко, в особенности – молодые. Большинство думает, что стихи заключаются только в размере и рифме, но о художественности языка, о законах стилистики, о теории словесности они почти… не знают».

Поэзия стала стихией Темир-Болата, обладавшего громадным поэтическим даром. Он был, пожалуй, единственным кумыкским поэтом, понимавшим, что поэзия и стихотворство – далеко не одно и то же. Беспредельно любивший поэзию и поэтов, он терпеть не мог бездарное стихотворство. На съезде писателей он прямо заявил: «…Такие стихи уже надоели, ими уже не интересуются, стихи наших поэтов монотонны, однотипны». Презрительно относясь к монотонным стишкам, Темир-Болат показал, за какую поэзию он ратует: «Мне особенно в памяти врезались слова… Пушкина: глаголом жги сердца людей».

В своей речи на съезде писателей Темир-Болат заявил: «…Нельзя писать произведения сидя в кабинете. Каждый художник должен перевоплощаться, должен войти в роль, в душу того, кого он описывает, а этого перевоплощения у наших писателей нет». Темир-Болат закончил свою речь призывом «овладеть законами художественной литературы». Он ссылался на творческий опыт Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Маяковского.

Речь Бейболатова на I съезде писателей Дагестана произвела на всех его участников очень сильное впечатление, а для меня она оказалась лебединой песней большого поэта моего народа. Больше не суждено было мне видеть и слышать Темир-Болата Бейболатова.

О МУЭТДИНЕ ЧАРИНОВЕ

Выдающийся лакский поэт, драматург и ученый Муэтдин Чаринов по образованию был агрономом, но литература стала делом всей его жизни.

Он всегда больше слушал, чем говорил, однако когда речь заходила о литературе и писателях, он становился более разговорчивым. Чаринов часами мог говорить о своем любимом поэте Генрихе Гейне. Изучал немецкий язык, чтобы иметь возможность переводить произведения Гейне на лакский язык.

Чаринов тяготел к молодежи. Мне было 19 лет, когда он уделял мне много времени, беседовал со мною как с равным, рекомендовал мне книги для чтения. Я обязан Муэтдину своим знакомством с Абдурахманом Омаршаевым, Юсупом Хаппалаевым и другими лакскими писателями.

Молодые писатели тянулись к хорошо воспитанному, чрезвычайно скромному Чаринову как к своему искреннему другу и наставнику. Иногда встречаются пожилые писатели, сами никогда ничему не учившиеся, но, как это ни странно, претендующие на роль наставников литературной молодежи. Они не понимают, что просто невозможно стать наставниками молодых, будучи ниже их по своему развитию. Но Муэтдин Чаринов являл собою совершенно противоположный пример.

НАСЛЕДИЕ

«Аристократ духа»

Имя Мирза-Али аль-Ахты ни в научной, ни в литературной среде никогда не предавалось забвению, но и сведения об этом ахтынском окружном судье и поэте, ученом и целителе были не столь обширными. Тому много причин, связанных с его жизненными перипетиями и с тем, что происходило с его огромным творческим и научным наследием.

И вот, наконец, появилась возможность в какой-то мере ознакомиться со всеми бытовавшими в разных источниках сведениями об этой удивительной личности благодаря небольшой, но весьма ценной книге профессора Джонрида Ахмедова «Светлая звезда Мирза-Али аль-Ахты», изданной в серии «Библиотека Фонда им. Шамиля».

Автор книги сумел привести все сведения о Мирза-Али в единую систему. Нет необходимости пересказывать содержание всей книги, но остановиться на некоторых фактах из жизни Мирза-Али считаю целесообразным, учитывая их значимость. В нашей истории вряд ли найдется личность, которая удостоилась чести называться современниками «аристократом духа», «короной светлых голов», «сокровищницей знаний», но в то же время испытывала невиданные унижения и оскорбления, хотя и сами противники Мирза-Али не отрицали в нем тех талантов, которые в нем находили его ценители и сторонники.

Автором книги использованы неопровержимые свидетельства, принадлежащие таким выдающимся представителям нашей истории, как Мухаммед аль-Яраги, Мухаммед-Тахир аль-Карахи, Гасан Алкадари, которые приводят в своих трудах сведения из жизни знаменитого ахтынца. Не менее ценны и воспоминания дочери коменданта ахтынской крепости Федора Рота – Нины, прозванной в русской армейской среде «девой гор», чьи воспоминания проливают свет не только на исторические события, связанные с походом Шамиля на Ахты, но и на факты из жизни многих других видных людей 19-го столетия.

К примеру, возьмем цитату, приведенную Д.Ахмедовым из воспоминаний Нины Рот: «Да, жизнь поэта трудна и опасна, – сказал он (Мирза-Али. – **А.К**) однажды, – у нас был поэт Саид по соседству (Саид Кочхюрский – **Д.А**). За вольные стихи хан ему выколол глаза, а однажды, заманив меня к себе, бросил в холодный колодец за то, что я ему не писал хвалебных од, и спасся я чудом…»

Здесь речь явно идет об Аслан-хане, о жестоком поступке которого писал и Гасан Алкадари в книге «Асари Дагестан». А ведь считалось, что глаза вольнолюбивому певцу и поэту Саиду из Кочхюра выколол Сурхай-хан II (Кун-Буттай). С Сурхай-ханом у Мирза-али были дружеские отношения, и поэт посвятил ему оду, когда тот, не найдя помощи в войне с Россией у Ирана, вернулся в Дагестан, а здесь российская власть заменила его Аслан-ханом. Аслан-хан мстил Мирза-Али не только за то, что не дождался от него оды в свой адрес, но и за то, что стихотворец из Ахты посвятил поверженному хану хвалебные стихи.

Мирза-Али оказался в немилости и у Шамиля, поскольку во время осады Ахтынской крепости сторонниками имама он находился в укреплении среди русских солдат. «Лизоблюдничающий поэт – не поэт, историк – не историк, – говорил Мирза-Али. – Ахтынские мухаджиры, служившие у Шамиля, очень хотели бы, чтобы я им посвятил несколько бейтов. Но они сеют смуту и там, где русские и горцы живут в мире», – пишет Нина Рот.

Осада Ахтынской крепости оказалась мучительно долгой для противоборствующих сторон. Мирза-Али вышел из крепости, надеясь остановить бессмысленную бойню. Но Шамиль и его сторонники были непреклонны. Вот что рассказывал позже, в 1855 году, Мирза-Али своим муталимам: «Тогда я не выдержал, вышел из крепости и присоединился к имаму, надеясь, что простит меня за то, что я был у русских, и оставит меня и мою семью в покое, уважая хотя бы мой старческий возраст. Но имам меня с презрением арестовал и отправил пешком из Ахты в Аварию с очень грубым конвоиром. Там я остался в тюрьме больше года в очень трудных условиях до тех пор, пока не отпустили нас взамен мюридов, находящихся в плену у русских».

Что удивительно, во всех испытаниях, выпавших на долю Мирза-Али, его поэтический дар не угасал. Он пишет стихи и о своем пленении, и о поздней любви.

История любви пожилого «аристократа духа» Мирза-Али к молодой русской девушке Нине Рот удивительна. Поэт посвятил ей несколько стихов, которые представляют собой откровенные признания в чувствах. Все любовные стихи Мирза-Али, написанные, как требовало литературное правило того времени, на тюркском языке, в дословном переводе доставлялись адресату и имели успех. Читая их, невольно думаешь, что в осажденной крепости поэт оказался не из-за политических убеждений, а из-за головокружительной любви.

Самым крупным произведением из всех известных посвящений, адресованных поэтом своей чаровнице, является стихотворение «Пора любви», написанное в форме муашшара. В этой традиционной стихотворной форме каждая строфа состоит из десяти строк, первая строфа имеет одну общую рифму, которая повторяется в последней строке остальных строф. Мирза-Али в классическую строфу добавляет еще одну строку и воспевает возлюбленную аж в пятнадцати одиннадцатистрочных строфах, тонко и изящно следуя строгим требованиям формы.

Это стихотворение сохранилось частично, подстрочный перевод его предоставил автору этих строк Галиб Садыки, имевший в своем архиве диван со стихами Мирза-Али, написанными рукой автора. Эти и некоторые другие стихи мною были переведены на лезгинский язык и впервые были представлены на суд читателей в 1993 году на страницах «Лезги газет». К сожалению, после смерти уважаемого Галиба-эфенди судьба рукописной книги Мирза-Али неизвестна.

Нина Рот относилась к чувствам Мирза-Али с уважением, но приняла руку и сердце другого горца. Полковником Ротом было дано слово офицера, что он выдаст свою красавицу-дочь замуж за самого отчаянного и смелого солдата. Выбор его пал на молодого лезгина Алисултана, храбро воевавшего на стороне русских и принявшего во имя любви к Нине христианство. Алисултан был произведен в чин капитана и после крещения стал известен в офицерской среде как Николай Николаевич Беннет. От него Нина родила трех сыновей. Но судьба через 30 лет после событий вокруг вышеупомянутого укрепления опять вернула его вместе со старшим сыном в Ахтынскую крепость, при повторном осаждении которой восставшими горцами во время бунта 1877 года они оба погибли за царскую власть.

А 70-летний Мирза-Али, освободившись из тюрьмы, взял себе в жены 17-летнюю красавицу из Хунзаха, о которой говорили, что она поразительно похожа на Нину Рот.

Книга Джонрида Ахмедова подробно рассказывает и о трагической судьбе творческого наследия Мирза-Али, вновь напоминая о том, что каждая выловленная из моря незаслуженного забвения строка поэта возвращает нам уверенность в достойном прошлом нашего народа и обещает нам духовное пробуждение и возрождение.

Предлагаю читателям журнала «Дагестан» стихотворение Мухаммеда аль-Яраги о Мирза-Али, а также некоторые стихи этого горского Гете в моем скромном переводе.

Арбен КАРДАШ

Мухаммед аль-Яраги

О МИРЗА-АЛИ аль-АХТЫ

Мореподобного ученого стихотворенья
Я нынче получил: в них солнечных лучей сплетенье.

И без сомнения, велик творец этих стихов,
В Ахтах живущий средь благоухания садов.

Могуч его талант, и мастерство так бесподобно,
Что удивление и зависть породить способно.

Неисчерпаемый лучится в каждом слове ум,
Читателя маня в пучину животворных дум.

Благочестив и прям, живет он, добродетель множа.
Будь милостив к нему, опорой будь ему, о Боже!

А тот, кто мудреца не признает, душою слеп,
Такого я бы счел за топчущего нагло хлеб.

Мирза-Али аль-Ахты

* * *

Любитель раздавать советы лежебокам,
Убога мысль твоя и света лишена.

И разум твой во сне находится глубоком,
Ты к просвещенью глух и слеп душой сполна.

Пусть небылицы ты рассказываешь людям –
К позору держит путь упрямец иль гордец.

И гасишь знаний свет ты словоблудьем нудным,
Но всякой пустоте наступит раз конец.

Хвалить друзей своих, коль нет на то причины –
Для горца доброго нет тяжелей ярма.

Но не к лицу хулить и недруга мужчине,
Коль выше тот тебя правдивостью ума.

Стихотворение написано в ответ на стихотворение поэта и ученого Рухуна Али, который ругал Мирза-Али за открытое признание своих любовных чувств к молодой русской девушке Нине Рот – дочери коменданта Ахтынской крепости Федора Рота. Ей поэт посвятил много стихов, в том числе и «Перед румянцем щек твоих…».

* * *

Перед румянцем щек твоих рассветная заря – ничто.
Красавиц белошеих тьма, но те перед тобой – ничто.

И Чин, и Рим, цари держав твоей красою пленены,
Богатства Кира славного, величье Цезаря – ничто.

Как зубы у тебя белы! Как речь твоя сладка, мудра! –
В сравненье с нею золото, алмазы, жемчуга – ничто.

И стати неземной твоей подходит дорогой наряд,
Небесных ангелов покров пред нежностью твоей – ничто,

Я, стихотворец из Ахты, горю любовью, как Керем,
Но перед нею лик Эсли, Меджнуна страсть к Лейли – ничто.

* * *

Вероотступник всякий явит прыть,
Чтобы меня сломить иль покорить.
Кто в сердце держит зависть и измену,
Тому моим владетелем не быть!

* * *

Среди людей не сей земле я преданных друзей не видел.
В слепой толпе кружась всю жизнь, благоприятных дней не видел.
Самоотверженных людей – хоть одного б! – я не встречал,
Тех, кто способен счастье дать другим душою всей, – не видел.

Слово об Ахмедхане Абу-Бакаре

Народный писатель Дагестана Ахмедхан Абу-Бакар остался в истории нашей культуры как яркая личность, соотнесенная с духовными и творческими исканиями своего времени. Велик вклад его таланта в родную культуру, о чем наглядно говорят его книги, изданные тысячными тиражами как в бывшем Союзе, так и за рубежом. Он не дожил до 60 лет, но остался в истории нашей культуры как личность с духовными и творческими исканиями своего времени. Бурно, подобно весенним потокам горной реки, ворвались в литературу его яркие, остросюжетные, высокохудожественные произведения.

Коротким оказался отпущенный ему жизнью срок. Яркой звездой пронеслась полная блеска и подвига жизнь Ахмедхана Абу-Бакара на небосводе дагестанской и всей кавказской художественной культуры. И все же не угасла она. Нетускнеющими красками сверкает его звезда, внушая чувства восхищения и преклонения все новым и новым поколениям людей.

Литературное творчество было его призванием и делом жизни. Призвание и мечта его одухотворялись трогательной любовью к родному Дагестану.

Можно мысленно представить себе, какими шедеврами он обогатил бы литературу, какими открытиями порадовал бы нашего современника за двенадцать лет, истекшие после его кончины. Но природа и сущность истинного таланта таковы, что в его художественном наследии читатель ощущает не только то, что реально создано писателем, но и то, о чем он мечтал, что проецировал, лелеял, то, во что он влил свою душу. За каждой строкой его повестей мы ощущаем огромный вместительный мир большого художника, улавливаем контуры неосуществленных идей и невоплощенных замыслов. Так что время отнюдь не отдаляет от нас незабвенного Ахмедхана Абу-Бакара, а приближает к нам, не сужает границы его свершений, а раздвигает их, не умаляет его величие, а укрупняет.

За неполные 60 лет он сделал для родной культуры больше, чем многие из его современников. Творил он и в поэзии, и в прозе, и в драматургии. Киносценарист и драматург Ахмедхан Абу-Бакар является автором сценариев 12 фильмов, 8 пьес и либретто для оперы. По количеству и качеству сделанного для дагестанской культуры он превзошел многих своих коллег. Истинно значительные люди имеют ту особенность, что их значимость с течением времени не только не тускнеет, но становится все ярче, убедительнее, зримее. Это хорошо видно на примере Ахмедхана Абу-Бакара. Чем больше проходит лет со дня его безвременной кончины, тем яснее мы видим, что он значит для дагестанского народа, для нашей национальной культуры. С каждым днем все больше и больше чувствуешь, что ушел такой дорогой, бесценный для нас человек.

Образ Ахмедхана удивительно целен. У него нет расхождения между словом и делом, между творческой и личной биографией. Его жизнь как один неудержимый порыв, где все устремлено к одной цели. Поэт, писатель, драматург, общественный деятель — это не разные, сменявшие друг друга профессии, а разные стороны одного страстного порыва, порыва к социальной справедливости, к лучшей доле для народа.

Тем и дорог бесконечно Ахмедхан Абу-Бакар для каждого дагестанца, что видишь в нем лучшую частицу самого себя.

Нурмагомед ГАДЖИАХМЕДОВ,
доктор филологических наук

ПРОЗА

Ахмедхан АБУ-БАКАР

Белый инжир

Пусть у храброго отца
Не родится робкий сын,
Ибо должен будет он
Дать отпор врагам отца.

Батырай

Глава первая

Эх, Хашим, Хашим, дрянной ты человек, Хашим, сколько ты можешь терпеть это свое ворчливое ребро. Ну и старуха же у тебя, точно мельничное колотило — так и трещит без умолку, будто постоянно заведенная на один лад, как та испорченная пластинка на старом граммофоне. Эх, найти бы тебе тот винтик или ручку этого нехитрого, но запутанного механизма и покрутить, чтобы она умолкла хотя бы на сутки... А что тебе, Хашим, от того, что она прекратит ломать орехи своим беззубым ртом? Одна скука будет, и тебе тогда покажется, что в жизни твоей чего-то не хватает, будто ты потерял нечто привычное, и будешь чувствовать себя, как горец в непривычной пустыне, как тот путник, который стоял, почесывая затылок, на перекрестке и запамятовал, по какой из дорог ему советовали идти. Нет уж, пусть трещит моя старуха себе на славу, хоть будешь, в крайнем случае, знать, что ты все-таки на этом свете чего-то стоишь — куда было бы хуже, если бы и она перестала бы замечать тебя. Жернова мельницы мелят зерно, а сердце мельника мелет думу.

Ворчи, ворчи, старая керосинка, мне даже приятно слушать тебя, как и тогда, когда в молодости о любви мне ты шептала. Что я могу поделать, раз у тебя еще с рождения так легко подвешен во рту этот звоночек и качается при самом даже легком дуновении ветерка. Только не пойму, ворчунья моя, чем я не угодил тебе сегодня, хотя ты не только сегодня, но, по-моему, и всю жизнь скрежещешь как ржавая пила? Да, сегодня я выпил, или как ты там называешь, пропил я пенсию, что получаю за сына, да-да, за моего единственного сына, которого нет вот уже двадцать шесть лет, а ему было тогда двадцать, когда он пожал на прощание крепко мою руку своей могучей рукой и ушел из аула добровольцем на фронт, положив свою руку на плечи друга Ражаб-Али. Сын мой Абдул-Азиз в самый раз, когда в зеркало глядеть и усы закручивать молодецки, погиб на войне. Как это просто сказано: «погиб на войне» — и как до сих пор страшно звучат эти слова для меня, и от них, кажется, горит мое сердце, и из жизни моей от этих слов каждый раз выпадает кирпич и рушится стена. Да, бывает, оказывается, так, что умирает тысяча — никто не удивляется, а когда умирает один, приходится удивляться, потому что он не умер, а погиб… Будь же они трижды прокляты — те, кто затеял человеческую бойню, даже если они мои кровные братья.

Да, моя старуха, согрел я сегодня свои старые кости добрым геджухским вином, терпким и вяжущим как неспелая хурма. Эх, моя ворчунья, я же тебя люблю, хотя порой бываю согласен отдать тебя даже самому дьяволу в руки, если, конечно, он удержится возле тебя хотя бы три дня… Да что ты понимаешь в моем состоянии… Разве же мне менее было бы приятно сегодня приобрести то вино за трудовые копейки моего сына, которого я растил, кладя под подушку дамасскую саблю и возлагая на него все свои надежды; разве же менее было бы приятно мне выпить вместе с ним за его здоровье с трехкратным «Дерхаб!»? Но его ведь нет, нет моего сына, моего Абдул-Азиза... А как жаль, из него получился бы добрый чабан стотысячной отары, или, может быть, председатель колхоза, которым бы я гордился в ауле и ходил, заломив папаху набекрень, мол, глядите, люди, каков мой сын, жених что надо, только достойных для него красавиц в ауле что-то не вижу... Торопитесь, люди, сокол-то к другому аулу полететь может.

А легко ли мне было вырастить его… Досталось нам со старухой. Чужие дети так и росли на улице босые, голые, голодные и холодные, а мы своего единственного растили, не спуская с него глаз, и он чаще болел, чем другие дети. Болел сын, и сердце мое болело, стонал сын, и стон его отзывался во мне. Умирал он не раз на моих руках и оживал чудом, не раз спасали его врачи. А когда повзрослел, начались другие заботы, в драку сын лез, избивал других, родители с жалобой приходили, и хотя для меня эта весть бывала приятна, по возвращению наказывал сына, чтобы показать отцовскую волю. Горячий был по характеру Абдул-Азиз и решительный, лихо скакал он на лошади, разрезал саблей жерди на скаку, учился он в школе не последним и дружил верно с другом — сверстником своим Ражаб-Али, с которым, казалось, дополняли друг друга. Ражаб-Али был более рассудительный, уравновешенный, будто родился он в час молитвенной тишины. И неслучайно они ушли добровольно на фронт, когда родина звала сынов своих к защите.

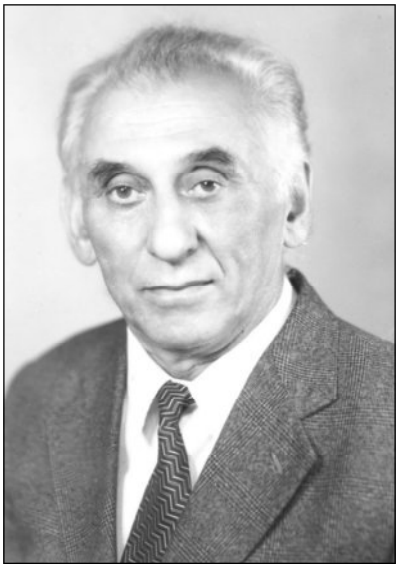
Да, война есть война. Порох и свинец, железо и сталь против хрупкой черепной коробки, в которой хранится самый драгоценный клад человека. Голод рождает болезни, жажда рождает отчаяние, война бесплодна, она ничего не рождает, кроме звериного инстинкта, который в свою очередь требует крови. Война мастерица косить жизнь, и особенно ей ненавистны молодые поросли. Война — это смерч, с корнями вырывающий молодые деревья, это град, рушащий в летний зной сакли, это молния, разящая в лютую стужу путника, это ураган, сметающий все на своем пути. Это порождение дьявола в облике человека. Но чем было виновато человечество, если у какого-то маляра по имени Адольф в первой мировой выбили то, что наши предки для приличия прикрывали фиговым листом? Эх, во всем виноват тот незадачливый стрелок, который так плохо целился — стрелять так надо было повыше и немного правее… Война — ее видел мой прадед, когда приходилось спасать маленькую Страну гор от иноземцев с юга, ее видел мой дед, когда горцы боролись за свою свободу во главе с легендарным Шамилем, коему славные потомки все еще не воздвигли достойный памятник. А боролся Шамиль с белым царем и его жестокими генералами, которые поклялись не успокоиться до тех пор, пока из последнего туземца не сделают чучело для музея. И странное дело — этому завоевателю памятник, говорят, стоит в городе Грозном. Войну видел и мой отец — он разделил позор русской армии на Дальнем Востоке. Видел и пережил ее и я — в гражданскую…

Откуда было мне тогда знать все эти премудрости — за что и за кого, что где-то революция, что где-то свобода — многое я стал понимать теперь, когда ко мне, как к старому партизану, участнику гражданской войны обращаются с расспросами эти ученые, как их называют, диссертанты-историки. Один диссертант так обрисовал, так описал меня, что просто стыдно мне было перед почтенными сельчанами; по тому, как обрисовал он меня, выходило, что я чуть ли не с пеленок революционер-большевик, познавший еще в утробе матери «капитал». Не было же так, нет, сынки мои, зачем же выдумывать, ведь история не выдумывается, она создается самой жизнью, ее не изменить никому, хотя навязать стараются, но правда истории вылезет из любой щели, ибо утаить ее нельзя, так же как не утаишь близкую к сердцу боль. Но, странное дело, понимаете, они, эти самые, иногда меня, старого вояку Хашима, поправляют, говорят: «это не могло быть так, это было вот таким образом», будто не я, а они тогда воевали. Рассказывали они мне и такое, что, мол, в одном ауле они встретились с бывшим красным партизаном, весь аул гордился им, да и в историю попал он как красный партизан и как инвалид, даже от нашей власти пенсию получал. А вот, слушая его рассказ, историки пришли к выводу, что он не был никаким красным партизаном, что, наоборот, он воевал против них, был ранен и вернулся в аул. И когда сказали, говорят, ему об этом, то он отмахнулся и сказал: не знаю, воевал я тогда и был ранен, а остальное сейчас не имеет смысла. Разве тогда мало было таких, которые в водовороте событий бросались то к одному берегу, то к другому. Кроме того, Страна гор была похожа на суму нищего, полную кусками хлеба — и куски разные, и хлеб разный, кто как живет. Кого только не вынесли волны гражданской войны на поверхность — и белых, и зеленых, и черных всех мастей: турки, англичане, немцы, венгры, болгары, чехи, как будто в Дагестане не хватало своих языков.

<На этом месте рукопись обрывается…>

Вагит АТАЕВ

Верю, что сумею я...



ОБИДЕЛ...

Встал Мурадик среди ночи,
Маму начал звать.
– Что случилось, мой сыночек? –
Спрашивает мать.

– Я ужасный сон увидел:
Я во сне тебя обидел!..

БАЮ-БАЙ

Рядом с дочкой мама села
И тихонечко запела:
– Смотрит месяц к нам в окно,
Дочке спать пора давно.
Баю-бай.

Айбала не засыпала,
Лишь зевала иногда.
Ну а мама так устала,
Что заснула без труда.
И тогда

Рядом с мамой дочка села
И тихонечко запела:
– Смотрит месяц к нам в окно,
Маме спать пора давно.

МОЙ ЯЗЫК

Болтает целый год напролёт
Язык-балаболка мой.
Минуты покоя всем не даёт
Язык-балаболка мой.

Болтает в доме и во дворе
Язык-балаболка мой.
Болтает в марте и в сентябре
Язык-балаболка мой.

Болтает в тепле и на холодке
Язык-балаболка мой.
Но стоит вызвать меня к доске,
И сразу же он – немой.

СТАНУ БЕЛЕЕ...

– Братик мой – белее дня,
Я – темнее ночи.
Это, мама, для меня
Непонятно очень.

– Что тебе не ясно здесь?
Надо умываться.
Белый хлеб на завтрак есть,
Молоком питаться.

Раз по пять теперь я днём
Умываюсь чисто,
Запиваю молоком
Белый хлеб душистый.

Верю, что сумею я
Стать белее брата.
Но узнают ли меня
На дворе ребята?..

КОШКА И ЛЕПЕШКА

Увидев полную луну
Над тёмною рекою,
Али у дедушки спросил:
– Что это там такое?

– Лепёшка, – дедушка сказал, –
Пшеничная лепёшка.
Её повесили туда,
Чтобы не съела кошка.

Три дня прошло, четыре, пять,
Неделя пролетела.
Али взглянул на небо вновь, –
Там пол-луны висело.

И закричал тогда малыш:
– Взгляни-ка, деда!
Кошка
Сумела всё же в небо влезть
И съела пол-лепёшки!..

Перевод с кумыкского
Виктора ЛУНИНА

НА УРОКЕ

Учитель Герея поднял:
– Что ты не трус, давно я знал.
Но всё же скажи мне: сильней
Каких ты боишься зверей?

Ответил серьёзно Герей:
– Опасных немало зверей.
Не знаю: я трус иль не трус –
Сильнее я «двойку» боюсь...

Перевод с кумыкского
Али МАГОМЕДОВА

КУКЛА ИСПУГАЕТСЯ...

На дворе давно уж ночь.
Айбала не спит.
– Да уж не больна ль ты, дочь?
– Мама говорит.

– Нет, я, мама, не больна,
Кукла во дворе,
Испугается она
По ночной поре...

– Ты не спишь напрасно, дочь.
Смело засыпай.
Ведь играет с ней всю ночь
Пёс наш Алабай.

Перевод с кумыкского
Тагират ГАСАНОВОЙ

У ТЕЛЕВИЗОРА

Десять маленьких ребят
В телевизоре сидят.
На столе у них арбуз,
Только слышно: хруст да хруст.

Наш Мурад залез на стул,
Крышку сзади отвернул.
Закричал отец ему:
– Что ты хочешь? Не пойму?

– Я хочу, – Мурад ответил, –
Знать, как внутрь попали дети,
Чтобы рядом с ними сесть
И арбуз тот сладкий... съесть.

КТО РАЗБИЛ ОКНО?

– Кто из вас разбил окно,
Очень интересно?
Я узнаю всё равно,
Отвечайте честно.

Но ребята – вот народ –
Как воды набрали в рот.

– Эй, Юнус, глаза не прячь,
Ты забил в окошко мяч?

Или ты, Юсуп, ответь,
Что стесняться и краснеть?

Но ребята – вот народ –
Как воды набрали в рот.

– Ну а ты, мой младший сын?
Ты послушней всех, Калсын.
Ты на братьев не смотри,
Маме правду говори.
– Я бы мог, конечно, мама,
На вопрос ответить прямо,
Да боюсь я, как огня,
Что Вали побьёт меня…

ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛ…

Люльку Мусе
Надоело качать.
Плачет братишка,
Не хочет молчать.

Плачет братишка –
Качай, не качай. –
Горькие слезы
Текут через край.

– Мама, скажи мне,
Ну разве так громко
В люльке я плакал,
Когда был ребёнком?

– Плакал. Да так,
Что сбегался весь дом.
Плаксой ты был,
И большою притом.

– Если бы в люльке
Об этом я знал,
Плакать бы сразу
Тогда перестал…

ПОДСОЛНУШЕК

Подсолнушком, подсолнушком
Недаром я зовусь.
Я к солнышку, я к солнышку,
Я к теплому тянусь.

Я солнышко под вечер
За горы провожу.
А утром жду с ним встречи
И на небо гляжу.

На вид мы очень сходные,
Круглы, как колобки.
Похожи наши жёлтые
Лучи и лепестки.

До зёрнышка, до донышка
Мы с солнышком родня.
Зову я мамой солнышко,
Оно – сынком меня.

ЖВАЧКА

У Зайнаб пропала жвачка.
Как же это? Вот задачка.
Ни в кустах, ни на тропинке
Нет жевательной резинки.

Позвала Зайнаб подруг,
Собрались подруги вкруг.
На сарай залезли даже,
Только нет и там пропажи.

А корова у ворот
Что-то вкусное жуёт.
– Му, – Зайнаб сказала ей. –
Жвачку мне верни скорей.

ЕСЛИ СКАЖУТ...

Не поверю, если скажут,
Что умён осёл бывает.
Не поверю, если скажут,
Что весною снег не тает.

Не поверю, если скажут,
Что стоит на месте речка.
Не поверю, если скажут,
Что не круглое колечко.

Не поверю, если скажут,
Что отличник мой братишка.
Не поверю, если скажут,
Что хороший я мальчишка.

РАДОСТЬ СЫНА

Только встал Ахмед с постели –
Стал лезгинку танцевать.
– Что с тобою, в самом деле? –
У него спросила мать.

– «Двойка» мне приснилась, «двойка»,
Улыбнулся ей Ахмед.
Мать в ответ: «Сынок, постой-ка!
В двойке радости ведь нет».

– Как же нет?! – Ахмед хохочет.
Ведь приснилась двойка мне.
Я их, мама, сколько хочешь,
Получать готов… во сне!

ДОБРЫЙ КОТЕНОК

Вот кошка в комнату вошла,
За ней – котёнок следом.
И мама-кошка завела
Такую с ним беседу:

– Ты стал большим, и чтоб тебе
Голодным не ходить,
Учиться должен ты теперь,
Как я, мышей ловить.

Нашли они дыру в полу,
Где был мышиный лаз.
Котёнок замер на ходу,
Не сводит с норки глаз.

Когда ночной расстаял мрак
И небо заалело,
Сидеть голодным просто так
Котёнку надоело.

Он где-то хлеба раздобыл,
Немного съел, а корку
Котёнок бросить не забыл
Мышатам прямо в норку.

– Глупец! Зачем их кормишь ты? –
Спросила кошка строго.
– Мне жаль их, мама… Без еды
Погибнуть мыши могут.

А МНЕ-ТО ЧТО?

– Вставай, смотри как солнце светит.
– А мне-то что?
– На улице играют дети.
– А мне-то что?
– Корову уж доит абай.
– А мне-то что?
– И ждёт тебя твой Алабай.
– А мне-то что?
– К нему пришёл соседский пёс.
– А мне-то что?
– Да это, кажется, Барбос.
– А мне-то что?
– У них сейчас начнётся драка.
– А мне-то что?
– Твой Алабай дрожит от страха.
– Ты что?! – Али глаза протёр
И сонный выскочил во двор.

НАШ ЩЕНОК

Наш щенок похож на мячик:
Упадёт – и снова скачет.
В детский сад, не чуя ног,
Круглый катится щенок.

Здесь и взрослые, и дети –
Все щенка с улыбкой встретят.
Кто ему погладит шёрстку,
Кто конфет насыплет горстку.

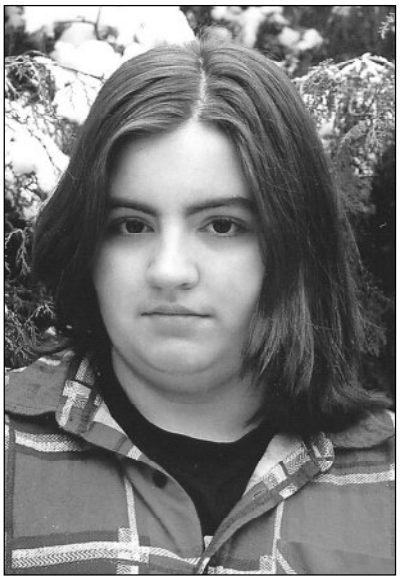
Не случайно на заре
Вновь спешит он к детворе.
Алабай ему попался:
– Эй, дружок, куда собрался?

– Я спешу к друзьям своим,
Хочешь, вместе побежим?
– Зря торопишься, родной:
Садик нынче – выходной.

Перевод с кумыкского
Вл. СТЕПАНОВА

ПРОЗА

Новые имена



Хадижа (1987 г.) родилась и живёт в Махачкале. Аварка. В 2001 году окончила школу-лицей №5. В том же году поступила в ДГПУ, на факультет иностранных языков, где сейчас и обучается. Пишет стихи, прозу. Первая поэтическая публикация была в том же 2001 году в газете «Вести вуза ДГПУ».

«В художественном произведении главное — душа автора, — писал Л. Толстой. — От этого из средних произведений женские лучшие, интереснее. Женщина нет-нет, да и прорвётся, выскажет самое тайное души — оно-то и нужно, видимо, что она истинно любит, хотя притворяется, что любит другое. Когда автор пишет, мы — читатели, прикладываем ухо к его груди и слушаем и говорим: дышите. Если есть хрипы, они окажутся. И женщины не умеют скрывать…»

Нечто подобное происходит и с Хадижей, совсем молодым автором рассказов, предлагаемых на суд читателей. В шестнадцать лет не каждому дано уметь так выражать свою душу.

Надеюсь, первый успех не вскружит голову Хадиже и самоотречённо-упорный труд поможет наиболее полно раскрыть грани многообещающего таланта.

Магомед-Расул

Хадижа

СОН

Утром она проснулась в абсолютно другой обстановке. Не было ни заляпанного письменного стола, ни стула с тремя ножками, ни дивана, на котором она спала. Огляделась вокруг. Прямо на неё смотрело её отражение. Зеркало было в её полный рост. Она вскочила с кровати, посмотрела в окно, ещё надеясь увидеть знакомую улицу или хотя бы что-то намекающее на то, где она находится, но ничего этого не увидела.

Дорога была пуста: ни машин, ни людей. Распахнув окно, она выпрыгнула на улицу. Посмотрела, где она очутилась.

Домик напоминал избушку деревенского типа. В нескольких шагах от неё было вишнёвое дерево. Она села на землю, облокотившись на ствол того самого дерева. Пыталась вспомнить, что было вчера, и вообще, как попала сюда. Все попытки заставить себя что-либо вспомнить, не имели успеха. Она так и не могла ничего понять. Единственное, что она знала — отсюда надо как-то выбираться.

Неожиданно для неё на дороге появились вёдра. Она встряхнула своей и так взъерошенной головой и только после этого увидела какого-то непонятного человека. Вскочив с земли, подбежала к нему. Но как бы близко ни подходила, не могла увидеть его лица, и это её раздражало.

— Послушайте! Что это за место?

Он ей ничего не ответил, просто прошёл мимо. Она пошла с ним, продолжая доставать его вопросами:

— Я, кажется, вас спрашиваю. Что это за место?

— Ты, верно, новенькая. Не знаешь здешних законов.

— Каких законов?

— Божественных.

— Каких-каких?

— Божественных.

— Где я?

— Там, во что ты никогда не верила. Там, откуда нет пути назад.

— И что теперь делать?

— Ты уже была у него?

— У кого?

— Пойдём.

Она пошла за ним. Шли они по той же пустой дороге. Впереди начала вырисовываться лестница. Она ей показалась тоже какой-то непонятной, странной формы, да и цвет у неё был какой-то голубоватый. Подойдя ближе, она поняла, что это далеко не лестница.

Он спокойно поставил ногу на первое облако и пошёл вверх.

Она не понимала, что с ней происходит: расскажешь кому – не поверят! Стояла перед этим облаком и боялась на него ступить. Её таинственный путник уже был наверху. Обернувшись, он сказал:

— Ну что же ты? Не бойся, иди ко мне.

— Я не могу. Это ведь облака. Я упаду.

— Уже нет. Давай, тебе больше нечего бояться.

Она аккуратно поставила ногу на облако и не упала. Поставила вторую — устойчиво держалась на ногах. Не может быть! Что же это такое? Неужели это возможно?! Уже ничего не боясь, поднялась к нему. Они пробрались наверх через большой вход, ей это напомнило канализационный люк.

— Куда мы идём через этот люк?

— Через что?

— Это же люк.

— Какие же у тебя низкие представления. Это дорога к нему…

— К кому?

— Я же сказал, к повелителю. У нас не принято его называть так, как называете его вы.

— Подожди… Я чего-то не пойму…

— Ты не должна ничего понимать. Просто иди за мной.

Они шли дальше по этим воздушным облакам, но теперь они были просто тропой. Впереди вырисовывался огромный замок. Он был сделан из ночного неба. Рисунком на нём были звёзды.

— Неужели я это вижу?!

— Да. Ты это видишь.

Они вошли в замок. Сердце у неё застучало как никогда быстро. Она ничего не понимала, но была жутко взволнована.

— Сейчас ты увидишь его… постарайся не показать своего удивления. Он — это единственная реальность, что здесь есть.

Она хотела что-то ответить, но спутник пропал. Вокруг неё всё закружилось, и она оказалась в каком-то другом помещении замка. Не устояв на ногах, упала на колени. Хотела было встать, но не смогла. Что-то её держало: она поднимала свои колени с пола, но ничего не получалось. Перед ней появилась фигура, подобная человеческой. Опять-таки ни лица, ни точного очертания не было видно. Стояла перед ним на коленях, а он ничего не говорил. Она онемела от неожиданности и удивления.

Первая мысль, которая промелькнула в голове, была: «О, Боже!». Она не знала его, но почувствовала, что это тот, о котором так много говорят там, на земле. Она пыталась рассмотреть его глаза, но не могла. Услышала его голос. Впервые совершенно ясно…

— Не смотри. Ты ничего не разберёшь. Не бойся. Спрашивай.

— Почему я здесь?

— Ты ведь этого хотела. Помнишь, как ты когда-то сказала обо мне: «Я не верю в существование того, чего никогда не видела собственными глазами. В существовании чего нет объяснения, нет доказательств…» Помнишь? Вот он я. Твоё доказательство.

— Не может быть! Скажи мне, что ты не существуешь! Скажи мне это!

— Я не могу этого сказать. Пойми, вера в меня внутри каждого, ты просто знаешь, что я есть, и тебе не нужно никаких доказательств. Это и есть настоящая вера.

— А ты сам в себя веришь?

— Это я ведь создатель того, что ты видишь каждый день. Да и день — моё создание.

— А это место? Как оно называется?

— Это место не имеет названия. Это просто граница между Раем и Адом.

— То есть ты сам не являешься жильцом ни Рая, ни Ада?

— Нет. Я творец, я это создал. Всё, что ты когда-то видела, всё создано мною.

— А люди?

— Тоже. Вы — лучшее моё творенье.

— А человек, который проводил меня сюда? Кто он?

— Он не человек. Здесь нет людей. Здесь все мои посланники.

— А почему они не называют тебя Богом?

— Это один из законов. В моём мире существуют законы, которых должны придерживаться мои посланники. И этот – один из них.

— Это как кодекс?!

— Не совсем. Это как… а впрочем, тебе это не нужно знать.

— А я? Почему я здесь?

— Я многое пытался тебе объяснить, не забирая сюда. Но, видимо, это было необходимо для того, чтоб ты поняла, что я существую.

— А теперь? Что со мной будет теперь?

— Ничего. Ты станешь одной из них…

— В смысле?!

— Ты станешь похожей на того, кто тебя сюда привёл.

— На посланника?

— Именно.

— Но я хочу домой!

— А зачем? Зачем тебе туда? Ведь здесь есть всё! Тем более — там ты забудешь наш разговор.

Дзинь! Дзинь!

Она потянулась, открыла глаза: вокруг была привычная обстановка. Замазанный стол, стул без ножки и всё такое. Она села, обхватила руками голову и подумала: «Неужели это сон? Приснится же такое!».

Дзинь! Дзинь! — повторил телефон. Она потянулась к трубке, взяла её и услышала родной и любимый голос.

— Доброе утро.

— Привет.

— Ты спала? Что снилось?

— Он…

— Кто?

— Он…

— Кто он?

Какая разница. Просто он есть! Он — это ты. И я это знаю.

ОНА ЗВАЛА МЕНЯ МЕЧТОЮ...

Их было двое. Тот, что пониже, постоянно о чём-то говорил. Тот, что повыше, просто молчал и слушал. Оба они были одеты в одинаковые чёрные плащи и широкополые шляпы.

Когда я только пришел на кладбище, пробираясь к могиле брата, сразу же их заметил: наверное, их выдавала схожесть в одежде. Не обратив на них особого внимания, я прошёл дальше. Они даже не посмотрели в мою сторону. Провёл я с братом где-то полчасика, прибрался на могилке, положил цветы. Пошёл дождь, и я засобирался домой. Идя к выходу, опять увидел этих двоих. Монолог первого по-прежнему продолжался.

Чтобы проще рассказывать, дам им имена. Тот, кто говорил, пусть будет Абдулом, а молчаливый — Арсеном.

Любопытство, которое меня одолело, было сильнее желания быстрее добраться до дома. Чтобы не мешать им, я тихонько присел на скамейку. Они меня не увидели, но я очень хорошо слышал Абдула. Вот о чём он говорил:

— Как такое могло случиться? Как она могла поступить так… Ведь у неё было столько надежд… Она… Только сейчас понимаю, как много она для меня сделала. Любила меня… как никто любила… А я? Разве я способен на такое чувство? Иногда мне кажется, что нет. А ведь она… Как можно было этого не замечать?

Тут в разговор вступил Арсен:

— Да разве это важно? Я знаю, что её терзало. Знаю всё или почти всё о ней. О такой, как она, знать мало просто невозможно.

— Боже мой! Как всё это глупо! Неужели это из-за меня?!

— Она просто больше не могла. Не могла так…

— А что она говорила обо мне?

— Говорить не о тебе она не умела. Как не страшно это говорить, но именно ты был для неё жизнью. Она звала тебя мечтой… Ты был самой большой её мечтой. Самой светлой, самой чистой и самой невозможной. Ты не смог этого оценить.

— Но почему? Я ведь ничего для неё не сделал…

— Ей нужна была только твоя любовь. Она жила для тебя и из-за тебя. Так сильно любить нельзя, это всегда заканчивается нехорошо. Ладно, пошли… Ничего не поделаешь. Но я думаю, ты должен всё это знать. Наш последний разговор был о тебе. Я же говорю, она не умела говорить о другом… Запомни: она самое лучшее, что могло у тебя быть. Но сожалеть теперь нет смысла. Смотри вперёд. Она бы этого хотела…

— А ты?

— Что я? Я ведь ничего для неё не значил. Просто друг… Наверное, покину этот ужасный городок… Воспоминания… Ладно, пошли… Дам тебе кое-что из её вещей.

Арсен двинулся, но Абдул всё ещё стоял.

— Пойдём же… Уже поздно о чём-то сожалеть… Пойдём, – Арсен положил руку Абдулу на плечо, и они пошли к выходу.

Я обалдел от того, что услышал. Мне было жаль, нет, не Абдула, а девушку, которой уже нет. Первым желанием, как я пришёл в себя, было догнать этого подонка. Почему подонка? Потому что не каждому дается такая любовь. В конце концов, решил я, если она его любила, то хотела для него лучшей жизни, чем для себя. И тут я вскочил со скамейки и помчался домой. К той, которая меня любит. Всю дорогу нёсся, как ненормальный, сбивая прохожих и налетая на фонарные столбы. Буквально влетел в квартиру…

С ней всё было нормально. Она спокойно сидела у телевизора и перебирала старые фотографии. Она меня о чём-то спрашивала. Я её не слышал, обнял так крепко, как только мог. «Слава Богу, что она со мной!» — подумал я.

И живу с этой мыслью до сих пор.

ПАРИЖ

Я в Париже! Какая прелесть! Сбылась мечта девчонки из России. Слышу настоящую французскую речь! Я на родине Жан Жака Руссо, Бальзака, Жюля Верна, Франсуазы Саган и многих, многих талантливых людей. Боже мой, как же мне повезло! Как я мечтала об этом. Мне снился Париж по ночам. Я грезила Францией постоянно. Значит, не зря потратила шесть лет на изучение этого великолепнейшего языка. Насколько он красив, звучен, мелодичен, можно понять только здесь. У меня столько впечатлений! А их французские бутики, улочки, маленькие кафе! Как же всё это восхитительно! Ничто не сравнится с Парижем!

Вокруг Лейлы сидели такие же туристы, которые внимательно слушали экскурсовода, и, не отрывая глаз, смотрели в окно. Он рассказывал о том, что мы обязательно должны посетить. И я пробуду здесь ещё шесть дней!

А потом домой, в Россию, в Москву, на родину — в Дагестан. С французским и багажом впечатлений. Жаль только — Марьям не смогла приехать. Очень жаль. Но в следующий раз мы обязательно съездим с ней куда-нибудь отдохнуть. Как там она? Надо будет подарок купить.

Экскурсия закончилась. И туристы направились осматривать город. Лейла же пошла в гостиницу принять душ и взять деньги, которые она оставила утром на столике.

Она шла по улице, вслушивалась в разговоры прохожих и безумно радовалась. Она понимала, о чём они говорят! И вдруг услышала русскую речь:

— Андрюха, я скоро подойду. Дождись меня.

Она повертела головой и поняла, кто говорил. Светловолосый парень выключил мобильник и повесил его на ремень. Парень был похож на француза. Если бы она не услышала его, то, конечно же, не узнала, что он русский. Она подошла к этому кареглазому красавцу:

— Ты из России?

— Ты тоже?

— Да.

Оба рассмеялись.

— Ты здесь проездом? — поинтересовался он.

— Да. У меня ещё шесть дней. А ты?

— Я здесь работаю. Меня зовут Кирилл.

— Я Лейла.

— Очень приятно. Ты в какой гостинице остановилась?

— По-русски это переводится как «Замок». Это на…

— Знаю. Я тебя найду. Погуляем вместе. Ты не против?

— Нет. Я здесь одна. Составишь мне компанию?

— Да. Я спешу, но обязательно позвоню.

Они разошлись. «А он ничего, – подумала она, – даже очень ничего. Хотя… посмотрим. О чём это я думаю?! Я же в Париже!»

Она зашла в гостиницу, взяла ключи и поднялась в свой номер. Затем приняла ванну и, переодевшись, пошла в бутик за подарком для подруги.

Это была их первая встреча. Так прошёл и первый день ее пребывания в Париже. А за неделю они с Кириллом очень сблизились. Он позвонил в тот же вечер. Показал ей все достопримечательности. Не давал ей скучать ни минуты. Эту неделю они провели вдвоём.

На седьмой день он отвёз её в аэропорт.

— Ну, что дальше? — спросила она его.

— Ничего. Всё будет так, как есть. Просто я буду знать, что у меня есть подруга в Москве. А ты знай, что у тебя есть друг в Париже.

— Мне было хорошо с тобой. Мне было очень хорошо. И в Париже и, конечно, с тобой.

— Я рад, что познакомился с тобой. Я буду скучать без тебя…

— Я тоже…

— Прости, если есть за что.

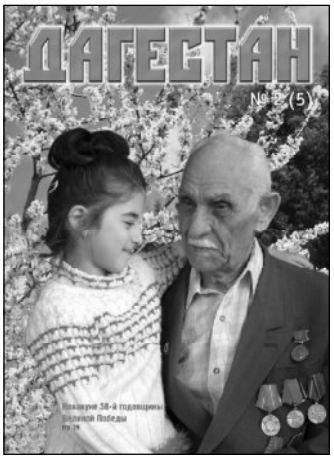
Прощать было не за что. К самолёту подъехал трап, и им пришлось расстаться. На этом всё закончилось. Закончился Париж. Закончилась сказка, и закончились отношения с Кириллом.

Она вернулась в Москву. Началась рутинная работа. Повседневные дела. Всё встало на свои места. А он работал во Франции. Прилагал все усилия, чтобы его оставили ещё на пять лет. Он в Париже. Она в Москве. Их судьбы больше не соединятся. Их сердца больше не будут биться в такт.

Всё кончилось. Приняв этот факт как должное, она стала жить дальше. Только при упоминании о Париже в памяти всплывает эта встреча. Эта любовь и этот город.

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ

Всем смертям назло!



В Книге памяти, в которую занесены имена всех (или почти всех) дагестанцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, числится и имя Байгишиева Бийгиши Залгишиевича, призванного в армию весной 1943 года. Он ушел на фронт добровольцем, хотя в тот год семнадцатилетних, даже добровольцев, в армию не брали. Но уж очень ему хотелось отправиться на фронт вместе с другом, который был на год старше. И он приписал себе этот год тайком от родителей и от комиссии в Карабудахкенте. Друг его потом погиб. А о нем, Байгишиеве Б. З., в Книге памяти сказано, что он тоже погиб в октябре 1944 года в Венгрии и похоронен там же в полукилометре от поселка Каба.

Семья получила извещение, был совершен похоронный обряд, родственники относили, как положено, траур. А сегодня, спустя почти 60 лет, ветеран-фронтовик шутит, что, поскольку все смертны, по нему, когда бы это ни случилось, носить траур не нужно – хватит и одного раза.

Что же произошло тогда – почти 60 лет назад?

В первый раз паренька из аула Гели ранило осколком сразу после переправы через Днепр в октябре 43-го. Осколок пробил два орудийных снаряда, которые он нес на спине и которые, чудом не взорвавшись, спасли ему жизнь. Но пришлось проваляться в госпитале 4 месяца. Второй раз его, первого номера пулеметного расчета, тащившего на себе через лес ствол и щит «максима», чиркнула по голове пуля. Произошло это уже в мае 44-го после освобождения от немцев какого-то города уже за пределами родной страны. И опять госпиталь.

А затем – опять передовая, и опять пехота. Осенью того же 44-го Бийгиши отправился с напарником в дозор, чтобы подготовить свою роту к наступлению. Под утро, окопавшись, он бросил лопатку другу, чтобы тот тоже отрыл себе окопчик, а сам, вооружившись биноклем, устроился поудобнее и… больше он ничего не помнит. Очнулся, как ему потом рассказали, через две недели. Лежал он в комнате на кровати под простыней совершенно голый, а напротив, на подоконнике, сидела девочка лет 13-14-ти и что-то лепетала по-венгерски. Оказывается, в то утро, когда его ранило в голову, в затылок, и он потерял сознание, немцы пошли в наступление, и он на «положении трупа» оказался в их расположении. А еще через день в наступление пошли наши. Его подобрала похоронная команда, раздела, чтобы сложить в штабель, как и остальных погибших, в специально отрытом рву... но тут вдруг обнаружилось, что один «голый мертвец» дышит. И его отправили в госпиталь.

Врачи спасли ему жизнь и в этот раз. Но ямка на затылке величиной с детский кулачок так и осталась до сих пор. Только заросла новой кожей. А когда юноша из Дагестана пришел в себя, когда руки стали его слушаться и пальцы смогли держать карандаш, он написал домой, что жив.

Так закончилась военная эпопея добровольца из Гели, успевшего повоевать с фашистами и сумевшего пережить три тяжелых ранения. В мирной жизни он водил грузовые машины, а сейчас он, накануне 58-й годовщины Победы, пенсионер 77 лет. У него три сына, три дочери и много внуков. Есть и правнуки. Вот так – всем смертям назло!

На снимке: Бийгиши Байгишиев со своей правнучкой Ханум.

ПОЛЕМИКА

Руслан ИСАЕВ

Что есть что, и кто есть кто

Прежде, чем обсуждать состояние дел в поэзии молодых, задаюсь вопросом: где тот критерий, который позволяет отделить зерна от плевел? Обращаю внимание читателя на то, что лучшим судьей является Время, и поэтому можно позволить себе детальный анализ поэзии на примерах поэтов, популярность и слава которых основаны на испытании временем.

Говоря о недостатках в творчестве начинающих поэтов, хотелось бы сразу определить их наиболее уязвимое место – отсутствие цельного и адекватного восприятия окружающей реальности. Поколение молодых сбито с толку лавиной информации, которую невозможно «переварить», не имея соответствующего уровня духовного развития, подобно слепым щенкам, оно не способно отличить свет от тьмы. В результате для заполнения существующего вакуума начинающий поэт возводит в ранг абсолюта жалкую кроху истины, которую можно откопать даже в самой отъявленной лжи, создавая миф, дающий возможность оправдать собственную бездарность. Эта страусиная позиция (спрятать голову в песок, спасаясь от окружающей действительности) очень удобна. Стоит найти одного-двух подобных себе, и автоматически возникает ситуация «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

И вот любой, кто пытается извлечь голову «страуса» на свет, становится для него врагом №1 – ведь он вносит дискомфорт, уничтожая то состояние эйфории, которое всегда возникает в кругу одержимых одной идеей. Сей процесс лавинообразен, погружая членов такого «братства» во всё большую иллюзию. И литератор изначально следует ложным идеалам, что и подтверждается плачевным состоянием поэзии молодых. Назовите хотя бы одного поэта возрастом до сорока лет, кого можно назвать властителем дум, кого цитируют и повторяют. Не можете? То-то! Поэтому оставим отвлеченные рассуждения и перейдем к развенчиванию мифов.

Вот один из них – «новый образ». Здравомыслящий человек знает, что любое высказывание должно быть доказуемым, иначе это – чушь собачья. Если некто заявляет, что он написал стихотворение, в котором масса новых образов и присутствует оригинальная идея, то разумный читатель сразу поймет, что ему вешают лапшу на уши. Ведь «ничто не ново под Луной». Если бы этот автор прочел все стихотворения на свете (подчеркиваю – ВСЕ), то он убедился бы в глупости своего утверждения. То, что в тысяче стихов нет этого «нового» образа, не доказывает, что его нет в тысяча первом, не прочитанном нашим автором. Так желаемое сознательно или по недомыслию выдается за действительное.

Необходимо также определить еще два понятия – так называемых «физиков» и «лириков». К первым отнесем тех, кто пишет умом, ко вторым – тех, кто пишет сердцем. Все, что трогает, волнует людей – это вечное, ибо является полем деятельности Души – единственной неумирающей константы человека. А ум, как и тело, прекращает свое существование с приходом физической смерти. Именно поэтому все умственные построения в поэзии столь недолговечны. Где все эти акмеизмы, кубизмы, футуризмы и прочие, высосанные из пальца, «изобретения»? Все, что рождено – умирает, это очевидная истина, а остается лишь то, что созвучно вечному – Душе.

Душа – эмоциональное начало человека, она может обходиться без слов – это знает каждый. Улыбка незнакомого человека, плач маленького ребенка, неприятное зрелище – все это трогает нас, доказывая, что язык Души не ограничивается 33-мя буквами алфавита. Поэзия – детище Души. Холодному интеллекту Поэзия не нужна. Потому-то она и должна быть направлена к своему источнику – Душе. И лишь в подчинение этой цели возможен акцент на словесной эквилибристике, образах, новаторстве. Вспомните, сколько стихотворений написано красивыми словами, с обилием образов, насквозь авангардных, но которые абсолютно «не цепляют». Почитаешь их, повосторгаешься оригинальностью образов, богатством лексикона и… забудешь.

Конечно, глупо было бы призывать всех стихотворцев заняться йогой, дабы постигнуть язык Души. Но если хотя бы малая часть их сумела распознать наносное в своем творчестве, поэзия наших молодых вырвалась бы из болота ложных стереотипов и наконец-то громко заявила о себе. К сожалению, литературная критика, являясь детищем интеллекта, не способна продвинуть автора на духовном пути. Поэтому очень часто она способствует поэтической деградации, устремляя неофитов поэзии на магистрали бесплодного умствования. Ведь если бы «работа со словом», «свежесть образов», «новаторство» являлись на самом деле существенными элементами истинной Поэзии, то литературные критики были бы самыми гениальными поэтами. Но, как известно, эти люди, мнящие себя знатоками поэзии, сами не способны сочинить даже более-менее изящного четверостишия.

Что же получается? Человек пытается поучать других в том, в чем сам является полным профаном. Вот отчего критика, не способствуя поэтическому росту авторов, выполняет лишь роль «санитара леса поэзии». Впрочем, и на том спасибо.

Итак, то, что отличает ремесленника от Мастера – неуловимо тонкая особенность, которую нельзя вычислить с помощью какой-либо формулы. Это то, что лежит за пределами возможностей ума. Читатели, духовное зрение которых не зашорено идеями «физиков», всегда оценивают «лириков» выше. Сказанное прекрасно иллюстрируется феноменом В. Высоцкого. Для критиков его стихи – это набор слов, музыковед скажет, что автор не знает ничего, кроме трех гитарных аккордов, певец скажет, что у него ужасный голос, но… Все мэтры изящной словесности, музыки и вокала не способны привлечь сердца хотя бы малой толики того количества поклонников, для которых исключительная одаренность Высоцкого является неоспоримой истиной. Летят к чертям все надуманные теории эстетов – против фактов не попрешь.

Вот еще один реальный пример – фольклор. Казалось бы – никаких изысков, примитивщина на фоне «авангарда» наших стихоплетов. Но поставьте

их рядом – и от «новаторов» ничего не останется. Куда же деваются их достоинства? Да никуда. Их просто нет. Становится ясным, что «король-то – голый!». Хочется процитировать отрывок из статьи нашего молодого автора – Марии Алешечкиной, одной из немногих в Дагестане, делающих успехи в «технологии сердца»: «… Кстати, у Марины Цветаевой в творчестве наблюдается процесс, абсолютно обратный пастернаковскому – многим нравятся ее юношеские стихи: «Мне нравится, что Вы больны не мной, Мне нравится, что я больна не Вами…», и совсем не такое большое число поклонников стяжали ее более поздние творения, с «тире», полуфразами, сказавшие свое новое и веское слово в русской поэзии…» Комментарии излишни. Так называемые «новаторы» становятся поэтами для поэтов. Да, «образом» можно привлечь внимание интеллекта, но не больше. Такие стихи не заучивают наизусть из поколения в поколение, их тут же забывают.

Формат публикации не позволяет детально рассмотреть все ступени трансформации Божественного Слова, Логоса, в слово человеческое, которые полярны, поскольку Логос есть Истина, а «слово высказанное есть ложь» (Лао Цзы). Доказать второстепенность слова (но не бесполезность, ведь для большинства людей вербальное мировосприятие является единственно возможным) по отношению к образу можно на примере двух корифеев русской поэзии – Пушкина и Лермонтова.

Первый практически неизвестен большинству нерусскоязычных читателей. Являясь мастером формы, Пушкин слаб в более высоких иерархиях поэзии. Его невозможно перевести так, чтобы он был интересен иностранному читателю, ведь все очарование его поэзии сконцентрировано в работе со словом. На чужом языке это слово будет звучать по-другому, и это новое звучание, не соответствуя сокровенной сути перевода, не сумеет затронуть Душу читателя. Более развитый уровень самовыражения Лермонтова (работа с образами, которые почти схожи для разных культур, и эмоциями) позволяет донести на чужом языке суть его поэзии вне зависимости от звучания.

Прежде чем приступить к анализу его стихотворения «Сон», которое имеет непосредственное отношение к Дагестану, я рискну привести поэтическую расшифровку Универсальной Семиричности (по восходящей): Слово – Образ – Эмоция – Энергия – Идея – Творческий импульс Абсолюта (Логос) – Желание творить Абсолюта (Воля Божья для верующих).

Творчество на уровне Логоса нам, простым смертным, недоступно. Бессмертные поэмы способны донести до людей лишь пророки: Моисей, Давид, Мухаммед. Высочайший уровень поэзии – это работа на уровне Идеи. Таких Поэтов у человечества немного. Их имена чтят веками. Большинство же знаменитых авторов не поднимаются выше четвертой ступени – ступени Энергии. Просьба: при анализе стихотворения «Сон» попытайтесь определить, что производит на вас наибольшее воздействие – какое-либо слово Лермонтова, образ, эмоциональный настрой строки или какая-то энергия, которую не свести ни к слову, ни к образу, ни к эмоции. Одна лишь подсказка: не ищите ничего на пятом уровне, уровне Идеи – это произведение, на мой взгляд, «четырехэтажно». Михаил Юрьевич не претендует в нем на какое-либо Откровение. Итак:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя…

Да, действительно, в полдень солнце находится в зените, это самое жаркое время дня. «Долина Дагестана» – географический термин. Да, пули льют из свинца. Попутно замечу, что «с свинцом» не очень благозвучно, т.е. ляпсус на первом уровне. Да, мертвый человек недвижим. Да, горячая кровь парит. Да, рекой кровь течет лишь в первый момент, затем рана просто кровоточит. Как видите, ничего особенного в плане пресловутой «работы со словом», «новаторства», «умопомрачительных образов». Поэт говорит простым человеческим языком – все гениальное просто!

Это язык Души, язык Эмоции – третьего уровня поэзии. Любой выпендреж резко снижает востребованность поэзии автора. «Образы» застревают в дебрях ума, не доходя до сердца читателя.

Поэты для поэтов не приносят человечеству никакой реальной пользы. Те, кто смакует их «новаторство», «образность», «словотворчество», считают себя носителями Света, но спекуляции мыслью хваленого «автора-физика» – всего лишь интеллектуальная забава, проходящая мимо сознания тех, кто нуждается в этом самом Свете. «Интеллектуальные изыски» обречены на забвение – то, что вчера поражало умы, сегодня становится обыденным…

Абсолютная Истина невыразима, поэтому в этой статье использован метод «от противного» – все, чем пытаются скрыть свою бездарность начинающие поэты, есть «чушь собачья», и избавление от ложного поможет прийти к истинному… Надеюсь, читатель не вообразит, что я призываю отказаться от работы со словом, от поиска новых образов и усесться в позу лотоса, дабы в медитации «поймать за хвост» какую-нибудь великую идею. Ведь здание строится снизу вверх. Произведение, пышущее эмоциями, но написанное с грамматическими и стилистическими ошибками – это нечто вроде колосса на глиняных ногах. Просто жалко талантливых ребят, не знающих, что образ – это еще не все в поэзии, и зацикленных на погоне за образом, ограничивающих себя в творческом развитии. Образ, за которым нет эмоции, – это поэтический кастрат, не имеющий продолжения в будущем.

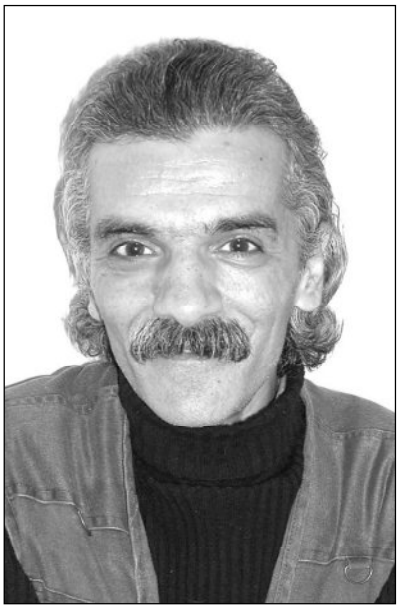
В заключение хочется сказать, что ситуация действительно плачевная. Поэтому надо стремиться развеять туман невежества, царящий в рядах начинающих. А Тьму побеждают Светом, светом Истины. Пытаясь принизить творчество наших поэтов старшего поколения, мы забываем, что они родились не в такое «продуманное» время, как наше, и поэтому язык Души им все-таки ближе, и они могут дать нам, молодым, фору в том, что называется искренностью. Нам, чтобы не уронить их марки, надо много работать над собой, в душе смеясь над разглагольствованиями об «образах» и прочем. Приведенное стихотворение Лермонтова доказывает, что гениальность произведения определяется не метафоричностью и не сверхправильностью речи. Если кто-то начнет рассказывать сказки, что, мол, сейчас не те времена, вспомните В. Высоцкого, в общем-то, нашего современника, который намеренно стремился к простоте, к душевности, зная, что любое усложнение изложения делает произведение набором заумных словечек. Вспомните, что автор, не способный затронуть сердце читателя, стремится компенсировать этот «пробел» с помощью ума и, чтобы убедить других в своей одаренности, пытается доказать, что поэзия и есть умственный процесс.

Надеюсь, молодые литераторы сумеют разобраться, что есть что в поэзии, а заодно и – кто в ней кто.

ПОЛЕМИКА

Гаджикурбан РАСУЛОВ

Божьей милостью, или Божьей милостыней



Критика — ***в переводе с греч.: «искусство разбирать, судить»***
Словарь иностранных слов

На сегодняшний день членами Союза писателей Дагестана являются около полутора сотен человек. Есть и такие, кто, будучи не принят в дагестанский Союз писателей, вступил в один из российских (видимо, это легче…). Есть еще и государственные деятели, то ли вдохновленные примером незабвенного Л.И. Брежнева, то ли самостоятельно обнаружившие в себе талант к литературному творчеству, то ли убежденные в этом подхалимствующим окружением. Да прибавить к ним пенсионеров, домохозяек, работяг и остальных жителей Страны гор, чьи вирши принимаются на ура родственниками, друзьями и соседями и потому всенепременно должны быть опубликованы… Пишут все, кому не лень, а кому лень, за тех пишут другие. Не многовато ли получается в итоге? Во всяком случае, больше, чем во всей России за весь XIX век.

Все это свидетельствует, конечно же, не о бурном расцвете дагестанской литературы, а, скорее, о девальвации такого понятия, как литературный труд, литературный талант, чему во многом способствует, помимо других обстоятельств (сегодня напечатать что угодно может любой в любой из многочисленных типографий — были бы деньги), и уровень дагестанской литературной критики.

Не буду останавливаться на комплиментарности нашей критики — обескураживающие примеры ее без труда найдет любой желающий как на страницах газет и журналов, так и в претендующих на солидность монографиях. И не всегда *«кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»* — чаще «кукушке» легче хвалить, чем серьезно анализировать. Чего проще: написать, что «такое-то произведение такого-то автора стало заметным явлением не только дагестанской, но всей российской литературы», что в этом произведении автор «тонко подметил…», «талантливо изобразил…», «гениально отразил…» и, не заботясь об аргументации, примитивно пересказать сюжет повести… Если речь идет о поэзии, то приведенное в качестве примера критиком стихотворение автора зачастую не подтверждает, а опровергает его восторженные эпитеты… Но и тут можно найти выход из положения — воспевать бесталанного поэта, но не цитировать его: авось читатель поверит критику на слово. В результате вырисовывается благостная картина: и критик вроде бы при деле, и писатель не в обиде!

Если же последовать завету Эффенди Капиева: «Да здравствует зрелость и никаких скидок!» – то представляете, что будет твориться: с одной стороны — оскорбленные до глубины души развенчанные «таланты», а с другой — обремененные учеными степенями и званиями, но профессионально беспомощные критики. Я не обо всех — я о большинстве писателей и критиков, правда, о подавляющем большинстве, но все-таки не обо всех. Есть критики, статьи которых читаешь с не меньшим удовольствием, чем произведения действительно талантливого писателя. Хрестоматийный пример из истории русской литературы — Белинский. Среди дагестанцев следует назвать Гаджи Гамзатова, Казбека Султанова, еще двух-трех критиков, но, к сожалению, по тем или иным причинам они очень редко выступают на страницах периодической печати. Тем приятнее встретить новое имя над статьей, в которой предполагается *«обсудить состояние дел в поэзии молодых»*, предполагается *«детальный анализ поэзии на примерах поэтов, популярность и слава которых основаны на испытании временем»*. Я имею в виду Руслана Исаева и его статью «Что есть что, и кто есть кто», с которой можно ознакомиться на страницах этого же номера журнала.

Намерения автора статьи *«отделить зерна от плевел»* и *«развеять туман невежества»* можно только приветствовать, но вот с его выводами и аргументацией согласиться трудно.

«Теоретические» положения Р. Исаева, основанные на «Универсальной Семиричности», категории которой он ничтоже сумняшеся пытается применить к анализу поэтического текста, вызывают лишь легкую улыбку. К чему эта эзотерика при анализе поэтического текста русского поэта начала XIX века? Другое дело, если бы Р. Исаев рассматривал стихотворение, которое написал йогин (тот, кто полноценно практикует йогу). А при анализе лермонтовского стихотворения следует оперировать, прежде всего, понятиями общекультурного контекста начала XIX века, литературного процесса того времени, определить, какое место занимает стихотворение в творчестве самого поэта, знать роль и место мотивов любви, смерти, сна как в русском романтизме, так и у Лермонтова, иметь представление о традиционной композиции лирического стихотворения, а уж потом приступать к исследованию непосредственно самого текста. Без всего этого (и многого другого!) анализ будет дилетантским, поверхностным, что и продемонстрировано в статье Р. Исаева, который заметил *«ляпсус на первом уровне» – «с свинцом»*, но и сам допустил «ляпсус» (*«ничего особенного в плане пресловутой «работы со словом»*), непростительно не заметив инструментовки стиха: внутренних рифм, ассонансов и аллитераций, анафор и стыков, свидетельствующих именно о гениальной работе со словом! Справедливости ради отмечу, что Пушкин, который, по мнению Р. Исаева, *«являясь мастером формы»*, *«слаб в более высоких иерархиях поэзии»*, тоже допускал подобные «ляпсусы»: «Слыхали ль вы за рощей глас ночной…» Но вернемся к Лермонтову, вернее, к анализу лермонтовского «Сна», в котором, опять же только по мнению Р. Исаева, нет «новаторства». А как же новаторская как для всей русской литературы, так и для самого Лермонтова трактовка всепроникающей связи мотивов любви и смерти, когда трагизм смерти уже не рождает традиционного для романтиков «леденящего душу отчаяния» (В. Белинский), а преодоле-

вается силой идеальной любви?! А как же новаторская композиция стихотворения, когда, по Б. Эйхенбауму, «сон героя и сон героини — это как бы два зеркала, взаимно отражающие действительные судьбы каждого из них и возвращающие друг другу свои отражения»?! А как же… Одним словом, лермонтовский «Сон» — совсем не такое простое стихотворение, как это кажется Р. Исаеву, кажется потому, что он в нем не разобрался, увлекшись «Универсальной Семиричностью».

Что же касается Пушкина… Р. Исаев безапелляционно утверждает, что Пушкин *«слаб в более высоких иерархиях поэзии»*. А в начале статьи он же заявляет: *«Здравомыслящий человек знает, что любое высказывание должно быть доказуемым, иначе это — чушь собачья»*. Так вот, уважаемый Р. Исаев, должен сказать, что вы не доказали и, судя по вашему анализу лермонтовского «Сна», не можете и не сможете доказать «слабость» Пушкина *«в более высоких иерархиях поэзии»*. Следовательно, ваше высказывание о Пушкине не что иное, как та самая «чушь собачья»! Скажите, в каком произведении Пушкин слаб? В «Борисе Годунове»? В «Моцарте и Сальери»? Или в «Медном всаднике»? Или вы имеете в виду не поэмы, а стихотворения? Тогда, значит, Пушкин слаб в «Пророке»? Или в «Памятнике»? Для человека, знающего и понимающего творчество Пушкина, эти вопросы — риторические.

Автор статьи «Что есть что, и кто есть кто» предпочитает Пушкину не только Лермонтова, но и Высоцкого… Я с огромной любовью и с неменьшим уважением отношусь к творчеству Высоцкого и не собираюсь *«переть против фактов»*, но не могу согласиться с передергиванием некоторых из этих фактов. О музыке и о голосе Высоцкого не мне судить — не специалист, но уверен, что фраза *«для критиков его стихи — это набор слов»* вызвана, скорее всего, тем, что Р. Исаев просто не читал серьезных критических работ, посвященных анализу его песен. Именно песен! Знает ли Р. Исаев о том, что песни создаются по своим правилам и законам, отличным от правил и законов создания стихотворений? Что Высоцкий *«намеренно стремился к простоте»* именно потому, что такова специфика песни, которая должна восприниматься на слух и сразу? Это стихотворения Лермонтова и Пушкина мы читаем и перечитываем, каждый раз заново открывая для себя что-то новое, каждый раз по-новому их воспринимая — в зависимости от жизненного опыта, душевного склада, в зависимости, в конце концов, от поэтического таланта каждого из нас: не только поэты бывают талантливы и бездарны, но и читатели. Высоцкого же мы слушаем, а не читаем! Читать его невозможно — волей-неволей слышишь голос и музыку. Более того, читать его нельзя, ибо Высоцкий — феномен гармонии музыки, голоса, актерского мастерства (об этом не стоит забывать) и текста, а вырвать одну из составляющих — значит разрушить гармонию. С другой стороны, уважаемый Р. Исаев, несмотря на ваше заявление о том, что *«все мэтры изящной словесности, музыки и вокала не способны привлечь сердца хотя бы малой толики того количества поклонников, для которых исключительная одаренность Высоцкого является неоспоримой истиной»*, сегодня (к моему большому сожалению!) Высоцкий «не догонит» по популярности «татушек» и им подобных… Завтра появятся новые «татушкообразные» с бесконечным «Нас не догонят!» — и будут правы: Лермонтов с Высоцким их никогда не догонят, ибо талант и популярность, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Те же «две большие разницы» между фольклором, которому Р. Исаев отказывает в *«изысках»*, который он определяет как *«примитивщину на фоне «авангарда» наших стихоплетов»*, с одной стороны, и реальным устным народным поэтическим творчеством. Достаточно подготовленный читатель без труда найдет как в русских былинах и песнях, так и в дагестанском фольклоре и изысканнейшую (без кавычек) инструментовку стиха, и непостижимую образность, и работу над словом, без которой фольклор вообще немыслим… Кстати, как вам такой «образ»: «лебедь пота шипа ран»? «Шип ран» — это меч. «Пот шипа ран», т.е. «пот меча» — кровь. «Лебедь пота шипа ран», т.е. «лебедь крови» — ворон. Или: «гадюка испарины лука»? «Испарина лука» — кровь. «Гадюка испарины лука», т.е. «гадюка крови» — меч. (Это только первые вспомнившиеся мне примеры из сотен и сотен подобных. В литературоведении данная поэтическая фигура называется «кеннингом».) Не правда ли, лихо, «авангардно» закручено? Но это не «авангард» стихоплетов, это — фольклор…

Можно было бы оспорить и многие другие положения статьи Р. Исаева, но остановлюсь только на еще одном моменте. Несмотря на собственное критическое отношение к литературной критике (прошу прощения за каламбур), категорически не могу принять следующий пассаж: *«К сожалению, литературная критика, являясь детищем интеллекта, не способна продвинуть автора на духовном пути. Поэтому очень часто она способствует поэтической деградации, устремляя неофитов поэзии на магистрали бесплодного умствования. Ведь если бы «работа со словом», «свежесть образов», «новаторство» являлись на самом деле существенными элементами истинной Поэзии, то литературные критики были бы самыми гениальными поэтами. Но, как известно, эти люди, мнящие себя знатоками поэзии, сами не способны сочинить даже более-менее изящного четверостишия. Что же получается? Человек пытается поучать других в том, в чем сам является полным профаном. Вот отчего критика, не способствуя поэтическому росту авторов, выполняет лишь роль «санитара леса поэзии»*. Впрочем, и на том спасибо. Буквально из каждого предложения сквозит непонимание роли и места литературной критики в литературном процессе! Критика — это вид литературного творчества, а не *«детище интеллекта»*; да и наличие интеллекта не мешает ни критику, ни автору, ни читателю. (Кстати, мысль Р. Исаева о том, что критика *«способствует поэтической деградации, устремляя неофитов поэзии на магистрали бесплодного умствования»* по стилю — чистое *«детище интеллекта»*!) Почему критика должна *«продвигать автора на духовном пути»*?! Критика анализирует литературное произведение, помогает рядовому читателю оценить достоинства и недостатки романа, поэмы или стихотворения, проще говоря, критик — это читатель-профессионал. Именно читатель, а не, боже упаси, учитель поэтов, даже если он и хотел бы им быть. Автор может прислушиваться к мнению критиков, может не прислушиваться, но в любом случае *«продвигается»* сам и только сам. Следующая же фраза Р. Исаева о критиках (*«Но, как известно, эти люди, мнящие себя знатоками поэзии, сами не способны сочинить даже более-менее изящного четверостишия»*.) предоставляет мне счастливую возможность вызвать автора статьи «к барьеру». Я не мню себя ни великим критиком, ни, тем более, поэтом, но берусь на спор сочинить *«изящное четверостишие»* на любую заданную Р. Исаевым или кем-нибудь из его единомышленников тему. Хотите — сонет? Может, октаву? Или вам ближе рондо? Выбор за вами!

Читатель вправе спросить: «Где же обещанный разговор о молодых поэтах?» А кого считать молодыми — тех, кому не исполнилось сорока лет? Так Пушкину исполнилось только 37, а Лермонтову и того меньше… Вот вам и молодые! Если определять не по паспорту, не по членству в писательском союзе, а по стихам, по «гамбургскому счету», то, на мой взгляд, поэты бывают или Божьей милостью (Пушкин, Лермонтов, Махмуд, Батырай, Р. Гамзатов…), или Божьей милостыней… Относится это и к критикам, и к читателям.

КРИТИКА

Абдурахман УМАХАНОВ

Открытие поэта...

Должен признаться, что всегда с большой долей скепсиса отношусь к вторжению в науку, искусство, литературу больших и очень больших начальников. Это очень похоже на басенное вторжение слона в посудную лавку.

Тот, о ком я намерен рассказать, Алипаша Джалалович Умалатов, в двадцать пять лет возглавил Карабудахкентский райком партии, в двадцать шесть – обком комсомола республики, в сорок – Совет министров Дагестана, а в пятьдесят один год стал, как теперь говорят, спикером республиканского парламента, председателем Президиума Верховного Совета Дагестана! Годы его активной общественно-политической деятельности, становления политика и гражданина совпали с суровыми годами войны с фашизмом и тяжелым послевоенным временем.

Ему, всегда бывшему в самой гуще событий предвоенного и военного лихолетья, послевоенного восстановления страны, было и есть что рассказать молодому поколению и людям среднего возраста, знающим историю своей родины в сильно искаженном, порою – просто сфальсифицированном изложении. И он делает это в своей поэзии, прозе, публицистике, делает талантливо!

Первый его небольшой поэтический сборник «Юрегим шагьат» («Сердце-свидетель») вышел в свет на кумыкском языке в 1991 году. Он включает в себя, в основном, любовную лирику («Отцам», «Человечность», «Слово», «Счастье» и др.), три с небольшим десятка четверостиший, каждое из которых (подобно рубаи Омара Хайяма) имеет самостоятельный сюжет и две сравнительно небольшие поэмы – «Отцовское село» и «Пожелтевшая фотография». Весь сборник объединяет одна особенность – тонкое описание природы.

Вторая, выпущенная в 1995 году на кумыкском языке, книга лирики «Ай ярыкъ гечелер» («Лунные ночи») издана Дагучпедгизом, что не могло не наложить своего, характерного отпечатка на содержание сборника, большинство стихов которого носит, на мой взгляд, подчеркнуто назидательный характер. Остальные книги поэта – «Прошу слова» (1997 г.), «Тропы любви» (2002 г.), «От Сталина до наших дней» (1993 г.) и «По тропинке – на шоссе» (2002 г.) – изданы на русском языке. Две последние – в прозе, причем обе – автобиографические повести. По ряду признаков (документальность, достоверность и даже манера изложения) книги эти удивительно напоминают работу Алибека Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане».

Проза Алипаши Умалатова, изданная без не всегда удачного вмешательства переводчиков, звучит превосходно, читается легко и с удовольствием. И, думаю, не в последнюю очередь потому, что автор отменно владеет пером, максимально объективен, предельно искренен и совершенно не интересуется настойчиво навязываемой СМИ оценкой исторических деятелей, фактов и событий, свидетелем и активным, и далеко не рядовым, участником которых он сам был.

Дабы не пополнять и без того достаточно плотные ряды аллилуйщиков, то вот что, на мой читательский взгляд, могло сделать еще интереснее хорошую поэзию Алипаши Умалатова (к прозе – вопросов нет). Это разборчивость в выборе своих переводчиков, память о том, что ритм для поэзии так же важен, как для музыки. И что рифма, придающая стихам музыкальность – это не простая дань традиции, а одна из обязательных составляющих поэзии (за исключением белых стихов). Ну и главное – всегда смотреть на свое творчество глазами доброжелательного, но строгого читателя, которому оно и адресуется.

По прочтении книги Алипаши Умалатова «Тропою любви» я решил, что наименьшее из того, что она заслуживает – это представление ее на соискание Государственной премии республики в области литературы. Когда же я проштудировал еще и две его книги прозы, мое решение перешло в твердую уверенность. Хотя едва ли это приведет автора в восторг.

И еще я немного по-хорошему завидую тем, кто (в силу разных причин) не знаком еще с творчеством Алипаши Умалатова, поскольку их ждет радость встречи с его прекрасными стихами и серьезной, великолепной прозой!

Магомед ЮСУПОВ

Миниатюры

БЕДНЫЙ ОТЕЦ

Говорят, дети – радость в доме. А мне с моим оболтусом беда. Он мне каждый день вместо «Доброе утро, папа!» говорит «Дай на бутылку». А мне и на минералку жалко давать. Ему бы, как всем детям, молоко пить, да мультики по телевизору смотреть. Ан нет. Он водку жрет и веселится, как на свадьбе. И как напьется – покоя нет. «Пап, давай в «Ну, погоди!» сыграем». И мне, зайцу, под диван прятаться приходится, чтоб волк не поймал. Зачем мне эти прятки на старости лет? Думаю, наконец-то волк уснул, вылезаю из-под дивана, а он как даст по голове: «Попался, заяц!». Я чуть не умер. Не ребенок, а наказание.

Порой хочется его выпороть как сидорову козу. Да рука не поднимается. Ну руки у меня коротки, чтоб его бить. Сынок, как-никак, на два года старше папы и вымахал под два метра. Даже в прыжке не достать. Когда женился, думал, как сыр в масле буду кататься. Жена – во, денег куры не клюют. Живи и радуйся, если бы не сын. Он мне – как кость в горле.

– Не дам, – говорю, – я тебе на водку.

– Тогда из дому выгоню. Расскажу маме, какой ты плохой папа, к соседке в гости бегаешь.

– Цыц, – говорю, – дурак! Нельзя про такое рассказывать.

– А-а, испугался?!

Я говорю:

– Папа тебя любит. Помнишь, я тебе конфеты покупал.

– Молодец, папа! О детях надо заботиться. Теперь сбегай за водкой. Выпьем, веселее будет.

– Ну нету, – говорю, – у меня денег.

– А ты у мамы проси, спонсорши своей.

– Так я только вчера у нее брал.

– А сегодня, скажи, нужнее, чем вчера.

– Ну не даст, – говорю, – она.

– Пап, ты как маленький. Тебя всему учить надо. Ты сначала поухаживай за ней. Потом она ни в чем тебе не откажет.

Какой наглец. Отца учит. Ну, и дети пошли. Мы в наше время такими не были. Если он такой умный, чё сам не женится? А то присосался к бутылке и не оторвется, пока не уснет. А жена еще обижается, почему, мол, сына не любишь.

Да потому, говорю я ей, он на соседа очень похож, а деньги на водку просит. Нужно мне такое счастье? Вот именно! Как только встречу бабу богатую да щедрую, уйду из семьи. Не нужен мне такой сын. Пусть растет без отца. И никто меня не осудит.

ШАПКА

Хорошая у меня шапка? Лучше не бывает. Не каждый имеет такую. И она у меня не единственная. У меня еще фуражка есть – «аэродром»: при дожде зонтик заменяет. Еще у меня папаха есть – я очень ею горжусь. Когда папаху надеваю, меня все уважают, двумя руками здороваются. А вот когда шляпу ношу, как у Горбачева – только двумя пальцами. Теперь на вязаную шапку деньги откладываю. Куплю, враги от зависти лопнут. Потому что богатый я человек.

А некоторые граждане вообще головного убора не имеют. Голова есть у человека, а прикрыть нечем. У таких людей, как правило, и в самой голове пусто. Объясняю. Мысли у нас в голове какие? Правильно. Шустрые. Бегают туда-сюда, им не сидится и не спится. Мои мысли – мои скакуны, проскакали из пустой головы. Была мысль, и нет ее. Пропала, неизвестно куда и откуда. Ищи, свищи. И милиция не найдет, даже за вознаграждение. И не вернется сама в пустую голову – там ей скучно. И все потому, что шапки на голове нет. Шапка – она ведь как сторож. Захочет мысль выбежать, а шапка ей: «Стоять! Ты куда? А ну – на место!».

Про забывчивых что у нас говорят? Правильно: девичья память. Потому что ничего не помнят и соображают плохо. А причина та же: голова не прикрыта. У меня одна знакомая ни зимой, ни летом ни шапку не носит, ни платок. А прически каждый день меняет, муж комплименты делать не успевает – скандал дома. Такое впечатление, что голова у нее только для прически. Потому и инциденты разные происходят. Бедняжка, замуж вышла за Николая, а детей родила от Ивана Второго. Не соображает баба, что делает, провал памяти. А ежели бы она одевалась потеплее, на голове платок двухметровый, да еще кинжал на поясе, чтобы воткнуть в задницу любому наглецу. Тогда бы никто ее не обидел.

И еще я вам по секрету скажу. Если человек обедает в шапке, у него теща глохнет. Ну что может быть приятнее. Ты ей, глядя в глаза, любые гадости можешь сказать. А она: «Чё?». Что слышала, отвечаешь, чтобы у тебя язык змеиный отнялся для полного счастья. Тогда наступит и покой в доме.

Так что, шапка – великая сила!

В ТЮРЬМУ ХОЧУ

Я вчера в парке ночевал. Всегда там ночую, как из подвала выгонят. А что? Нормально! Места много, воздух свежий, живи – радуйся. Одно плохо: птицы постоянно гадят, и холодно очень. Даже когда укрываюсь двумя газетами.

А недавно ребята здоровые мимо проходили. Видно, поняли, что холодно, поколотили хорошенько, жарко стало, как в бане. И вдруг убежали. Я даже удивился: ведь смирно лежал. Спокойно, как покойник. Тут вижу – машина милицейская едет! Менты спрашивают: за что они тебя? Они меня?! Я им: обижаете, гражданин начальник, кто меня обидит – три дня не проживет. Это я их колотил. Если бы не вы, убил бы, наверное. Для забавы… Видите, какой я бандит страшный? Всегда в синяках. Арестуйте меня и в тюрьму, нельзя меня на воле оставлять. Опасно для жизни.

Не забрали. Бдительность не проявили. А в тюрьме мне было бы хорошо. Там кормят и жильем обеспечивают. Что человеку еще надо?

Было бы там плохо, богатые туда не попадали бы. Сколько министров, богачей всяких там сидели. Хотя у всех свои дома есть. А о них заботятся, домой за ними приезжают, на машине отвозят. Да еще охраняют с автоматами. А бездомные на улице ночуют. Недавно позвонил я в один дом. «Кто там?» – спрашивают. Я говорю: откройте, снежный человек. Они открыли, посмотрели: что, мол, надо? Я говорю: согреться хочу. Они отвечают: печка не топится. И выгнали…

А преступление совершить не могу – воспитание не позволяет. Если кто что украл, валите на меня. Только быстрее, пока зима не кончилась. А то помру от холода.

МУДРЫЙ

Прочитал недавно газету. И многое узнал. Оказывается, древние римляне (раз древние, значит, мудрые) за руку не здоровались. Это считалось у них неэтичным. И с точки зрения медицины негигиеничным: микробы могут передаваться. Микробы очень живучие, заразы. Размножаются быстрее тараканов. Тех римлян в помине уже нет, а микробы до сих пор существуют. Потому что у людей вредная привычка – за руку здороваться. За руку у римлян только враги здоровались, чтобы показать: в руках нет оружия, давай, дескать, помиримся. А еще при встрече римляне спрашивали: как потеешь? Если потеешь – здоров как бык. На тебе пахать можно. А не потеешь – ноги протянешь. Очень мудро.

Теперь я тоже с римлян пример возьму. Ни с кем за руку не буду здороваться. Вот товарищ идет. Начну с него.

– Здрасте!

– Привет. Ты только руку мне не протягивай. Нельзя тебе руку подавать.

– Я что, обидел тебя?

– Никогда в жизни.

– Тогда какая муха тебя укусила?

– Никакая муха меня не кусала, меня комар укусил.

– Что-то агрессивный ты стал.

– Нет, я добрый. И мудрый. Не замечаешь?

– Пока еще нет.

– Ничего, бывает. Сократа тоже не сразу поняли. Зато дурака легко узнать – он каждому руку протягивает: дай пять! А человеку не то что пять, мизинец подавать нельзя.

– Почему?

– Темный ты. Вот какое у тебя образование?

– Десять классов.

– Все ясно, ты не виноват. А я вот полный курс обучения прошел. Да еще газеты читаю, наши российские, особенно – дагестанские. Потому что знаю: ученье – свет. А кто не учится, тому овец в темном сарае пасти. А ты не читаешь? Нет?! Нехорошо! Надо просвещаться. Ладно, объясню попроще. Я врагу ненавистному руку подам, а тебе – никогда. Понял?

– Как не понять. Зуб на меня имеешь, только за что?

– Тебе объяснять – как горох об стенку.

– Слушай, может, ты заболел?

– А ты потеешь?

– Когда?

– Сейчас.

– С чего я должен потеть?

– С тобой все ясно. А я вспотел, пока с тобой разговаривал. Знаешь, почему?

– Нет.

– Больной ты, вот что. Тебе лечиться надо.

– Сам ты дурак.

– Ты меня не обзывай, а то я обижусь.

– Извини. Вырвалось. Но почему ты руку мне не подаешь?

– И правильно делаю. Никогда тебе руки не подам.

– Ну если так, и я ни за что не стану с тобой здороваться. Прощай.

Молодец! Наконец-то до него дошло. Оказывается, если понятно объяснить – понимает…

САТИРА И ЮМОР

Байрам САЛИМОВ,

народный поэт Дагестана

ЧТО СТРОИТ?

– Али, старина, сколько лет, сколько зим!
Уже и супруга, наверно, с дипломом?
– Ну, что ты, дружище, конечно, давно.
Да только учеба ее вышла комом.
– Мечтала, я помню, стать зодчим она,
Что строит? Вся радужных планов полна?
– Какое… построила б хоть бы избенку!..
По улицам шастает и из себя
Все строить старается супер-девчонку.

КАК ТОЛЬКО – ТАК СРАЗУ

Хормейстер звал записываться в хор:
– По четвергам в рабочем клубе сбор,
Мероприятия идут по плану:
Сыграем в карты, выпьем по стакану,
И анекдоты в ход идут потом…
– Когда же вы поете хором?
– А очень скоро:
Как только выпьем, сразу и поем.

ГДЕ ТОТ ЗАЯЦ?

Али заспорил об охоте:
– Сосед, не надо лишних слов,
Я доказать тебе готов,
Что попадаю точно в зайца
На расстояньи ста шагов.
Сосед на это отвечает:
– Поверить я тебе готов,
Что из отличных ты стрелков
И промаха не знаешь.
Но ты скажи, где заяц тот,
Который вдруг стоит и ждет,
А ты шаги считаешь?

ТЕПЕРЬ ТЫ МОЙ

Али у женщины в гостях,
Наевшись вдоволь, до отвала,
Хотел немного прикорнуть,
Но женщина ему сказала:
– Теперь – ты мой,
И госпожой тебе я буду…
– Сама ты мой, – обиделся Али
И отодвинул грязную посуду.

ЯИЦ Я НЕ НЕСУ

Али-писатель спор завел о книге:
– Твое сужденье, дорогой сосед –
Абсурд, кобылы сивой бред,
Не более, чем зависти оскал,
Ведь ты и строчки сам не написал.
Сосед парировал таким ответом:
– Честь курицы не будет тем задета,
Что оценю я качество омлета
Не хуже курицы, наверняка…
Хотя, как ты прекрасно знаешь,
Яиц, Али, я не несу пока.

НАКЛАДЫВАЙ МРАМОР

Новый дагестанец руку поломал,
– Мы на руку вашу,
Чтоб не шевелилась,
Гипс сейчас наложим, –
Врач ему сказал.
Новый дагестанец так в ответ врачу:
– Гипс мне твой не нужен,
Мрамор наложи мне,
Сколько будет стоить,
Я все оплачу.

Перевел с лезгинского
Георгий КАЛАНДЖИЕВ

Яхья ЯХЬЯЛОВ

ЯБЛОКИ В САДУ

Как и все, я родился безгрешным,
Но достался тяжелый мне рок,
Был заложен в несчастную душу
Испытаньем суровым порок.

Моё детство не сладкое было.
Рос я, клея вдыхая пары,
Меня улица жестко учила…
И прощал все господь до поры.

Воспитатель мой, пьяный папаша,
Изводил меня в хмельном бреду,
Обозленный, я маму не слушал,
Начиная со всеми войну.

Поселились в душе моей черти
И шептали, как жить мне и быть,
По какой мне дороге приятней
Будет ездить и небо коптить.

И пошел я, несчастный мальчишка,
В сад запретные яблоки красть,
Злой на папу, на мир и на долю.
Строил планы, как в дамки попасть.

Не подумал: платить ведь придется,
Наказанья мечтал избежать.
Утешался простыми словами:
Хочешь жить – не боись рисковать.

Не считал я себя виноватым –
Виноваты враги и друзья,
Потакал я страстям всем проклятым,
Сатаны угощенья жуя.

И не знал, что синхронно со мною
Народился малыш-прокурор,
Он своею разящей рукою
Мне подпишет на смерть приговор.

Я не ведал, что каверзный опер
В яслях рядом сидел на горшке,
Знал бы это, тогда уж бесспорно
Двинул куклой ему по башке.

Я не ведал про камеру эту,
Где придется путевку ждать в ад,
Для меня её строили предки
Не так много – пятьсот лет назад.

Я не знал, что любимая фея,
За которую много я пил,
Обернется женой конвоира,
Что меня на прогулку водил.

Соблазнил меня дьявол, тоскливо
Песню спев про бродяг и острог,
Разукрасив мои все пороки,
В черный омут, свинья, уволок.

Вот теперь дожидаюсь расстрела,
Не пойму, как попал я в беду.
И смешно, что дорога на плаху
Началась с кражи яблок в саду.

СТАРАЯ СКАЗКА

Движется время вперед по спирали,
Все, что нас ждет – наши предки познали.
На предыдущих витках это было,
Так же собак убивали на мыло.
Демоны песни греховные пели,
Люди и раньше соперников ели.
Шлюхи, раздевшись, виляли хвостами,
Кони за ними неслись табунами.
Дурочки, спутав шалаву с Джульеттой,
Жрали любовь, почем зря, как котлеты.
Белое смазано черным – всё серо,
Деньги важней уваженья и веры.
Вера слабеет, а дьявол ликует,
Грязные страсти в народе бушуют.
Жизнь-испытанье: сплошные капканы,
Дьявол – как волк, а людишки – бараны.
Муж, как хозяин и воин, мельчает,
Женщина грудью его защищает.
Парень-Ромео с серёжкою в ухе,
Песню поёт для дрянной потаскухи.
Педики-гомики разных мастей
Ждут на банкеты высоких гостей.
Все веселятся – сплошная умора.
Старая сказка – Содом и Гоморра.

СЫНОК

Долой Кавказ, отцов советы!
Даешь Европу, гомиков куплеты!
Долой мораль, долой заветы!
Даешь гашиш, из мух котлеты,
Свободу нравов, секс-свободу,
Порнуху, пиво, коку, моду!
Даешь стриптиз и гонорею.
Имеешь СПИД? – и я имею.
Колюсь, тащусь, в бордель хожу,
На всё с презрением гляжу.
Долой, кричу, долой, долой!
Вдруг сверху крик: «Сынок, домой!»

Зульфукар ЗУЛЬФУКАРОВ

Из других источников к этим асанам я присовокупил Таласану. И вот почему. Практикующий эту асану разгибает и вытягивает свой позвоночник, что благотворно сказывается не только на осанке и росте, но и на здоровье, освобождая из тисков нервы и избавляя от болей в спине. Кроме того, что вы подрастаете примерно от двух до пяти-шести сантиметров, в зависимости от возраста, но и значительно расширите экскурсию легких. Например, известный болгарский певец Нино Луканов, и без того имевший отменные по объему легкие – 5500 куб. см, довел их объем до 8360 куб. см. Он вполне мог бы попасть в Книгу рекордов Гиннеса как рекордсмен, поскольку даже профессиональные гребцы, пловцы и ватерполисты не могут похвастать такими мощными легкими.

14. ТАЛАСАНА

Техника. Стать по стойке «смирно» и, делая глубокий вдох, поднять левую руку вертикально, затаив дыхание до 4 секунд, изо всех сил тянуться вверх, словно хочешь достать небо, но при этом, не отрывая пяток от пола. С выдохом руку отпустить.

Как только захочется вдохнуть, глубоко вдыхая, поднять другую руку и проделать все так же. Потом тянуться к небу обеими руками вместе на полном вдохе в течение 4 секунд. Каждый раз будете ощущать, что вы все четыре секунды растете «из себя». А после выполнения асаны негоже вам, ссутулившись плестись, шаркая и глядючи под ноги.

ЧУДО-КОМПЛЕКС

Все асаны, о которых шел разговор, я расположил таким образом, чтобы они, как и полагается компонентам лекарства, дополняли и усиливали друг друга. Химики это называют синергизмом. Вы, может быть, не обратили внимание, но… Пить кофе – это просто пить кофе. Читать журнал – это просто читать журнал. Но пить кофе и одновременно читать журнал – это особый кайф! Бывает, что сами по себе ничего не значащие компоненты давали в совокупности сильный эффект. Я же вам предлагаю такой комплекс, в который входят компоненты сами по себе чрезвычайно эффективные – лекарства, целительные и оздоровительные.

Итак:

1. Сиршасана – 1 раз – постепенно довести до 5 минут.
2. Випарита-Корани – 1 раз – постепенно довести до 5 минут.
3. Сарвангасана – 3 раза – постепенно довести до 2 минут (всего – 6 минут).
4. Халасана – 3 раза – постепенно довести до 2 минут (всего – 6 минут).
5. Пашимотана – 3 раза – постепенно довести до 2 минут (всего – 6 минут).
6. Арда-Мациандрасана – по 2 раза в каждую сторону – постепенно довести до 4 минут всего.
7. Буянгасана – 3 раза – постепенно довести до 2 минут (всего – 6 минут).
8. Данурасана – 2 раза – постепенно довести до минуты (всего – 2 минуты).
9. Салабхасана – 2 раза – по 6 секунд.
10. Триконасана – 2 раза в каждую сторону – всего 1 минута.
11. Таласана – 3 раза – всего 1 минута.
12. Савасана – 1 раз – 5-10 минут.

Примечание. Асану Удиана-Банда надо приплюсовать к зарядке, поскольку она требует пустого кишечника.

Комплекс лучше проделывать вечером перед ужином, чтобы вернуть чувства свежести и бодрости, подрастраченные на дневные заботы-работы.

В зависимости от ваших потребностей, можно, не стесняясь, внести коррективы в комплекс. Скажем, ваша наиглавнейшая забота – почки. Тогда вы, оставив Буянгасану на ее месте в комплексе, постепенно доводите количество ее выполнения до восьми, а время каждой позы – до 2 минут!

Если Салабхасану осилить не можете, делайте Арда-Салабхасану.

Если не уверены в силе своей шеи, а вес тела перераспределить на руки не можете, Сиршасану делайте следующим образом. Из позиции, сидя на пятках, одновременно опуская голову и поднимая таз, коснитесь пола (подстилки) границей между лбом и волосами; расположите руки замком на темени и локтями на полу, задерите таз еще выше и… поднимите вертикально одну ногу. Опустив эту ногу на место, задерите другую на такое же время. Это вполне заменит трудную асану для ослабленных, тучных, травмированных. Лечит не гимнастическое или цирковое совершенство позы, а сама поза. Перевёрнутость.

С чьей-либо помощью можно научиться отлично стоять на голове даже и в весьма преклонном возрасте. И шею себе не сломаете, и сосуд никакой не лопнет. Надо только соблюдать постепенность и ни в какой, самой «безопасной», асане не оставаться, если почувствуете, что хватит, что вам становится неприятно.

Те минуты, которые указаны в комплексе, набирать надо очень осторожно, постепенно, и только через удовольствие, а не превозмогая страдание. Страдание даст страдание, умноженное на время страдания. А удовольствие и вера дадут вам совершенное здоровье.

У меня восьмидесятилетние преподавательницы университета с очень даже впечатляющими формами стояли на голове и… благодарили за то, что я вернул им девичью бодрость… А одна артистка драмтеатра после двух месяцев занятий хатха-йогой в свои более чем за пятьдесят стала играть роли молоденьких в своих платьях семнадцатилетней поры… А один ученый муж, который при подготовке докторской диссертации потерял сон и никакие врачи ему его не возвращали, задавал храпака прямо на занятиях под хохот всего громадного спортзала… А пенсионер-астматик, который стал еще и невротиком, пытаясь вылечиться у самых лучших в мире советских врачей, забыв, какие он лекарства принимал, бегом поднимался на седьмой свой этаж… А мои ученики-стрелки из лука становились мастерами спорта не за восемь, положенных спорткомитетом СССР лет, а за год, менее способные – за полтора-два года. Из восьми человек сбор-

ной команды РСФСР пятеро были мои ученики. О призерах всяких первенств не говорю, двукратный чемпион СССР Костя Левченко – мой ученик, чемпион РСФСР Саша Костюков, чемпионка мира Аня Исаева, тренер сборной команды РФ Магомед Османов – мои ученики.

Обратите особое внимание на Савасану. За пять-десять минут в этой асане можно так отдохнуть и набраться сил, словно вы спали как минимум восемь часов на сеновале. В этой позе вы можете самовнушением лечить свои болезни. Чтобы хорошо овладеть этой позой, воспользуйтесь следующим советом.

Лягте на спину, свободно раскиньте руки-ноги, поудобнее пристройте голову, повернув ее, куда нос перетянет, закройте глаза и… попытайтесь вызвать в воображении своем облик пальцев ног, будто лучом фонарика их высвечиваете. Если не получается, не тушуйтесь – на первых порах хватит и того, что внимание на пальцах сосредоточено. На вдохе скажите – «я», а на выдохе – «расслабляю пальцы ног». И так два-три раза, и на полном серьезе. Потом переведите «луч фонарика» на ступни и на вдохе скажите – «я», а на выдохе – «расслабляю ступни». Таким образом пройдитесь до макушки. То, что мышцы подчиняются вашим командам, вы явно ощутите, когда дойдете до шеи. Казалось бы, голова и так повернута до упора, а стоило вам сказать – «я… расслабляю шею», как голова повернется – повиснет еще.

Потом, на вдохе скажите – «я», а на выдохе – «весь расслабился и спокойно, и приятно отдыхаю». И вообразите себя в спокойном приятном месте, например, на пляже.

Это первый этап, на который у вас, может быть, уйдет неделя-другая. Когда асана станет хорошо получаться, вы можете ускорить действо. Не пальцы, ступни, щиколотки, голени и так далее, а сразу – «я… расслабляю ноги». А еще чуть позже вам стоит только подумать – «я… расслабляюсь… я спокойно и приятно отдыхаю», как сразу же так и произойдет.

Овладев первым этапом, вы можете приступить к лечению, например, сердца.

Это делается так. Расслабились. Приятно, спокойно отдыхаете. Ничто вам не мешает. Вы вызываете в воображении как можно более зримый образ сердца в виде ведра с нечистотами. С каждым выдохом из ведра утекает часть нечистот – болезни, с вдохом эта часть замещается кристально чистой водой, родниковой, ключевой, здоровьем. И так, пока все ведро не наполнится прозрачной водой-здоровьем, живой водой.

А процесс более лучшего овладения асаной будет меж тем продолжаться. Второй этап: вы спокойно и приятно отдыхаете и… ясно видите с закрытыми глазами бездонное, бирюзовое, безоблачное, сияющее небо. Пытайтесь, пытайтесь и пытайтесь, пока не получится. Тогда целебная ваша сила удвоится.

Третий и последний этап. Вы видите в этом прекрасном, свободном, беззаботном небе себя… в виде птицы, отвечающей вашему характеру: голубь, ласточка, орел… Горьковский буревестник? Чеховская чайка? Дело ваше.

И вот в ваших руках три силы, вы – всемогущи словно Бог, и что вам какая-то болезнь! А если серьезно, вы будете уметь уговаривать сердце не болеть и не подводить вас, за 5-10 минут будете возвращать утраченную за день жизненную силу, посылая поток крови с праной в любую часть тела, скажем, срочно согреете озябшие ноги…

УШУ – ЭТО ЗДОРОВО!

При горбачёвизме скучный, нудный, никчемный журнал «Здоровье» неожиданно взбрыкнул. Под маркой гигиенической гимнастики стал с продолжениями печатать комплекс ушу. Видимо, горбачёвские партаппаратные игры привели к тому, что в пропагандистский отдел цэка просочился абсолютный тупица, которого можно было убедить, что ушу – это безобидная гимнастика и что запрет партии и правительства на все восточные единоборства на всей территории империи к ушу отношения не имеет. На самом деле, предлагаемый читателям «Здоровья» комплекс был самым что ни на есть боевым, и причем из самой прославленной шаолиньской школы…

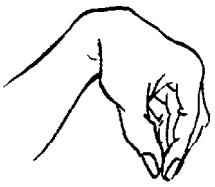


Рис. 1

Если вы любитель оздоровления через движения, то лучшего способа, чем занятия ушу, нет. Уверен в этом. Моя уверенность подкрепляется тем, что я и сам занимался и могу сравнить, наблюдал множество занимающихся и неоднократно беседовал с ними, их тренерами и специалистами высокого класса – и из Китая, и из тогдашнего СССР, учившихся и практиковавшихся в Китае. Всё говорит за то, что ушу – это здорово.

Хочу предложить вам не ополовиненный, как в журнале «Здоровье», комплекс, но полный, причем, с подготовительными упражнениями. Хотя советую вам никаких подготовительных упражнений не делать, брать быка, так сказать, за рога. И имейте в виду, что медленное исполнение упражнений вкупе с соразмерным дыханием даст тот самый гигиенический лечебный эффект, на который купили высокопоставленного партаппаратчика. Средний темп – тренировочный, оздоровительный. Быстрый – спортивный и боевой. Молниеносный – вооружен и опасен.

И еще совет. Разучите хорошенько первое упражнение. Потом также хорошо – второе. Затем – оба вместе. И только потом, освоив предварительно третье упражнение отдельно – прибавьте его к двум первым. И так далее.

Будет отлично, если себе на помощь призовете свою психику, воображение. Как? А очень просто. При разучивании первого упражнения, воображайте, что вы врезали ребром ладони по шее мерзкого террориста. При разучивании второго упражнения – дернули его за платочек или за воротник на себя и шандарахнули ему в зубы или в подбородок. Представляете, какой силы ударто будет!

Подспудно, на уровне подкорки, такая «агрессивная политика» сделает вас решительнее, бесстрашнее, увереннее. У вас поступь изменится к лучшему, взгляд станет волевой… А все это тоже эффективные лекарства.

Итак, встряхнулись, встрепенулись, засучили рукава и… замахнулись на большое и очень важное для здоровья дело. Комплекс взят из книги известного китайского мастера ушу Цан Лун-юня в изложении К. Барского «Уроки китайской гимнастики».

АЗЫ

1. ***«Кулак» (цюань).*** Пальцы плотно прижаты друг к другу, большой палец лежит поверх указательного и среднего.

2. ***«Ладонь» (чжан).*** Рука вытянута вперед, четыре пальца прижаты друг к другу и направлены вверх, ребро ладони – вперед, большой палец согнут и прижат к краю ладони.

3. ***«Клюв журавля» (гоу).*** Пять пальцев собраны в щепоть, рука согнута в запястье, кисть направлена вниз (рис. 1).

Стойки

1. ***Стойка «лучника» (гунбу).*** Левой ногой сделать большой шаг вперед (ширина шага в 5-6 раз больше длины ступни), согнуть ее в колене, носок слегка повернуть вовнутрь; правую ногу выпрямить, носок также слегка повернуть вовнутрь, вся пятка касается земли и служит упором; корпус развернуть вперед, плечи расправить, кулаки ребром ладони прижать к поясу, локти отвести назад, смотреть прямо перед собой.

2. ***Стойка «всадника» (мабу).*** Ноги расставить шире плеч (ширина шага в 4 раза больше длины ступни), ступни расположить параллельно, носки ног направлены вперед, ноги согнуть в коленях так, чтобы бедра находились

на одной высоте параллельно земле, а колени не выступали за линию носков, вся пятка касается земли; центр тяжести разместить посередине между ногами, кулаки ребром ладони прижать к поясу, локти отвести назад (рис. 2).

Рис. 2

3. *«Пустая» стойка (сюйбу).* Ноги слегка расставить, правую ногу слегка согнуть в колене, ступню развернуть на 45 градусов; левую ногу слегка согнуть в колене, пятку приподнять над землей, носок оттянуть и немного повернуть вовнутрь, большой палец ноги касается земли; центр тяжести перенести на правую ногу; руки на поясе.

4. *Четвертая стойка (динбу).* Ступни поставить вместе, обе ноги слегка согнуть в коленях, правая пятка полностью касается земли, левая приподнята, носок оттянут, большой палец касается земли возле середины правой ступни, центр тяжести перенести на правую ногу; кулаки ребром ладони прижать к поясу, локти отвести назад.

5. *Стойка «припавшего к земле» (пубу).* Ноги широко расставить, правую ногу согнуть в колене, бедро прижать к голени, так, чтобы пятка касалась ягодицы, вся пятка касается земли, колено и носок слегка развернуты; левую ногу распрямить, отставить вбок и почти положить на землю, вся пятка касается земли, носок повернуть вовнутрь, ступни обеих ног поставить по возможности параллельно; корпус слегка наклонить вперед, спина прямая, кулаки ребром ладони прижать к поясу, локти отвести назад, смотреть влево перед собой (рис. 3).

6. *Стойка отдыха (себу).* Ноги скрестить и согнуть в коленях, выставить левую ступню вперед, вся пятка касается земли, носок слегка развернуть; правую ступню передней частью упереть в землю, колено прижать к внешней стороне левой голени (практически сесть на пятку правой ноги); спина прямая, кулаки ребром ладони прижать к поясу, смотреть влево.

7. *Стойка «поза лотоса» (цзопань).* Ноги скрестить, правую ногу согнуть в колене, бедро и голень прижать к земле, пятка касается ягодицы; левую ногу расположить над правой, левое бедро прижать к груди, левая ступня касается земли, кулаки ребром ладони прижать к поясу.

8. *Стойка «вилы» (чабу).* Правую ногу слегка согнуть в колене, левой ногой за спиной сделать шаг вправо, опора на переднюю часть ступни, носок ноги слегка развернуть, ногу выпрямить, центр тяжести перенести на правую ногу; кулаки ребром ладони прижаты к поясу.

Элементарные движения рук и ног

1. *Выброс кулака.* Исходное положение (и. п.): ноги на ширине плеч, кулаки ребром ладони прижаты к поясу, локти отставлены назад, спина прямая, живот втянут, плечи расправлены.

Правый кулак резко выбросить прямо вперед, корпус повернуть вправо вслед за движением руки, правое плечо также уходит вперед. Постепенно развернуть кулак против часовой стрелки, руку полностью распрямить, кулак в конечной точке находится на высоте плеча. Левый локоть одновременно резко отставляется назад. Выброс кулака сопровождается резким выдохом.

2. *Блок кулаком.* И. п. то же. Правая рука, сжатая в кулак, совершает круговое движение перед корпусом снизу влево – вверх, плечи расслаблены, рука слегка согнута в локте. Смотреть влево.

3. *Толчок ребром ладони.* И. п. то же. Кулак, находящийся у пояса, раскрыть, резко выбросить руку прямо вперед, корпус повернуть вправо вслед за движением руки, правое плечо также уходит вперед. К концу движения ладонь развернуть ребром вперед. Левый локоть одновременно резко отставляется назад. Толчок ребром ладони сопровождается резким выдохом.

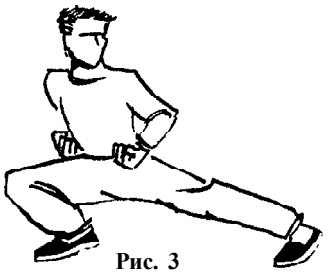


Рис. 3

4. *Блок ребром ладони.* И. п. то же. Правый кулак, находящийся у пояса, раскрыть, рукой совершить круговое движение сбоку от корпуса вправо – вверх. К концу движения ладонь повернуть кверху, руку слегка согнуть в локте, глазами сопровождать движение руки.

5. *Прямой выброс локтя.* И. п.: ноги вместе, кулаки ребром ладони прижаты к поясу, локти отведены назад.

Левую ногу слегка согнуть в колене, правую ступню приподнять и завести за голень левой ноги, корпус развернуть влево. Одновременно расположить обе руки горизонтально на уровне груди, причем правая рука сжата в кулак, а левая раскрыта и упирается в правый кулак. Смотреть влево.

Сделать большой шаг правой ногой вправо и принять стойку «лучника». Одновременно резко выставить правый локоть вправо, локоть на высоте плеча, упираясь в кулак, левая ладонь выталкивает правую руку вперед. Голову повернуть вправо. Упражнение сопровождается резким выдохом.

6. *Боковой выброс локтя из стойки отдыха.* И. п. то же. Сделать правой ногой шаг вправо, носки ног разведены; одновременно отвести левый кулак назад, руку выпрямить. Затем повернуть корпус вправо и принять стойку отдыха, одновременно правой рукой описать полукруг слева от корпуса на высоте плеча, к концу движения руку перед корпусом резко согнуть в локте; левый кулак уходит к левому плечу, локоть на высоте плеча. Правая рука описывает аналогичный полукруг справа от корпуса и, распрямляясь, уходит назад, кулак на высоте плеча. Смотреть на левый локоть. Упражнение сопровождается резким выдохом.

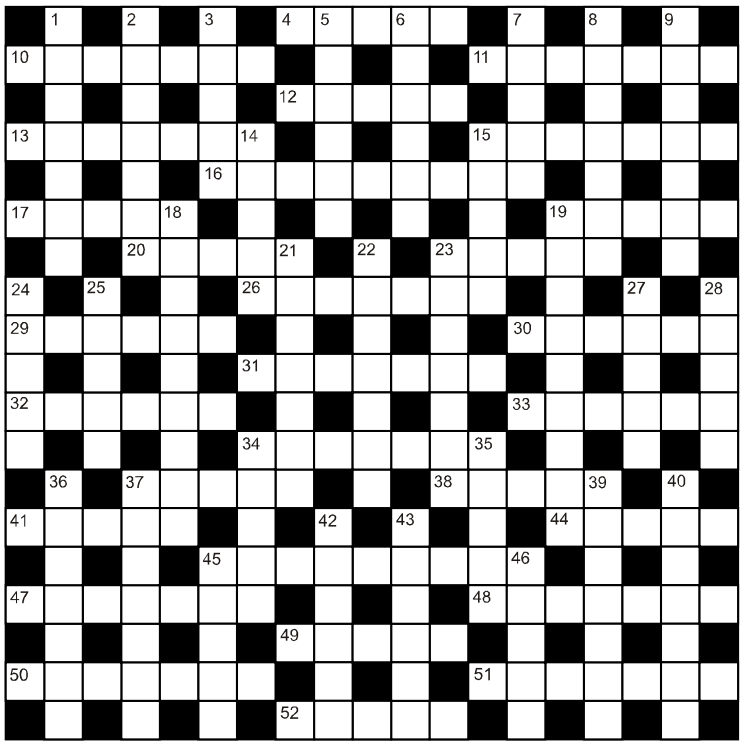
7. *Захват кисти и толчок ногой.* И. п. то же. Сделать полшага левой ногой вперед, слегка перенести центр тяжести вперед. Одновременно левой рукой обхватить запястье своей правой руки, смотреть вперед.

Правую руку сжать в кулак, кисть повернуть по часовой стрелке на 180 градусов и резко прижать к поясу. Левая рука по-прежнему держит запястье правой, правая рука уводит за собой левую, причем левый локоть выставляется вперед, а затем слегка вниз. Одновременно продолжать перенос тяжести тела вперед, слегка согнуть левую ногу в колене; приподнять и согнуть правую ногу в колене, распрямляя ногу, пяткой осуществить толчок вперед (не выше уровня пояса), носок ноги оттянут на себя. Смотреть вперед. Упражнение сопровождается резким выдохом.

8. *«Звонкий хлопок».* И. п. то же. Левой ногой сделать полшага вперед, слегка согнуть ногу в колене, перенести центр тяжести на левую ногу. Одновременно опустить правый кулак вниз, затем отвести его назад и за спиной вверх (плечо при этом служит осью вращения руки) до положения справа над головой. Раскрыть левый кулак, выпрямить руку и расположить ее перед корпусом, ладонь обращена к спортсмену. Смотреть на ладонь.

Приподнять правую ногу и приставить ее к левой, при этом с силой топнув ею о землю, вся пятка касается земли, ноги полусогнуты в коленях. Одновременно тыльной частью правого кулака ударить сверху по ладони левой руки. Раздается звонкий хлопок. Смотреть вниз. Упражнение сопровождается резким выдохом.

КРОССВОРД



По горизонтали: 4. Если делать что-то до такой степени, сознание лишается ясности. **10.** Свойство характера, которое всегда ценилось в Дагестане. В Дагестане часто используется и его местный синоним. **11.** Незаменимый оптический прибор для созревающих юношей, живущих в многоэтажных домах. **12.** Усовершенствуют учителей, обучат кройке и шитью, позволят владеть чужим языком. **13.** Это случилось у Лебедя, Рака и Щуки из крыловской басни. **15.** При социализме это было причиной возникновения очередей в магазинах. **16.** Заморский «конкурент» донер-кебаба. **17.** Бедняга, несчастный. **19.** Очень яркий крупный метеор. **20.** И какая шашка не мечтает стать ею? **23.** Модный молодой человек, в котором форма преобладает над содержанием. **26.** Этим фруктом славится Гергебиль. **29.** Бычок, но не парнокопытный и не морской. **30.** Во время Кавказской войны он был необходим каждому из высшего военного состава царских войск. Облегчал понимание. **31.** Овощная культура. В Россию завезли в 18 веке из Голландии. До Дагестана так и не довезли. **32.** У кого-то – ватная, у кого-то – волшебная, а у настоящего горца – обычная. **33.** Еще не так давно он был большой редкостью на махачкалинских улицах, то ли дело сейчас. **34.** Форма горных серпантинов. **37.** Резкое изменение направления движения. **38.** Создатель образа Кожаного Чулка. **41.** Творожная масса с изюмом. **44.** Цитрус, сваренный в сахарном сиропе и подсушенный. **45.** Специалист по метанию копья с зубчатым наконечником на длинном ремне. **47.** То, что привлекает сторонних авторов к публикации материалов в нашем журнале. **48.** Старинный открытый двухколесный экипаж с поперечными сиденьями в несколько рядов. **49.** Из чего соткана жеманная, изнеженная, не познавшая выживания в суровых условиях барышня? **50.** Пищит – но не будильник, средство связи – но не телефон. **51.** То, чем фактически занимался легендарный Штирлиц. **52.** Как правило, самый внушительный – у «челноков».

По вертикали: 1. Им может быть и кубачинский браслет, и книга стихов Расула Гамзатова, и даже андийская бурка. **2.** Очень выносливое жвачное парнокопытное, чьим именем названа марка сигарет. **3.** Ответвление в горной цепи. **5.** То, что связывает все тридцать три народности Дагестана. **6.** «Срок годности» машины, указываемый в техническом паспорте. **7.** Мелкий и цветной. Свиньям ни к чему. **8.** И место, где разворачиваются какие-либо события, и многоугольник. **9.** Искатель «философского камня», но не Гарри Поттер. **14.** С появлением маршрутного такси это явление, имеющее место быть в общественном транспорте, исчезло. **15.** Не доросший до одного из двух в азбуке Морзе. **18.** То, что полагается каждому четвероногому другу на улицах развитых стран. **19.** Человек, собравшийся в Мекку. **21.** Старинный тактический прием морского сражения. **22.** Известный дагестанский скульптор и публицист. **23.** Каждый из нас в отдельности с точки зрения племен, населявших две тысячи лет назад территорию современного Дагестана. Если у них вообще могла быть точка зрения. **24.** То же, что и хурджин. Писаная в расчет не берется. **25.** Река, протекающая по территории страны, откуда якобы есть пошли кубачинцы. **27.** Наши депутаты заботятся о нем лишь в преддверии выборов. **28.** Первая часть материала на странице 3-й по жанру. **34.** Для нас получить его летом – обычное дело, для жителей российских мегаполисов – стоит немалых денег. **35.** То же, что и фига, но не с фигового дерева. **36.** Имам Шамиль по отношению к аулу Гимры. **37.** Российский областной центр, впервые упомянутый в летописях в том же году, что и Москва. **39.** Человечеству известны зензубели, фальцгобели, цинубели, шерхебели, шпунтубели, а также калевки и горбачи. «Лепит» и ровняет дерево. **40.** Нечто пошло-несерьезное. **42.** В детстве я был уверен, что это неправильно написанное название другого учреждения. Мой сын сейчас считает, что это место, где идет продажа оптом. **43.** Сведения по форме «вопрос-ответ». **45.** Формально в Дагестане не разрешен, фактически многие состоятельные дагестанцы позволяют себе его заводить. **46.** Сейчас во многих махачкалинских квартирах цветочный горшок прячут в эту вазу.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1.

По горизонтали: 1. Степь. **7.** Урахи. **11.** Самурай. **13.** Комары. **14.** Скалка. **15.** Таракан. **17.** Редактор. **18**. Мастерок. **23.** Космодром. **27.** Делегат. **28.** Динамит. **29.** Задор. **32.** Черепаха. **33.** Операция. **34.** Пиния. **35.** Балерина. **36.** Ливретка. **37.** Связь. **48.** Автомобилестроители. **49.** Телекорреспондентка. **53.** Манас. **59.** Половина. **60.** Креветка. **61.** Рикша. **62.** Сутолока. **63.** Лекторий. **64.** Лярва. **67.** Шкодник. **69.** Историк. **70.** Разговоры. **77.** Поступок. **80.** Снеговик. **81.** Кассета. **82.** Солнце. **83.** Пленка. **84.** Ремарка. **85.** Беляк. **86.** Кизяк.

По вертикали: 2. Тамада. **3.** Пороки. **4.** Базар. **5.** Сулак. **6.** Калам. **8**. Ракета. **9.** Холера. **10.** Скарб. **12.** Марка. **15.** Топот. **16.** Народ. **19.** Умка. **20.** Ядро. **21.** Генерал. **22.** Перевес. **23.** Карабин. **24.** Минерва. **25.** Бакалея. **26.** Кибитка. **29.** Запас. **30.** Дания. **31.** Рояль. **38.** Вольера. **39.** Засыпка. **40.** Манты. **41.** Отель. **42.** Чмоки. **43.** Сборы. **44.** Арани. **45.** Лидер. **46.** Место. **47.** Диван. **50.** Ловушка. **51.** Ротонда. **52.** Житомир. **53.** Марал. **54.** Нукер. **55.** Скала. **56.** Черкесы. **57.** Сенокос. **58.** Актиний. **65.** Янги. **66.** Вова. **68.** Каток. **69.** Ирина. **71.** Опись. **72.** Усилие. **73.** Турция. **74.** Иголки. **75.** Свинья. **76.** Оклад. **78.** Кадет. **79.** Услар. **80.** Стоки.

В середине марта в Музее изобразительных искусств им. П. Гамзатовой состоялся вернисаж Манабы Магомедовой в соавторстве с супругом и дочерью – Кадыром и Лейлой Изабакаровыми.

Манаба Магомедова известна в Дагестане и Грузии как мастер ювелирных украшений, но на выставке были представлены не только предметы декоративно-прикладного искусства. Особый интерес посетителей вызвала масштабная композиция «Клад Ильи», посвященная 150-летию со дня рождения грузинского писателя Ильи Чавчавадзе и серия набросков Лейлы Изабакаровой «По Дагестану». Была представлена также книга-альбом, посвященная творчеству Манабы Магомедовой.

Присутствовавший на открытии директор Кубачинского комбината С. Ниналалов предложил авторам идею проведения мастер-классов в Кубачи, выходцами которого они являются. В предоставленном ей слове Манаба Магомедова, которой, кстати, в этом году исполняется 75 лет, поблагодарила всех, когда-либо принимавших участие в становлении ее как творческой личности.

На снимке: работа К. Изабакарова «Конь».

Дагестанец на вершинах мира

стр. 16